
МИХАЙЛО
МОГИЛЯНСЬКИЙ

НЕОПУБЛІКОВАНІ
НОВЕЛИ

Харків
«ПРАВА ЛЮДИНИ»
2023

УДК 821.161.1(477)-312.5

M74

Center for Governance and
Culture in Europe

University of St.Gallen

Це видання підготоване за фінансової підтримки
Центру досліджень урядування і культури в Європі
Університету Ст. Галлена.

This publication was prepared with the support
of the Center for Governance and Culture in Europe
at the University of St. Gallen.

Упорядкування і вступна стаття: Вікторія Сергієнко

Михайло Могилянський. Неопубліковані
M74 **новели / упорядкування та передмова Вікторії**
Сергієнко. — Харків: ТОВ «Видавництво „Права
людини“», 2023. — 300 с.

ISBN 978-617-8186-24-1

Михайло Михайлович Могилянський (1873–1942) — один із засновників жанру інтелектуального роману в українській літературі ХХ століття. Після появи оповідання «Вбивство» (1925), де в особі антагоніста — невдалого «національного героя» — радянська влада впізнала історика Михайла Грушевського, Могилянському було заборонено друкуватися. «Честь» (1929), один із трьох написаних у шухляду романів письменника, вперше виданий 1990 року в київському літературному часописі «Вітчизна». «Ильза» (1937) та «Всюду страсти роковые» (1939), написані російською мовою у Дніпропетровську, де Могилянський мешкав у 1934–1941 роках, збереглися в Центральному державному архіві-музеї літератури і мистецтва України. Обидва твори — це романи у первісному значенні цього слова, а саме: романтичні, любовні історії. Інтертекстуальність, інтелектуальна провокація та випробування меж пристойного для радянського суспільства 1930-х років, ніби емансипованого революцією від «буржуазної моралі», — ось те, що характеризує публіковані тут тексти.

УДК 821.161.1(477)-312.5

- © Михайло Могилянський, нащадки, 2023
- © Вікторія Сергієнко, упорядкування та передмова, 2023

ISBN 978-617-8186-24-1

ПИСЬМЕННИК ПРИСТРАСТІ

Суперечливі думки, почуття та бажання часто співіснують у людях. Та попри це різноманіття завжди можна виокремити доміную характеру, здатну описати когось найточніше. Ця риса є настільки важливою, що в разі її вилучення особистість змінилась би до невпізнання.

У дитинстві Михайла Могілянського (1873–1942) було два уроки пристрасті. Перший — від цуценяти. «Закохавшись» Мих — так Могілянського називали близькі — проявляв найніжніші почуття до тварини, яка терпіла його ласку і намагалась непомітно втекти. Він любить, а у відповідь отримує страх. Хвилями накочувалося гостре роздратування, яке посилювало пристрасть. Одного разу в афекті, «перейдя границы запальчивости и раздражения, устраняющие вменяемость поступков [...] я приблизил трепещущего щенка к лицу и укусил его за носик»¹. Хлопчик покинув налякане цуценя і побіг гірко

¹ Михайло Могілянський. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 630. Арк. 94.

плакати у гущавину саду: пристрасть приносить біль. Але незважаючи на це — «истинная страсть непобедима», як писав Могилянський, і про це був другий урок. Попри чи радше завдяки забороні, що супроводжувалась суворим покаранням, ходити без дорослих рибалити — як одне з найсильніших вражень життя він згадував «волнующую радость первой пойманной рыбы — колючего носаря, исцарапавшего мне руки до крови»².

Згодом була журналістика, правозахисна діяльність, наукова робота та письменство. Ця розкиданість стала однією із причин, чому Могилянський, маючи непересічні здібності та ерудицію, нині майже незнаний, навіть серед дослідників. Самолюбство не підказувало йому розраховувати свої сили, аби зосередити їх на досягненні успіху в певній ділянці. Могилянський витрачав себе не заощаджуючи, адже прагнув якомога інтенсивніше пережити момент. І коли він втрачав інтерес до одного заняття, натомість знаходилося інше, якому намагався віддатися вповні. «Основной чертой характера матери — и я унаследовал от нее эту черту — было не только всего, чего она хотела, хотеть очень, но и положительно быть не в состоянии отказаться от того, чего она хотела и считала себя вправе хотеть»³, писав він у спогадах.

² Ibid. Арк. 91 зворот — 92.

³ Ibid. Арк. 72.

За цією рисою Могилянського стояв страх смерті. Пристрасть допомагала на якийсь час забути про нього. Не ставлячи за мету повністю охарактеризувати художню творчість Могилянського, я розглядаю її під певним кутом, який, на мою думку, може бути одним із ключів як до самих творів, так і до особистості автора.

У ДЕВ'ЯНОСТІ РОКИ

1890-ті були часом формування світогляду Могилянського. Це роки, з якими, як із еталоном, він неодноразово порівнював себе згодом, аби перевірити — чи дотримується ідеалів, встановлених юністю. Про цей період у житті Могилянського відомо із його спогадів⁴, написаних у другій половині 1930-их років. Тоді, після звільнення у 1933 році з Всеукраїнської академії наук внаслідок «чистки» наукових співробітників, він мешкав у доньки в Дніпропетровську самотнім життям немолодої відлюдкуватої людини. Праці Могилянського, ще зовсім недавно знаного українського літературознавця, близького до кола київських неокласиків, найвідомішим із яких був Микола Зеров, заборонили приймати до друку. Тому все, що йому лишалось — це пригадувати, без надії

⁴ Про 1890-ті роки Могилянський написав та опублікував спогади раніше, хоча вони й не містили сюжетів про його особисте життя. Див.: М. М. Могилянський. Девяностые годы // Былое. 1926. № 23. С. 132–161; № 24. С. 96–139.

на прижиттєву публікацію написаного, аби лишень пережити своє минуле знову.

Існують люди з трагічним сприйняттям дійсності, яке з'являється в них ще на порозі дитинства. Благополучна родина не є достатньою від цього гарантією. Кожна випадкова, але неунікна зустріч зі смертю може залишити в пам'яті такої дитини слід, який не витісняється, як зазвичай, а застрягає в свідомості парадоксом: «жизнь творит для смерти»⁵, як сформулював його дорослий Могілянський. Але коли він ходив до першого класу чернігівської гімназії, було лише відчуття — що іноді ставало віршами — «неясной, самому себе непонятной тоски, — источники которой, вероятно, надо отнести к гибели Котика, Маруси, к мыслям о смерти»⁶.

Важко сказати, чи Гайнріх Гайне — улюблений поет молодого Могілянського, — чи теж інша література сформувала образ себе як не-цілісної, розколотої рефлексією людини, що зображений у його поезіях. Юнацькі вірші Могілянського вийшли окремою збіркою у 1897 році в Санкт-Петербурзі⁷, де він тоді навчався в університеті. Вони щирі, хоч і посередні. Двома лейтмотивами «Стихотворений»

⁵ Див. с. 47 цього видання.

⁶ Михайло Могілянський. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 630. Арк. 144.

⁷ Михаил Могілянський. Стихотворения. Санкт-Петербург: Типография А. А. Пороховщикова, 1897.

були кохання та боротьба, а їх настрої коливався між зневірою і ейфорією. «Под ножем жестоким тяжкого сомненья, / Умерли надежды, умерли мечты»⁸, «Больше жизни, больше страсти»⁹, «И в усталой груди только слезы!»¹⁰, «Есть лекарство в великой любви»¹¹, «Борись со злом — и счастье в борьбе»¹² — таких цитат можна було б навести більше. Присвята гласила: «Светлой памяти Л. Х.». Ліда Хільчевська, яка померла від хвороби легень незадовго до появи цієї книжечки, була гімназійним коханням Могилянського. У спогадах він згадував її так:

«Тесная и искренняя дружба связывала с Зиной ее сестру, миниатюрную Лиду, не бывшую ни красавицей, ни первой ученицей, отравленную сомнениями решительно во всем на свете, и прежде всего сомнениями в своем недюжинном уме, в правдивости своих чувств, в отношениях к ней матери, сестры, подруг, все воспринимавшую в полную противоположность сестре трагически. До поры до времени душевное равновесие поддерживалось религиозными скрепами, но ослабли эти скрепы, и она погибла раздавленная непреодоленным трагизмом жизни, защиты от которого тщетно искала и не нашла в моей любви, что

⁸ Могилянский. Стихотворения. С. 11.

⁹ Ibid. С. 17.

¹⁰ Ibid. С. 27.

¹¹ Ibid. С. 27.

¹² Ibid. С. 39.

часто кажеється мені моєї більшої життєвонюю виною»¹³...

Кохання Ліди Хільчевської, як воно описане Могилянським, постає вимогливим, непередбачуваним, бажаючи зближення та водночас відштовхуючим. Одного разу після сварки Ліда була готова навіть випити наготовлену отруту, якби її коханий випадково не прийшов перше, ніж вона встигла реалізувати свій намір. Попри важке кохання, хворобу, а потім передчасну смерть Ліди для Могилянського пам'ять про неї залишилася «світлом, непомеркшим в душі моїй і до настоящих поздних днів моего заката»¹⁴.

Щодо згаданої у віршах Могилянського боротьби, то і вона мала для нього конкретний зміст: знищення самодержавства. Діагноз, поставлений Російській імперії Михайлом Драгомановим, і ліки, запропоновані соціалістичними мислителями, наповнювали Могилянського відчуттям правильно обраних життєвих цілей. Пізніше він називав 1890-ті, роки перед великими бурями яких так прагнув, — найрадіснішими. Тоді ж Могилянський робив те, що і багато його однолітків з-посеред інтелігентної молоді: дискутував, копіював на поганому гектографі революційну літературу, збирав

¹³ Михайло Могилянський. «Повість о днях моєї життєвонюю». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 631. Арк. 4.

¹⁴ Ibid. С. 161.

серед перехожих пожертви для страйкарів, організував студентський рух, пережив обшуки, був ув'язнений.

У 1898 році, вперше подорожуючи Європою, Могилянський слухав у райхстазі ораторів німецької соціал-демократичної партії, які провіщали швидке наближення соціалізму, а в Швейцарії познайомився з Георгієм Плехановим, якого порівнював із героєм свого улюбленого тургенєвського роману: «Так слухали, вероятно, Рудина — не раз думалось мне...»¹⁵. Тим часом вдома на нього чекали і надсилали листи дві жінки: подруги-курсистки Анна Смірнова (Анюта) — в кишенях якої, як і в Могилянського, часто можна було знайти революційні брошури, і Олександра Ситенська (Саша).

«В последние дни перед нашей разлукой — писал Могилянський — [...] поднялась температура моих отношений к Анюте, что, как всегда, видимо, пугало ее, а испуг ее значительно заострялся, когда тот же подъем температуры она ощущала и в своем отношении ко мне. И в поисках средств самозащиты от того, что ее пугало, она решила своим вмешательством способствовать развязке моих отношений к Саше и Сашиных ко мне»¹⁶.

Наприкінці того ж року Могилянський і Саша одружились. Анюта стала подругою їхньої сім'ї, вий-

¹⁵ Михайло Могилянський. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 632. Арк. 20.

¹⁶ Ibid. Арк. 23 зворот.

шла заміж і народила дівчинку Галю. А потім історія повторилася: як і Ліда, Анюта захворіла на легені. Довге лікування у Фінляндії не допомогло і на початку 1914 року у Мустамяках (тепер селище Горьковське, Ленінградська область) вона померла. Ті останні дні січня Могілянський провів разом «с человеком, занимавшим такое большое место в моей жизни»¹⁷. 1890-ті остаточно закінчилися для нього з цією смертю.

У подальших прозових творах Могілянський продовжуватиме осмислювати події своєї юності та повертатись до рис характеру як Ліди Хільчевської, так і Анюти Смірної. Загалом на його творчість найбільше відчувається вплив саме цих двох жінок.

ЧЕРВ РЕФЛЕКСІЇ

Могілянський як прозаїк дебютував у 26-річному віці із російськомовною драмою «Міраж»¹⁸. Через пару років вона «поставлена была какой-то из петербургских драматических студий, возникавших тогда подобно грибам после дождя»¹⁹, пригаду-

¹⁷ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 636. Арк. 63.

¹⁸ Михаил Могілянський. Міраж: Драма в 3 действиях. Санкт-Петербург: Типография А. Е. Колпинского, 1902. 88 с.

¹⁹ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 633. Арк. 198 зворот.

вав автор. Текст постав у період сильного захоплення Могілянського популярним тоді норвезьким драматургом Генриком Ібсеном:

«я положительно бредил «Северными богатырями» и особенно «Геддой Габлер»²⁰. С духовным образом Гедды я находил родство у Анюты, а в «Северных богатырях» подсознательно просвечивал намек на романтические аллюзии в моей судьбе»²¹.

Через два з половиною роки, зимою 1902–03 років, Могілянський закінчив драму «Усталые», «с поздними реминисценциями Ибсенизма, отразившую нейрастеническую «усталость» некоторых интеллигентских кругов от революции, все не удававшейся и затягивавшейся»²². До того ж обидві драми

²⁰ В обох творах Ібсена найяскравішими є жіночі персонажі. Якщо в історичній драмі «Північні богатирі» (або «Вояки з Гельголанду») головна героїня, воявничка Йордіс, повстала з саг, то Гедду Габлер, як зауважував Освальд Бургардт: «Йегер дотепно називає «Йордіс у корсеті». Ібсен переніс діву ісландських саг («Вояки з Гельголанду») у наші цивілізовані часи й показав нам її дресовану, в сучасному одязі. Але первісний звір у ній невгамований, безсильно й ненастанно він блукає з кінця в кінець у своїй тісній клітці. Вона відчуває, що десь за межами її вузького кола є щось велике й прекрасне, але воно недосяжне для неї.» Освальд Бургардт. Генрік Ібсен // Життя і революція. 1928. № 8. С. 127.

²¹ Михайло Могілянський. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 632. Арк. 30 зворот.

²² Михайло Могілянський. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 633. С. 199 — 199 зворот.

вступали у діалог із казкою-драмою «Затоплений дзвін» (1896) метра німецьких неоромантиків Герхарта Гауптмана, яку Могілянський дуже цінував. Майстер Гайнріх, головний герой «Затопленого дзвону», покидає надто буржуазну родину, як зобразив її Гауптман, задля творчої мети — він прагне вилити дзвін, який би приніс «весть ликующому миру о новой, светлой жизни на земле!». У цьому майстру Гайнріху допомагає закохана в нього фея Раутенделейн. Однак паралізований докорами сумління щодо дружини Магди та їхніх дітей, не досягнувши задуманого — герой помирає. Леся Українка, на яку «Затоплений дзвін» мав сильний вплив, а разом із нею і Могілянський, — вважали причиною невдачі майстра Гайнріха те, що він був розколотою, самотньою людиною їхньої перехідної доби²³. Але якщо Могілянський, який загалом більше співчував майстрові Гайнріху, бачив у його любові до феї Раутенделейн виключно символ «союза природы с идеей», то Леся Українка відчитала драму буквально. Назвавши таких дружин як Магда «дрожущими тенями своих мужей», Леся Українка побачила в образі Раутенделейн одну з «нових жінок» — енергійних та незалежних, які проте «только напрасно отравляют свою жизнь попыткой освободить фатально одиноких от одиночества, — в решительную минуту встает тень

²³ Див.: Михаил Могиланский. Критические наброски. Санкт-Петербург: Типография А. Пороховщикова, 1898.

погибающей или уже погибшей жены, являются основательные и неосновательные угрызения совести, вся прежняя жизнь отзывается, подобно потонувшему колоколу со дна озера, и попытка разбить цепи разбивает только сердце всем, “кто пережил эту драму”»²⁴.

У драмах Могілянського наскрізним є образ «нової жінки», що на межі ХІХ — ХХ століть був частиною «духу доби». На читачів Російської імперії, чутливих до західних тенденцій у літературі, зокрема впливали — окрім згаданих вище Герхарта Гауптмана та Генріха Ібсена — переклади норвежця Б'єрнстєрне Б'єрнсона, британок Гамфрі Ворд та Маргарет Оліфант²⁵. Все це, безперечно, відобразилося на Могілянському, який мав також пам'ятати «одержимих духом» та «царівен» Лесі Українки та Ольги Кобилянської. Однак притаманне Могілянському, зрештою, типове і критиковане вже тоді

²⁴ «Михаэль Крамер». Последняя драма Гергарта Гауптмана / Леся Українка. Зібрання творів у дванадцяти томах. Том 8. Київ: «Наукова думка», 1977. С. 137–138.

²⁵ Див. перелік найпомітнішої літератури про «нову жінку» *fin de siècle* та деякі тогочасні її прочитання у: Леся Українка. Новые перспективы и старые тени. «Новая женщина западно-европейской беллетристики» / Леся Українка. Зібрання творів у дванадцяти томах. Том 8. Київ: «Наукова думка», 1977. С. 76–99. Також примітна стаття російської письменниці та революціонерки, першої жінки наркома в радянському уряді, яка задавала тон у «жіночому питанні»: А. Коллонтай. Новая женщина / А. Коллонтай. Новая мораль и рабочий класс. Москва: Издательство ВЦИК Советов Р. К. и Кр. депутатов, 1919.

прагнення формувати як чоловік-письменник нові — але так само артикульовані не тими, кого вони мали звільняти — образи жінок, не заперечує того, що проблематика драм була закорінена в його світогляді та досвіді. Могілянський підняв тут проблеми, що супроводжували його більшу частину життя, і до яких він востаннє звернувся у новелах 1930-х років.

Назву «Міраж» можна пояснити через питання, сформульоване Могілянським майже 30-ть років потому: «Чи спроможен соціяльний поступ усунути неподіленість кохання, розв'язати суперечність Дульцинеї й Альдонси, Марічки й Палагни²⁶, зробити не ілюзією вихід із самотності, не безнадійним пристрасне шукання того виходу?»²⁷. Його відповідь — ні, бо заперечення трагізму життя — і як наслідок трагізму кохання — є відкиданням людського, невмінням побачити красу у недосконалому.

Головний герой драми поет на ім'я Дім (перегук із Михом), як натякає автор²⁸, нещодавно повернувся разом зі своєю молодого дружиною Сонєю із заслання за революційну діяльність. Розмірене життя подружжя перериває зустріч із колишньою коха-

²⁶ Йдеться про головних героїнь «Дон Кіхота» Мігеля де Сервантеса та «Тіней забутих предків» Коцюбинського.

²⁷ Петро Чубський. Кохання в житті Шевченка і Куліша. // Записки історико-філологічного відділу. Книга XXI — XXII. Київ: Друкарня ВУАН, 1929. С. 102.

²⁸ Прямо такі речі не писалися через цензурні обмеження в Російській імперії.

ною Діма — Марією, під час якої обоє розуміють, що їхні почуття не згасли. Якщо Соня, яка не випадково читає слова Магди з «Затопленого дзвону», є втіленням відданості та жертви жінки задля чоловіка, а водночас — цілісності, якої немає в Діма чи Марії, то «хворобою» Марії є черв рефлексії, що руйнує радість безпосереднього переживання. Промовляючи до свого коханого, від союзу з яким вона раніше відмовилась, Марія пояснює своє рішення так: «в жизни хорошо только стремление к чему-нибудь, хорошо только алкание [...] Обладание, обладание даже тем, к чему стремился безумно и страстно, уже носит в себе печать удовлетворенности, печать пошлости»²⁹. Отже, тут йдеться про спробу зберегти кохання через відмову від його втілення, а сила пристрасті вимірюється для головної героїні зусиллям, витраченим на її подолання.

«Міраж» Могілянського змінює ролі, вироблені західною та російською літературною традицією XIX століття. Наприклад, якщо Іван Тургенєв у більшості своїх творів протиставляли цілісну жінку — розколотому, змученому рефлексією чоловікові³⁰, то в творах Могілянського Гамлетами, котрих роз-

²⁹ Мих. Могілянський. Міраж. Драма в трех действиях. СПб.: Типография А. Е. Колпинского, 1902. Доступ за: <https://rhombus-dalmatian-k82n.squarespace.com/mikhail-1/2020/10/25/-xxxxx>

³⁰ Див. про це докладніше в: М. Гершензон. Мечта и мысль Тургенева. Москва: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919.

думи позбавляють волі, є жінки. Для Марії видаються «трогательними, но смешными» Дон-Кіхоти, які прагнуть істини, справедливості чи краси. «Мир красоты и идеала — говоритъ вона — это непозволительная роскошь, и те, что еще грезят о них ныне, состоят в подозрении [...] по обвинению в измене народу, в поте лица добывающему хлеб свой»³¹. Світогляд Марії імморальний, адже їй важлива інтенсивність пристрасті, незалежно від причини, що її викликала. Водночас вона далека від гедонізму: насолода життям для неї майже тотожна вульгарності. Врешті Дім, попри почуття вдячності та жалості до Соні, наважується запропонувати Марії почати життя разом, але зустрівшись із її коливаннями — «безсовестность у меня не крепкая, совсем не крепкая...», — покінчує життя самогубством перед обличчям «радости, разочарование в которой пережить нельзя!..»³².

«Усталых», не зважаючи на пряму вказівку автора, можна інтерпретувати і в буквальному сенсі — як любовну драму. Подібно до «Миража», головними героями є молоді люди до 30 років. У такий спосіб ніби припускається, що старші менше здатні на пристрасть. Крім того, в обох драмах жінки диктують логіку відносин, а в «Усталых» головний чоловічий персонаж — скрипаль Володимир Сергій-

³¹ Мих. Могилянский. Мираж.

³² Ibid.

ович Лозинський — навіть стає другорядним, коли судити з обсягу його реплік. Але якщо в «Міражі» професія головної героїні не названа, то в «Усталых» — це художниця, Олена Василівна Ольхіна. Вона схильна до ексцентричності: стріляє здалека примхи з пістолетів, як Ібсенівська Гедда Габлер, епатує своїми висловлюваннями, загалом має стиль поведінки, що не сприймається навколишніми як типowo жіночий.

Протагоністи «Усталых» — як і «Міража» — розколоті рефлексією люди, і жінка тікає від кохання. Не лише через те, що ідеал завжди вище за його реалізацію, зрештою подібні максими і життя — різні реальності. Для неї існує протиставлення любові — як відмови від «Я», та творчості — як максимальне його ствердження. Вона відчуває, що якщо закоханий у неї скрипаль Лозинський набуває цілісності на новому рівні — через творчість, то вона, попри свої пориви, до цього не здатна і розчиниться в коханні повністю. Олена розчарувалася у можливості висловити себе у мистецтві — «Мое свободное искусство — ложь» — і зневажає своє кохання, яке сприймає за слабкість. «Я — хотела быть одинокой, — говорить вона — моя жалкая любовь к этому жалкому человеку показала мне, что я, увы! рождена рабою...»³³. Отже, для неї ця втеча — не тільки спосіб уникнути

³³ М. М. Могилянський. Усталые. Драма в трех действиях. СПб: Издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 41.

розчарування у почутті, адже її лякає «жизнь с опустошенною душою», а й умова збереження себе як окремої особистості. Олена, як і Марія, протиставляє вульгарності — загибель та для себе обирає останню³⁴. Прикінцеві слова одного з другорядних персонажів не залишають сумніву в ідеї твору: «Ищите там, где есть “безумство храбрых”, а не трусость усталых [...] жизнь чаще не в том, чтобы найти, а в том, чтобы искать...»³⁵. Це ствердження благородної незадоволеності життям людини, що прагне недосяжного.

«НЕМА М'ЯКОГО ТОНУ В МОЇХ ОПОВІДАННЯХ»

«Нема, дорогий Михайле Михайловичу, сонця, лірики та м'якого тону і в моїх оповіданнях. Навпаки, в них досить жорсткого тону. [...] дія в них перенесена вглиб душі, а температура піднята до більшого «калення»³⁶. Ці слова Могілянський адресував до Михайла Коцюбинського, із яким його єднала дружба заснована на глибокій повазі. Саме Коцюбинський підштовхував Могілянського писати та високо

³⁴ Такий фінал загалом характерний для творів Могілянського і до його інтерпретації я ще повернусь.

³⁵ Ibid. С. 82.

³⁶ Лист Михайла Могілянського до Михайла Коцюбинського від 13 січня 1912 року / Листи до Михайла Коцюбинського. Том III. Упор. Володимир Мазний. Ніжин, 2002. С. 434.

оцінював його літературні спроби³⁷. Перші україномовні оповідання Могилянського вийшли друком у 1910-х роках. За його задумом, вони мали складати цілісність³⁸, а справжньою їхньою героїнею була пристрасть.

Якщо відкинути процес як такий, то знання, що смерть — ціль життя, перенести неможливо — така провідна думка «З темних джерел життя» та «Згуби». Герой першого із цих оповідань — молодий та успішний присяжний повірений Аргулін — силою волі витіснив зі свідомості думки про те, чи житиме його хвора наречена, але натомість «в його серці без останку вмерло кохання»³⁹. Усвідомлення, що він відучився жити, приходять раптово та виявляється для Аргуліна фатальним. «Необмежена воля — найвищий екстаз»⁴⁰ — таке гасло повії, героїні «Згуби». Намагаючись відмежуватись від жалості до інших людей, — «краплина добра, що сотворю комусь,

³⁷ У листі з острова Капрі від 18 березня 1912 року Коцюбинський писав: «Тільки що прочитав Ваше оповідання «Стріл», і воно дуже подобалось мені. [...] Кінець Вам особливо удався, оповідання задумано і виконано щасливо. [...] Пишіть, дорогий Михайле Михайловичу, я певний, що Ваша робота марно не загине, що вона дасть щось для Вас і для нашої літератури». Михайло Коцюбинський. Твори в семи томах. Том 7. Київ: «Наукова думка», 1975. С. 218.

³⁸ Див. примітку 47.

³⁹ Михайло Могилянський. Честь. Вбивство. Вибране. Київ: ВЦ «Академія», 2015. С. 171.

⁴⁰ Ibid. С. 180.

потоне у морі пануючого зла...»⁴¹ — вона платить за це душевною смертю.

«Стріл» і «Ратовниця» — протилежні іпостасі пристрасті: тієї, що руйнує й тієї, що дає життя. У «Стрілі» заміжня жінка говорить своєму коханому про ревнивого чоловіка: «Пам'ятай, полюбовницею твоєю я ніколи не буду, а через труп теж ніколи не переступлю»⁴². Попри це, коханий здобуває її на своїх умовах, але тепер пристрасть і ненависть коханців взаємно посилюють одна одну, не лишаючи місця тендітнішим почуттям. «І цілком захоплений вихором того шаленства, я вже не знаю, що міцніш — моє кохання чи моя ненависть»⁴³ — говорить головний герой. «Ратовниця» теж оповідає про трьох людей, які живуть під одним дахом: молоду повію Маню, її співмешканця «фахового злодія» і протагоніста, який «опустився на дно без надії ще коли-небудь виринути»⁴⁴. На відміну від «Стрілу», тут жінка спричиняє переродження головного героя: «Її жертвенне кохання вчинило призначення всякого кохання — породити нове життя»⁴⁵.

«Недоля» і «Коротке побачення» — найбільш очевидно автобіографічні оповідання Могилянского про ув'язненого юного революціонера та

⁴¹ Ibid. С. 179–180.

⁴² Ibid. С. 154.

⁴³ Ibid. С. 158.

⁴⁴ Ibid. С. 185.

⁴⁵ Ibid. С. 188.

двох героїнь, або два варіанти поведінки тієї самої героїні, яка в одному випадку губить, а в іншому — рятує його. Якщо у «Короткому побаченні» після візиту коханої «смертельна байдужість до всього в світі без сліду минулася»⁴⁶, то в «Недолі» подруга в'язня чинить інакше. Оповідання закінчується словами головного героя: «Зникла моя чистота, і брудні почування опанували мене з голови до ніг, сповнили моє серце, отруїли мозок...»⁴⁷.

«Наречена» та «Покута» пропонують два невинних жіночих образи. У житті героїні «Покути» — колишньої гімназистки, а нині повії, яка віддає зароблені гроші на допомогу постраждалим від війни, — все пішло б звично, якби не риси, що зруйнували її, — пристрастність у поєднанні з ідеалізмом: «мріями про легкі крила, на яких можна летіти до сонця...»⁴⁸. Закохавшись у дівочтві, це почуття стає осердям її життя, але коханий сприймає невластиву для нього сильну потребу у душевній близькості — «не бути міщанином у коханні», як вона це формулює, — за «витребеньки ексцентричної істерички», що і спричиняє її особисту катастрофу.

За свою «Наречену», сповнену влучних психологічних спостережень щодо жіночого еротизму, Могилянський дуже хвилювався, аби її сприйняли

⁴⁶ Ibid. С. 177.

⁴⁷ Ibid. С. 168.

⁴⁸ Ibid. С. 192.

правильно⁴⁹. Якщо шукати літературних паралелей до неї, то на думку спадає виданий пізніше «Солнечный удар» (1925) Івана Буніна. Фабули обох оповідань майже однакові: швидкоплинне знайомство під час подорожі, яке після спільно проведеної ночі закінчується непомітним зникненням жінки, перевертає життя героїв. Тільки якщо Бунін концентрувався на емоціях чоловічого персонажа, який усвідомлює свою безповоротну втрату, то у Могілянського — акцент на відчуттях жінки, а про значення цієї зустрічі для обох читачі мають домислити самі. Так само важливо, що в оповіданні Могілянського йдеться про невинну дівчину, яка такою в певному сенсі і лишається, підтвердженням чого є заключні слова оповідача:

«І наречена йшла назустріч своєму нареченому вся облита скісними ще променями веселого весняного сонця, з ясною усмішкою на обличчі, вся сіяюча, як сонце, чиста й непорочна»⁵⁰.

⁴⁹ Він пояснював: «З зовнішнього боку вона [«Наречена» — ВС] дуже легко може здатись «порнографічною». А мені буде дуже жалко, як вона не пройде. І жалко тому, що вона кільце в ланцюзі. Вийняти його — і вещь ланцюг порветься». Лист Михайла Могілянського до Михайла Коцюбинського від 13 січня 1912 року. С. 434. Побоювання автора виявились небезпідставними, адже один із критиків, обурений ніби порушенням суспільної моралі, саме так і написав. Див.: Ан. Василько. Рецензія на «Літературно-науковий вістник» Кн. 9–12, 1912 року // Рада. 15 березня 1913. № 62. С. 2–3.

⁵⁰ Михайло Могілянський. Честь. Вбивство. Вибране. С. 165.

Сенс цих слів допомагає зрозуміти роман фінського письменника Йоганеса Линнанкоскі «Пісня про багряно-червону квітку» (1905), уривок із якого був перекладений та включений Могілянським до збірки власних оповідань⁵¹, що свідчить про особливу важливість для нього цього тексту. Героїню роману Линнанкоскі вбиває чоловік за таємничу ознаку на грудях, яку вона отримала в молодості, аби «я належала йому і я не зрадила його!»⁵² — свого коханого. Тепер вона стоїть перед брамою до Раю, куди її через цю ознаку любовної пристрасності не пускає святий Петро. Бог наказує Петрові відчинити зі словами: «Вона була вірною коханню, — увійди, моя доню!..»⁵³.

Вбивчі та самогубчі фінали оповідань Могілянського є характерною рисою його творчості загалом і варті окремої інтерпретації. Якось Антон Чехов не без іронії зауважив, що досі не вигадано кращих закінчень для літературних творів, аніж одруження або смерть. Могілянський дещо зловживав другим. Неодноразово згадуючи у спогадах про свою неврастенію, яка супроводжувала Могілянського в різні періоди життя, а в листах 1920–30-х років — про бажання смерті, такі фінали могли бути чимось на зразок терапії або втіленням хоча

⁵¹ Ознака кохання / М. Могілянський. Оповідання. Петроград, 1916.

⁵² Ibid. С. 81. Розрядка Могілянського — ВС.

⁵³ Ibid.

б у вигляді фантазії бажання, на реалізацію якого в реальності він не зважився... Іншим можливим поясненням є його міркування у романі «Честь» (1929) про банальність, які були полемічною відповіддю В. Домонтовичу:

«Перемагають банальність не переконанням, не відчуттям, що кожна банальність можна поставити сторч, розкрити її протилежний сенс, бо сторч поставлена банальність залишиться банальністю навиворіт [...] Уникають банальності не хоробрістю “не боятись” її, тільки наївним незнанням, що є банальність, безпосереднім непомічанням її»⁵⁴.

Попри появу друком цих та деяких інших оповідань, більшість творів Могілянського були написані до шухляди. Адже після скандалу довкола появи оповідання «Вбивство» (1926), де йшлося про вбивство за зраду, що радянська влада відчитала як натяк на Михайла Грушевського та його повернення з еміграції⁵⁵, — радянські видавництва більше не приймали літературні твори Могілянського. Саме тому майже не було прижиттєвих критичних відгуків про нього, як письменника. А ті,

⁵⁴ Михайло Могілянський. Честь. Вбивство. Вибране. С. 33.

⁵⁵ Див. про це: Вікторія Сергієнко. Листи тугі і надії. Михайло Могілянський і Наталія Полонська-Василенко на тлі часу [в] Михайло Могілянський. Листування з Наталією Полонською-Василенко. 1929–1941. Харків: «Права людини», 2023. С. 26–27.

що з'явилися, були частиною не стільки літературного, скільки політичного процесу 1920–30-х років, простіше кажучи: звичайною лайкою, яка його творів по суті не розглядала⁵⁶.

«НАРОДОВІ БЕЗ ЧЕСТІ»

Ці слова, що є цитатою з вірша Пантелеймона Куліша «До рідного народу» (1882), — присвята роману Могилянського «Честь». Написана в 1929 році, ця книжка — як і подальші літературні праці Могилянського — залишилася неопублікованою аж до його смерті. «Честь» вперше видано лише 1990 року літературознавицею Наталею Шумило, яка у передмові представила цей роман як головний твір Могилянського⁵⁷. Заради справедливості варто відзначити: не відомо, чи сам автор виділяв цей задум з-посеред інших. Вочевидь, на стиль «Честі» вплинуло київське коло спілкування письменника, у ній є різні суспільно-політичні контексти та відголоски літературних дискусій 1920-х років. Головна ідея твору: замість «ударництва» — честь. Виконувати якнайкраще свою

⁵⁶ Прикладом таких текстів є, наприклад: Б. Коваленко. Пролетарська література СРСР у боротьбі за ленінське національно-культурне будівництво // Червоний шлях. 1932. № 3. С. 81–82.

⁵⁷ Наталя Шумило. «Життя людське — храм, а не морг!». Про роман Михайла Могилянського // Вітчизна. 1990. № 1. С. 86–91.

роботу — «Ото й усе моє громадське навантаження...»⁵⁸, «Колектив складається з індивідуальностей... З негідного матеріалу не створити й путящого колективу»⁵⁹ — така життєва позиція головного героя — талановитого хірурга Дмитра Андрійовича Каліна. Це була свідома критика Могілянським радянської соціальної та культурної політики того часу⁶⁰.

У романі замасковано багато реальних осіб, із якими на його сторінках точиться дискусія. До прикладу, Могілянський натякає на історію із «Вбивством»⁶¹ та «політично грамотними» кар'єристами, які добивалися його звільнення з Всеукраїнської академії наук⁶². В образі письменника Хибного зображений Валер'ян Підмогильний, перший роман якого (мається на увазі «Місто») «злий на язик критик» (вочевидь, сам Могілянський) охрестив «Необережними признаннями паскудника»⁶³. Тут є також

⁵⁸ Михайло Могілянський. Честь. Вбивство. Вибране. С. 27.

⁵⁹ Ibid. С. 26.

⁶⁰ Див. розгорнутий виклад його думок у: Шляхи розвитку сучасної літератури. Диспут 24 травня 1925 р. Київ: Українська академія наук, 1925. С. 43–49.

⁶¹ Наприклад, таке: «Автор сподівається, що хтось, пізнавши свої вуса або вуса ближнього свого, не думатиме, що автор намагався змалювати його або того ближнього». Михайло Могілянський. Честь. Вбивство. Вибране. С. 21.

⁶² Див.: Ibid. С. 37.

⁶³ В опублікованій Могілянським 1929 року рецензії на роман «Місто» критикується ідеалізація головного героя Степана Радченка — одного з літературних вискочок, які у 1920-ті швидко робили кар'єри завдяки масовізації письменницької

друзі Могілянського. Устами Каліна автор захищає Павла Тичину⁶⁴ від звинувачень у зраді свого поетичного таланту: «це найчистіша й найпринциповіша людина, а щодо “лакомства нещасного”, то [...] він менш за нас усіх, мабуть, має до нього смак».⁶⁵ Письменник Нильський, який ганяється за півнем довкола пам'ятника Богданові Хмельницькому в Києві та філософує, — це Максим Рильський. Приятель Нильського, «Вітько, покоритель жіночих сердець і перший український критик», а також «маленький кулішознавець»⁶⁶ — це лише пара вказівок на Віктора Петрова та його творчість, які тут зустрічаються⁶⁷.

професії. Могілянський вважав, що — попри «літературну обдарованість» Підмогильного — у творі «нема художньої переконаності», бо в його автора відсутнє відчуття справжньої соціальної проблематики, а також морального орієнтиру, натомість забагато святенництва, «середньовічно-християнського жаху [...] перед «нечистю» стати». Див.: Мих. Могілянський. Ні міста, ні села... З приводу роману Підмогильного «Місто» // Червоний шлях. № 5–6. 1929. С. 273–275. Подібні оцінки разом із вказівками на біографію Підмогильного можна знайти в «Честі», де йдеться про Хибного. Див.: Михайло Могілянський. Честь. Вбивство. Вибране. С. 40, 41.

⁶⁴ Тодось Осьмачка у своїх спогадах про Павла Филиповича писав, що Могілянського «Тичина переді манюю і Косинкою якомсь назвав: «Він мені як батько рідний.» Тодось Осьмачка. Павло Филипович // Слово. Збірник українських письменників у екзилі. Частина 2. Нью-Йорк, 1964. С. 299.

⁶⁵ Михайло Могілянський. Честь. Вбивство. Вибране. С. 24.

⁶⁶ Ibid. С. 49, 27.

⁶⁷ Зокрема, Могілянський натякає на популярний тоді роман В. Домонтовича (Віктора Петрова) «Дівчина з ведмеди-

Могилянський називав свій твір «патетично-іронічним романом». При чому якщо іронія була зарезервована ним для радянської дійсності, ворогів та друзів, то патетика — для любовної лінії, де Могилянський, як і в інших творах, лишається винятково серйозним. Крім того, іронія Могилянського того самого роду, що і в Анатолія Франса, так важливого для київських неокласиків, адже вона допомагає втекти «від переобтяженості пам'яті», «стертих слів, зап'ятанчених думок, чи захиститись від Баратинського, Некрасова, Шекспіра»⁶⁸ — всього того, що згодом мучитиме постмодерністів. Щодо жанрової характеристики роману, то в ній є значна частка (само)іронії. Могилянський таким чином висміює перевиробництво низькопробної літератури у Радянському Союзі⁶⁹, а ще іронізує над невеликим обсягом свого тексту: близько ста сторінок. Він також вживає слово «роман» у первинному його сенсі — як оповідь романтичної історії.

ком» (1928), коли стверджує, що в Києві на Володимирській гірці часом можна зустріти «дві-три екстравагантні дівчини, що прогулюють своїх бульдогів (мабуть, з прихильниць неправдоподібних істин, або, інакше кажучи, з тих, що “з ведмедиком”».) Ibid. С. 145.

⁶⁸ Мих. Могилянський. Іронія і скепсис Анатолія Франса // Червоний шлях. 1925. № 9. С. 172.

⁶⁹ «“Романоманія” набувала загрозливого характеру і небезпечних розмірів: навіть автори, що вправного оповідання написати не вміли, вважали за свій обов'язок дати “роман”.» Михайло Могилянський. Честь. Вбивство. Вибране. С. 40.

А ця історія починається між Каліним, який про себе говорить, що його «“некролога” вже написано, принаймні в головних рисах»⁷⁰ та Інною Сергіївною, дружиною «махрового кооперативного міщанина»⁷¹, колишнього співробітника чернігівського земства Трохима Васильовича Падалки⁷². Інна Сергіївна зізнається: «мені завжди хотілося бути тільки людиною, утворити поему не із звуків, не із слів, а з життя»⁷³. Однак давно розчарована у шлюбі, вона — нерішуча, слабка натура, що не вірить у власні сили — передчасно «вимріяла для себе прозорість та ясність осінніх днів»⁷⁴. Почуття, що виникло між героями, Могілянський описує як «нове, глибоко серйозне й урочисте»⁷⁵. Ще не усвідомлене, кохання Каліна та Інни Сергіївни розвивається і, здається, всі перешкоди будуть подолані, аж стається те, що Могілянський назвав «ямою» — Ірма Юріївна Ляліна, «близька до літературно-художньо-артистичної московської богеми»⁷⁶

⁷⁰ Ibid. С. 33.

⁷¹ Ibid. С. 17.

⁷² Цікаво, що чоловік Анюти Смірної — М. В. Яворський — так само, як і герой Могілянського, певний час працював у статистичному бюро Чернігівського губернського земства. Михайло Могілянський. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 634. Арк. 135 (зворот).

⁷³ Михайло Могілянський. Честь. Вбивство. Вибране. С. 52.

⁷⁴ Ibid. С. 89.

⁷⁵ Ibid. С. 30.

⁷⁶ Ibid. С. 71.

марнотратниця життя, якій ледь більше тридцяти. На відміну від віртуоза своєї справи Каліна, Ляліна — «усюди своя і ніде професіоналка»⁷⁷. Їхні прізвища римуються не випадково, адже обоє є протилежностями, що притягуються завдяки «чаду сліпої пристрасті»⁷⁸. За збігом обставин, Ляліній необхідна операція, однак прооперована Каліним, вона помирає. Згідно суворого кодексу честі хірурга, що не допускає натяку на лікарську помилку, Калін покінчує з життям.

На відміну від героїнь драм Могилянського, де діють лише людські волі, у «Честі» вперше втручається Доля («яма»). І хоча головні герої не тікають від своїх почуттів, але їхні стосунки все одно не складаються. Адже Доля виявляється не на стороні вільного вибору людини — кохання Інни Сергіївни та Каліна, — а є за інстинктивний її прояв, який не сприймається головним героєм як власний. Самогубство Каліна — це пастка, в яку людина, для якої обов'язок понад усе, потрапляє завдяки збігу обставин. У його прощальній записці немає свободи: «Ніщо не залежить від моєї волі, мушу підлягати тому, що більше за мене...»⁷⁹. Так само Інна Сергіївна, яка вирішує, що «має невідборне право на особисте життя, а тому й хоче мати за чоловіка того, кого

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Ibid. С. 72.

⁷⁹ Ibid. С. 140.

любить»⁸⁰, враз опиняється перед фактом, що у неї нема права на любов.

Із віком самотнього Могілянського, сімейне життя якого з Олександрєю Ситенською закінчилося розлученням у революційні роки⁸¹, дедалі більше цікавить проблема Доля, яку він продовжив у публікованих тут новелах 1930-х років.

ПРИСТРАСТЬ І ДОЛЯ

Могілянський повернувся до літератури після тривалої перерви, маючи більше шістдесяти років і пишучи мемуари. Можливо саме актуалізовані спогади підштовхнули знову взятися за теми, що хвилювали його з юності. На відміну від оповідань та «Честі», як «Ильза» (або інша назва «Гильда») (1937), так і «Всюду страсти роковые» (1939) написані російською мовою. Це рішення Могілянського було контекстуальне та пов'язане з надіями на публікацію⁸², які не виправдались. Обидва твори збереглися в архіві авторового племінника — літературознавця

⁸⁰ Ibid. С. 113.

⁸¹ Із 1923 року Могілянський жив у фактичному шлюбі з письменницею Наталією Романович-Ткаченко, після смерті якої у 1933 році допомагав їй молодшому сину — Володимирі.

⁸² У листі із 1930-х років до літературознавця Ієремії Айзенштока Могілянський писав: «може рішуся писати російською», бо так «більше шансів на практичний успіх». Цит. за: С. М. Кривенко. Творчість Михайла Могілянського у літера-

Олександра Могілянського, — завдяки чому, на відміну від багатьох інших рукописів Могілянського, що загинули за різних обставин, став можливим їхній вихід друком тепер.

Крім цих двох новел (за визначенням автора — романів) у 1930-х Могілянський збирався написати чимало. У листі до Наталії Полонської-Василенко він відзначав:

«задуманы и в деталях обдуманы: «Трынть-Трава» — роман (в 1/3 даже написан, хотел продолжать здесь и не «раскачался»...), семейная хроника в 4-х романах «19-й век» («Священник», «Судья» («Великие реформы»), «Террорист» и «Социал-демократ»). Отдельно — «1905 год»...»⁸³.

Той факт, що він закінчив лише «Ільзу» та «Скрізь пристрасті рокові», показовий, бо — через брак сил та умов до праці — людина зазвичай відмовляється від менш для неї істотного. Згадані новели — останній виток міркувань Могілянського на тему пристрасті. У них є цитати та алюзії на тексти важливих для нього авторів, зокрема, Ібсена, Ніцше, Пушкіна, помітний вплив Тургенєва у постановці питань та стилістичних прийомах.

турному контексті доби. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Київ: 2001. С. 116.

⁸³ Лист Михайла Могілянського до Наталії Полонської-Василенко від 14 квітня 1934 року. ЦДАМЛМУ. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 47–47 зворот.

Подібно до Тургенєва, Могілянський замовкає у деяких місцях оповіді, що має означати найвищий прояв емоцій його героїв, оскільки профанацією було б намагання передати їх словами. Наприклад, він пише: «впервые пробудилось мое сердце, со всех сторон вдруг охваченное пламенем первой юношеской любви. Но я [...] позволю себе об этом кратком, хотя и ярком эпизоде не рассказывать», або: «В мельчайших подробностях помню эту ночь, но [...] этого вот не хочу рассказывать и не расскажу». Іншою рисою Могілянського як письменника, що проявилася у «Честі» та цих новелах, була гра з очікуваннями людини, яка братиме книжку до рук, — він ніби оголює коріння своєї творчості. Знаючи, на що найчастіше звертають увагу критики та читачі, і не чекаючи запитань — дає на них відповіді. У такий спосіб Могілянський заохочує перейти одразу до того, що цікавило самого автора.

Читаючи Могілянського, слід звертати увагу на деталі, наприклад, на імена персонажів. В «Ільзі» він пише: «Обе сестры Трачевские, очень милые девицы, были убеждены в моей влюбленности в Зину». За сестрами Трачевськими вгадуються реальні сестри Хільчевські — Зина⁸⁴ та Ліда. Якщо

⁸⁴ Письменниця та громадська діячка Мілена Рудницька залишила таку характеристику своєї товаришки, активістки жіночого руху Зінаїди Хільчевської (у заміжжі Мірної): «Через цю громадську діяльність вона стала відома в Києві, як активна діячка

перша була подругою, то в Ліду Могілянський, як уже згадувалось, був закоханий в юності. Отже, вибір імені Зина для одного з двох головних жіночих персонажів «Ільзи» — це насправді натяк на Ліду Хільчевську. Але цей персонаж більш складний, адже так само як і Анюта Смірнова, літературна Зина — соціалістка, яка виконує підпільну революційну роботу. А коли головний чоловічий персонаж Марк вигукує «Зина!», збентежений її екстравагантними висловлюваннями, то так само задовго до революції розгублено вигукував «Марія!» дядько Могілянського, у відповідь на слова своєї сестри, — матері тоді ще малого Миха — що земля чернігівських поміщиків Могілянських має належати селянам⁸⁵.

Дочка персонажа Зини — Ільза є її продовженням, ніби однією з нею людиною, на чому, зокрема, наголошується завдяки співзвучності імен. Водночас Ільза називає себе Гільдою, слідом за головною героїнею п'єси Ібсена «Будівничий Сольнес» (1892). Поява Гільди — згідно Ібсена — знаменує наближення вершини реалізації, а водночас кінець для творця, бо коли «молодість прийшла» — слова, з якими Гільда звертається до будівничого Сольнеса, —

ще до часу національної революції» та стала однією з «видатних жінок-патріоток того часу». Мілена Рудницька. Зінаїда Мірна // Свобода. 1950. 29 серпня. С. 6.

⁸⁵ Михайло Могілянський. «Повість о днях моеї жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 630. Арк. 69 зворот.

старість має піти⁸⁶. Ільза/Гільда Могилянського не лише жінка, а й живе втілення революції, її мрій. Могилянський не випадково видав брошуру філософа Василя Розанова про 1905 рік, що закінчується цією ж Ібсенівською цитатою: «революция почти всегда делается молодежью, делается и в поэтической, и даже в физической ее части, — и ее можно определить просто в двух словах: — Молодость пришла»⁸⁷.

Загалом жінки в обох новелах Могилянського, разом із їхніми почуттями, думками та волею, перебувають у центрі уваги оповідача. Він вкладає свої міркування про любов, як це було з драмами початку 1900-х, переважно в уста жіночих персонажів. Цікаво, що чоловіки в цих творах є на диво мовчазні, коли йдеться про опис їхньої емоційної сфери, відповідно формул кохання їхніми голосами майже не знайти. Можливо, це почасти пояснюється міркуванням Могилянського, висловленим у «Честі»: «Серце жіноче багатше за серце чоловіче [...] Чоловік переважно в коханні звик читати по верхах, жінка дочитується кожної літери»⁸⁸. Крім того, в «Ільзі» знову повертається тема жіночої емансипації. При-

⁸⁶ Тим більше цікаво, що в «Ільзі» відкритий фінал, який Могилянському не властивий.

⁸⁷ В. Розанов. Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции. СПб: Издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 24.

⁸⁸ Михайло Могилянський. Честь. Вбивство. Вибране. С. 89.

чому якщо для Ільзи це питання вже «розв'язане» старшими за неї жінками, і вона хоче віднайти в собі щось втрачене під час цього процесу, то її мати Зина — активна в революційній роботі соціалістка, що відчуває на собі пута патріархальної родини, котрих прагне всіма способами уникнути. Зина подібно до російської революціонерки Олександрі Коллонтай, яка ледь не найбільше та найпомітніше писала на тему «нової жінки» в ранньому Радянському Союзі, могла б сказати:

«Любовь перестает составлять содержание ее [новой женщины — ВС] жизни, любви начинает отводиться то подчиненное место, какое она играет у большинства мужчин. [...] свое дело, своя цель — для нее, для новой женщины, зачастую важнее, драгоценнее, священнее всех радостей сердца, всех наслаждений страсти...»⁸⁹.

Але сказати та навіть жити згідно сказаного достатньо, аби бути чесною з собою? Це невисловлене питання, яке пропонує Могилянський.

Чи потребує пристрасть інтелектуального зусилля? Чи може вона бути там, де сексуальне бажання задовольняється одразу, а не накопичується відмовою від його реалізації? Так можна сформулювати питання останньої новели Могилянського — «Скрізь пристрасті рокові», який відсилає читачів до поеми Пушкіна «Цыганы» (1824).

⁸⁹ А. Коллонтай. Новая женщина. С. 24.

Пушкін, а разом із ним Могилянський, відповідає однозначно:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!.. [...]
И всюду страсти роковые,
И от судёб защиты нет.

Маючи намір опублікувати рукопис цієї новели, Могилянський безнадійно розійшовся з часом. Якщо у 1920-ті українські письменники здавалося забули де і коли вони живуть, то гнітюча атмосфера 1930-их мала тенденцію знищувати будь-який прояв творчої свободи, що зародився у попереднє десятиліття. Герої Могилянського аж ніяк не відповідали офіційному запиту на бездоганних будівничих радянської держави, тому сміливість задуму Могилянського варта уваги сама по собі.

Головна героїня твору — «жена Женя» — не цікавиться, на відміну від Зини, «жіночим питанням». Вона сповнена «природного» еротизму, що не виходить за межі фізичного та підкреслюється особливим зв'язком із лісом у тому місті, де вона живе, чи образом фавна, який виникає в її уяві. Чуттєвості Жені протистоїть інтелектуалізована чуттєвість її коханця, який аби самоствердитись — прагне взяти над нею гору. В одному з біографічних нарисів Штефана Цвайга ці два типи еротизму втілені в образах Казанови і Дон Жуана. Якщо перший прагне до лег-

кості, змін, рівною мірою дає та бере¹, то другий — це «одвічна війна чоловіка та жінки»². Із цієї протилежності постає особливе поєднання пристрасті та ненависті, що творить сюжетний конфлікт новели Могилянського.

І як у «Честі» та «Ільзі», тут з'являється тема Долі, яка є наскрізною. До часу героям здається, що все віршують людські волі, але це лише ілюзія. Із Долею пов'язана пристрасть, що подібна до шторму, який невідомо чи віднесе в море, чи викине на рятівний берег. У кожному разі, єдине розумне рішення не метушитись та прийняти подарунок, оскільки:

«Наполнение» — яке дається пристрастю — «это главное, оно дает возможность игнорировать, как обусловленность всех наших действий, так, в сущности, и цели наших действий, в этом игнорировании — высшее преодоление пессимизма, высшая свобода, а, значит, и высшая радость, высшее счастье»³.

* * *

Такий висновок Могилянського як письменника. Про Могилянського як людину можна сказати: від

¹ Казанова / Стефан Цвейг. Собрание сочинений в 10 томах. Том 3. Москва: «Тerra», 1996. С. 439.

² Ibid. С. 438.

³ Див. с. 52 цього видання.

страху смерті шукав порятунку у пристрастях, що його виснажували, лишаючи по собі бажання кінця, від якого він знову безуспішно тікав. Людині не доступне над-людське, героїчне, як його розуміли в античності, але їй ще лишається вульгарне і трагічне. Могилянський щоразу обирав останнє.

Вікторія Сергієнко

ИЛЬЗА

Рассказать Вам чепуху, или просто враки:
Сено косят на печи молотками раки¹.

Истина часто кажется невероятной.

Войдя в кабину лифта, я помнил, что испорченная кнопка 5-го этажа не действует, а потому надо нажимать следующую, но пока лифт поднимал меня до 5-го этажа, забыл, что выхожу из кабины не против нужной мне двери 5-го этажа, а против чужой... Нащупав в кармане вчера только переданный мне ключ, я вынул его и начал в полутьме совать в скважину французского замка. Ключ не входил... Вдруг дверь от сильного толчка изнутри с шумом распахнулась, выбив из моих рук ключ, скользнувший вдоль пальто и звякнувший так тихо, что звяканье было заглушено шумом распахнутой двери и шарканьем нескольких пар ног, с разных сторон обступивших меня. Щелкнул затвор совсем игрушечной цепочки, охватившей запястья моих рук, стиснутых ладонями внутри. Я, конечно, понял ошибку своей рассеянности, но мне не давали ее объяснить, втащили в переднюю, шарили в карма-

нах, извлекая из них все, что там оказалось: носовой платок, денежную мелочь около рубля... паспорт я, конечно, забыл под подушкой, торопясь утром на поезд. Хуже отсутствия паспорта или другого какого-нибудь документа, удостоверяющего личность, было то, что из левого кармана пальто вытащили кусочки медной проволоки, сунутых туда сыном, догнавшим меня уже на крыльце с просьбой купить ему в Москве точно такой. Было совершенно ясно, что в создавшейся конъюнктуре жалкое содержимое моих карманов и комбинация из кусочков проволоки с отсутствием документа являлись достаточными уликами для опытных специалистов и я становился их призом. Оставалась надежда, что внизу меня опознает женщина, прислуживавшая у лифта, в ожидании чего я особенно и не старался победить нежелание выслушать меня. Но почему-то меня провели через две комнаты и кухню, точь-в-точь такие как этажом ниже, в какие я только по ошибке не попал, и затем по черной лестнице, через двор вывели на улицу. У ворот стоял закрытый автомобиль, в который мне предложили садиться. Неожиданная взволнованность повела к нелепой попытке сопротивления, сейчас же впервые вызвавшей некоторую грубость приемов. Попытка криком кого-то призвать на помощь была так же нелепа и неудачна. Хриплый стон вырвался из спазмой перехваченного горла уже тогда, когда дверцы автомобиля, в который меня втокнули, захлопнулись и шум мотора все

заглушил. Мои спутники спокойно разговаривали о самом обыкновенном — житейском. Через 10 минут автомобиль замедлил ход и въехал в ворота, — один двор, второй, — остановился у крыльца с узкой дверью. За этой дверью был узкий, полутемный коридор с частыми поворотами и вправо, и влево, но все на свете кончается, кончился и коридор, растворилась дверь в комнату — щель, где меня сдали «дежурному». Прием был только формальный, говорить не давали, на первом же слове обрывая равнодушным, но энергичным: «— Завтра будете разговаривать... со следователем.» Дежурный что-то записывал в книгу, бормоча: «— Задержан агентами угрозыска, получившими секретное сообщение о готовящемся нападении на квартиру № 17 дома № 15 по №-скому переулку, при попытке проникнуть в означенную квартиру означенного дома...». И затем, не взглянув на меня, но повысив голос, спросил: «— Имя, отчество, фамилия?» Я назвал себя.

— Но паспорта нет?

— Со мной нет.

— Так и запишем — именующий себя... В карманах оказалось 97 коп. мелочи, носовой платок, куски медной проволоки, которою задержанный пытался открыть замок...

— Но я ошибся этажом, я открывал ключом!

— Завтра будете рассказывать эти басни следователю — равнодушно прервал дежурный и добавил — ключа, однако, у Вас не обнаружено...

— Я уронил его у двери, надо было поискать там.

— Будете завтра этим морочить голову следователю! В камеру № 7.

Но прежде, чем попасть в камеру № 7 пришлось еще пройти через испытание личного осмотра с раздеванием до гола, с ощупыванием всего, что в преступном мире играет порой роль спасительных тайников. Унизительная для человеческого достоинства процедура, даже если ей подвергают в социалистическом государстве. Но все на свете кончается, кончилась и целая вечность этого краткого личного осмотра и после длинного пути по коридору — на этот раз не только с поворотами влево и вправо, но и с подъемами вверх и спусками вниз, — наконец, я очутился в тишине камеры № 7-ой. Для размышления обо всем происшедшем и подготовки к разговору со следователем впереди была целая ночь, но по иррациональности человеческой психики мои мысли и чувства в эту долгую одинокую ночь не имели никакой связи ни со всей нелепостью происшедшего, ни с предстоявшим разговором со следователем. Потому и полагаю, что случившееся ни в малой мере не является достаточным основанием для того, чтобы вслед за «личным осмотром», которому меня подвергли чины угрозыска я еще сам подверг себя, так сказать, душевному осмотру праздным читателем, жадно любопытным, готовым смаковать душевное раздевание до гола и ощупывать все тайники, в которых могут укрыться пикант-

ные мысли и экстравагантные чувства. Все прогрессивные уставы уголовного судопроизводства представляют обвиняемому право не говорить судебной власти обо всем, что его может так или иначе компрометировать. Совершенно случайно и так нелепо ставши объектом уголовного судопроизводства, я тем менее обязан удовлетворить любопытство посторонних людей в том, что, как выше сказано уже, никакой связи с происшедшим не имею и к тому же ни в каком отношении меня скомпрометировать не могло. Впрочем, отстояв таким образом свое право секрета, не ущемленное тем, что следственная власть благодаря стечению случайностей должна была направить на меня свой прожектор, разоблачающий все скрытое, чтобы добиться непреложной истины, — потом я, может быть, и расскажу кое-что из переживаний этой во всяком случае странной ночи. Но это потом и к тому же только в том случае, если это понадобится для некоторого психологического уточнения рассказа о событиях, могущих показаться невероятными в наш век социалистического реализма. Сейчас же достаточно будет отметить, что переживания, о которых пока что я предпочитаю умолчать, неожиданно были прерваны в предутренние часы, когда в тишину камеры № 7 проникли какие-то неясные, но несомненные признаки возникшей в ближайшем ее окружении суеты, при чем сейчас же и обнаружилось мое ближайшее отношение к ее возникновению. Дверь камеры № 7

распахнулась, вошедший надзиратель был видимо удивлен тем, что я не сплю, но ничего по этому поводу не сказал и только лаконически предложил мне «пожаловать». Я ожидал, что моя беседа со следователем произойдет после утреннего туалета и хотя какого-нибудь завтрака, а вот она началась без всего этого в час, которого, пожалуй, нельзя было назвать утренним, так как проникавший в небольшие окна под самым потолком рассвет еще весьма слабо соперничал со светом тусклой электрической лампочки. Я был уверен, что 2-х — 3-х минут беседы будет вполне достаточно для выяснения нелепого недоразумения, бросившего меня в камеру № 7, где я провел такую удивительную ночь, может быть, благодаря этой уверенности о предстоящей беседе я совсем и не думал. Но уверенности моей суждено было сразу рухнуть. Скрывая суетливую возбужденность, свидетельствовавшую о значительном волнении, следователь не сдержал своего нетерпения и с видом охотничьей собаки, опытной в мертвой хватке, бросился на меня:

— Слушайте, хотите хоть несколько облегчить свою участь, так просто и откровенно — назовите сообщников!

— Каких сообщников? — пролепетал я смущенно, почти с виноватым видом.

— А тех самых, — не сводя с меня пристального взгляда, твердо сказал следователь, — которые через два часа после Вашего ареста разгромили

квартиру № 17 дома № 15 по №-скому переулку, при чем убили хозяйку квартиры, двух подростков и домработницу.

Так нелепо начавшееся дело еще более нелепо осложнялось и запутывалось. И понятно, тремя минутами моя беседа со следователем не ограничилась, а несколько затянулась, перешла в беседу со следователями, ибо через каждые два часа допроса они сменялись. Полная уверенность в том, что недоразумение в конце концов не может не распутаться, предохраняла меня от малейшего испуга перед лицом грозных подозрений, выглядевших у всех моих собеседников полной уверенностью, что и подхлестывало меня к издевательской игре, может быть, и совсем неуместной в столь серьезном деле. Но мне трудно было противостоять соблазну мести за все те мытарства, которым я так нелепо подвергся, за тот тон допроса, который напоминал сладострастие хищника, слишком уверенного, что жертва не уйдет из его цепких когтей. Лгать *vraiblement*² гораздо труднее, чем говорить правду, и не предвидя масштаба дальнейших разговоров, так легко попадаешь в тупик, из которого нет иного выхода, кроме признания во лжи, впрочем, становящейся собеседнику очевидной и при упорстве в нежелании сделать такое признание. А когда беседа охватывает слишком много предметов, обстоятельств, ситуаций — лгать часто приходится уже не только по вовлечению к игре, тут еще можно

соблюдать некоторую осторожность, а и по целому ряду причин, часто вовсе не касающихся личных интересов, а потому и значительно более обязывающих, иногда совершенно повелительных. Всякая же ложь, хотя бы она и не имела малейшего отношения к предмету предъявляемых Вам обвинений, в глазах каждого следователя уже является веской уликой именно в справедливости этих обвинений. Пойманный во лжи, со зла я обыкновенно не останавливался перед рядом опасных признаний, вызывавших у следователя веселое возбуждение от уверенности, что вот-вот он вытащит рыбу на берег, заставит меня сделать решающее признание, но уже совсем у порога неизбежности этого признания, я со смехом, как карточный домик, неосторожным кашлем разрушал всю постройку хитросплетений и обнаруживал, что все мои признания были только лукавым издевательством. Или когда мнимые признания доводили интерес допроса до высшего напряжения, я вдруг подобно школьнику, забывшему стихотворение, заданное на память, просил разрешения выйти. Взбешенный следователь отказывался прервать допрос, но тогда я вообще отказывался разговаривать с ним и ему приходилось уступать. По моем возвращении следователь с новой энергией наступал с места, на котором допрос оборвался, а я все предыдущее забывал, отрицал то, в чем только что признавался и т. п. На справедливое негодование следователя я ссылался на усталость, про-

сил перерыва. Сегодня распутать недоразумение я уже не рассчитывал, но мне отвечали — назовите Ваших сообщников и сейчас же мы сделаем перерыв! Несколько раз мне предлагали бутерброды, стакан чая. Но еда застревала в горле, вызывала тошноту. Мысли в голове путались и когда в камере уже зажгли вечернее электричество, моя издевка достигла таких пределов, что следователь выхватил из кармана револьвер и кричал, что меня надо вывести в расход даже если я совсем не виновен в кровавом преступлении, мое соучастие в коем для него совершенно несомненно... Я уже потерял счет, которым моим собеседником был этот нервный следователь, а я ведь со всеми ими беседовал один. А это не меня, а его отпаивали водой, успокаивали товарищи. Когда после этого на следовательском кресле опять очутился тот, кто на рассвете начал допрос, я вежливо спросил его, не найдет ли он возможным и меня сменить на стуле допрашиваемого, он, казалось бы, имевший время отдохнуть, потерял самообладание и закричал:

— Прекратите запирательство, назовите сообщников и сейчас же я прерву допрос до завтра!

Но вместо признания сообщников я уже совершенно произвольно понес такую околесицу, что дальнейший допрос, очевидно, показался и самому ретивому из следователей бесполезным, и он распорядился отвести меня в камеру № 7. Допрос, действительно, был бесполезен, если в результате мно-

гочасовых усилий следовательской власти вырвать у меня хотя бы признание сообщников, мозг мой доведен был до состояния, в котором я тщетно себе самому старался выяснить меру своего участия в кровавом преступлении и вспомнить, кто же, кто были моими в нем соучастниками³?!

* * *

«На заре туманной юности»⁴ — острый припадок пессимизма — жизнь творит для смерти, значит жизнь есть сплошной обман и все в ней не имеет никакой ценности — поставил меня на грань, которую переходят с помощью порошка, изобретенного Бертольдом Шварцом⁵, куска веревки или еще другим каким-либо способом. Но револьвера у меня не было, веревка оскорбляла мой эстетический вкус и выбор способа освобождения от унижительного обмана несколько замедлился, а затем и оборвался жестоким припадком малярии с подъемом температуры до 41°. В малярийном бреде, странное дело, при несомненной утрате чувства действительности работа сознания ни в чем не изменила своего направления, только чудовищно заострилась болезненность тех установок, к которым эта работа приводила, причем цепь последовательных логических построений уступила место зыбким образам. Пьяный, что-то напоминающий, а что? Никак не мог припомнить, цинично пропел: «Живи, живи, а уми-

рать придется всем равно!» Тяжелый стук заставил вздрогнуть, и я сразу все вспомнил, я уже знал — это могильщик выбросил на твердый театральный помост череп и его поднял приблизившийся изящный принц датский:

— Бедный Йорик!

Но порыв ветра сорвал с принца плащ, сорвал все покровы и вот уже передо мною был не Гамлет, а жуткий скелет, тот самый, из-за которого в далеком детстве, гостя у дяди доктора, я боялся входить в кабинет, где за большим письменным столом стоял он, вызывая у меня непобедимое отвращение и недетские мысли. Вот и сейчас ведь узнаю я на его черепе дядину шапку с чиновничьей кокардой и также, как в детстве, хочу бежать и забыть о скелете, но вдруг сознаю и ощущаю, что это не принц датский обратился в скелет, а я и что от этого никуда не убежишь... И потребность освобождения от обмана жизни, творящей для смерти, достигает такой интенсивности, что нет силы, могущей ей сопротивляться. Созревает общее единодушное решение о прекращении жизни и уже вокруг меня рушатся мосты, с откосов сваливаются поезда, пылают вокзалы, уничтожаются дивные создания искусства. Все ничего не стоит и потому все должно погибнуть и от мысли об этом сердце трепещет от радости близкого освобождения.

Потом — по моем выздоровлении, часто от этого малярийного бреда к моим настроениям протягива-

лись нити и как понимал я сожаление Калигулы⁶, что человечество не обладает одной головой, которую можно было бы срубить одним ударом! Да, если бы мечта о всемирном самоубийстве могла быть реальностью я всемерно готов был бы содействовать осуществлению решения о нем. Но ведь эта мечта может быть реальностью только в бреде помрачившего сознание недуга. А значит? Значит — *es lebe das Leben*⁷! И долой все, что помрачает ее радость! И оттого я понял все величие эпохи Возрождения, оттого так полюбил Пушкина, оттого надолго властителем моих дум стал Ницше, учивший «любовь к жизни, любовь к своей собственной жизни укреплять всеми средствами»⁸. Для меня и сейчас неубедительны утверждения, будто бы Ницше является одним из идеологов фашизма. Тонкий знаток и ценитель античного мира, пламенно влюбленный в культуру и ее ценности, что может он иметь общего с отвратительными дикарями, на улицах современных городов зажегшими костры из книг, хранящих письма высших достижений человеческого гения?! У Ницше, конечно, было много предрассудков, предубеждений и заблуждений, преодолеть которые он тщетно рвался героическими парадоксами, а из них не раз старались выковать себе оружие классовые враги пролетариата. Но это лишь свидетельствует о том, что освобождающая мысль человечества не всегда двигалась прямолинейно. Однако же зигзагообразные пути Ницшевской

мысли нисколько не ущербляют его победоносных достижений в борьбе за преодоление пессимизма, что же касается его предрассудков, предубеждений и заблуждений, то можно ли сомневаться в том, что без полемики и борьбы философ отказался бы от них, проехав по московскому метро или прочтя беседу Сталина с Уэлсом⁹?!)

Но я уже боюсь возмущения читателя, заинтересовавшегося развязкой вышерассказанных происшествий и не понимающего, зачем это вдруг повел я речь о своем юношеском пессимизме, о преодолении его и о той помощи, какую в этом преодолении оказал мне Фридрих Ницше. Могу только уверить недовольного читателя, что во второе утро моего столь неожиданного и нелепого заключения я был значительно живее и непосредственнее его заинтересован в развязке, а все это о пессимизме, о Ницше и обо всем том, о чем речь впереди, имеет ближайшее отношение, если не непосредственно к развязке рассказанных происшествий, то к тому, ради чего об этих происшествиях рассказано и будет рассказываться дальше. Допускаю, что рассказчик более опытный, а главное более искусный сумел бы выполнить задание, которое я себе поставил, не возбуждая недовольства читателя. В свое оправдание могу лишь повторить фразу моего учителя немецкого языка, плохо владевшего языком русским: «как умеешь, так и пей!» Итак, спою, как умею, а читателю, которому с самого начала мое умение кажется

неумением, могу посоветовать только — чтения не продолжать.

* * *

Рано усвоив философское мироощущение — πάντα ρεῖ¹⁰ — все течет, все безостановочно меняется, я живо ощущал неразрывную связанность всех изменений, и в том числе свою собственную обусловленную неразрывность, как атома Вселенной с предыдущим и последующим, с прошлым и будущим. Мои чувства не протестовали против этой связанности, она мне не мешала, но чувство острого протеста вызывала во мне мысль о себе, как мосте в учении о долге. Не мешала связанность, поскольку речь шла о понимании, да, пожалуй, и о живом ощущении процесса, чувство острого протеста вызывала мысль об определении своего поведения каким-нибудь началом, вне меня лежащем, мне что-то предписывающим. Мое сознание требовало для себя ощущения свободного самоопределения, свободного хочу и не хочу. Лет 14-и — 15-и, сидя как-то с товарищем — сверстником на высокой качели, мы вели с ним философскую беседу. Мой товарищ говорил:

— Вот если мне предопределено упасть с качели, моя воля бессильна предотвратить падение, и я все равно упаду... Воля человека несвободна.

Я ему отвечал: знаю, что воля несвободна и все, что я делаю, обусловлено, но это знание не убивает

моего ощущения своей свободы хотеть чего-нибудь и не хотеть что-нибудь сделать и чего-нибудь не делать, не мешает мне, например, не хотеть падать с качели и быть убежденным, что и не упаду. Товарищ не воспринял моего убеждения, не проникся им, побледнел и, ответив: «— Если мне предопределено упасть, я упаду, а также — если я упаду, значит, мне предопределено было упасть и не упасть я не мог...», — упал с качели и сломал руку. Но и его падение не было для меня аргументом убедительным в нашем споре и не ущербило моего ощущения свободного самоопределения, свободного хочу и не хочу. Я мог не углубляться в анализ, в поиски того, чем определяется мое хочу, но мне и нужно было ощущение его свободной независимости. Уже не чувство протеста, а просто усмешку вызывало во мне допущение, что, согласившись на роль моста, я могу подобно Чеховским героям утешаться мыслью о том, как хороша будет жизнь «лет через 200 — через 300»¹¹. Не было у меня равнодушия — после меня хоть трава не расти, тем более никогда мне не улыбался — *après moi, le deluge*¹². Я чувствовал себя человеком не злым, даже благожелательным, и мне всегда хотелось, конечно, чтобы будущее сложилось по-хорошему. И все же сама мысль о том, что я могу подчиняться велениям каких-то перспектив будущего, меня могла только смешить. Веления извне не столько возмущали, сколько для меня не существовали. Даже, когда Шопенгауэр убеждал,

что наисильнейшая страсть — любовь — только происки и хитрость «гения рода»¹³, подчиняющего человека своим целям, я не защищал своей свободой соображениями философскими, в аспекте которых «гений рода» все же смутно представлялся мне только бессильной абстракцией, я просто почти легкомысленно сказать себе:

— Ну, и пусть! Пусть «гений рода» достигает своих целей, разве его достижения не являются и моими? И не особенная, пожалуй, «хитрость» склонить меня к тому, в чем я ощущаю высшее наполнение своей жизни.

«Наполнение» — ведь это главное, оно дает возможность игнорировать, как обусловленность всех наших действий, так, в сущности, и цели наших действий, в этом игнорировании — высшее преодоление пессимизма, высшая свобода, а, значит, и высшая радость, высшее счастье. Может быть, слово «игнорирование» тут неподходящее, неудачное слово. Разумный человек не может эмансипироваться от сознательно поставленных себе целей, но, если он не сумеет их «игнорировать», иначе говоря, освободиться от подчинения достижению своих целей, как таковому, от цели в себе и для себя, он никогда не достигнет напряжения, даваемого каждой страстью, для которой оно само по себе выше достижения тех или иных целей, выше самих целей.

Одной из первых моих страстей, давших значительное наполнение жизни еще полудетских лет,

было собирание грибов. Уже тогда я отчетливо сознавал, что целью собирания являются грибы, как таковые, переполнившие корзинки и лукошки, принесенные домой и переданные на кухню, а оттуда появляющиеся на сковородках, в банках с уксусом, во всех тех видах, в которых я их любил. Но если бы мне идущему за грибами при выходе из дому кто-нибудь подал корзины, полные грибов и сказал — возьми сколько хочешь и возвратись домой, грибы, как таковые, не удовлетворили бы моей страсти к собиранию, хотя вполне могли удовлетворить любовь к грибам жареным, маринованным и другим.

В пришедшей вслед за страстью к собиранию грибов страсти к рыбной ловле независимость даваемого страстью от той цели, к достижения которой она направлена, была еще ясней: я не ел рыбы. Одна за другой пришли, одна за другой волновали меня, наполняли мою жизнь страсти к собиранию грибов, к ужению рыбы, к лодочному спорту, к катанью на коньках, к охоте, к картам... Алкоголь, в сущности, выпал из моих увлечений. Сравнительно небольшое количество его вместо наполнения давали обострение тоски, *taedium vitae*¹⁴. Немало я отдал страстному увлечению общественной жизнью и борьбой, искусствами, наукой. И во всем этом, как в полудетском собирании грибов над достижением цели превалировало то наполнение, которое характеризует всякую истинную страсть.

Мечников в своих «этюдах оптимиста»¹⁵ уверяет, что победой над фауной и флорой прямой кишки можно достичь того, что вместо нынешних сокращенных сроков жизни — они продлятся лет до 250, когда, изжив силы организма, человек почувствует утомление и отдых смерти станет для него желанным. Я познакомился с этим «оптимизмом» как раз тогда, когда отрицал какую бы то ни было ценность жизни, творящей для смерти, и возмутился убожеством позитивизма, утверждающего свой оптимизм на возможном помножении на три срока человеческой жизни, дающем в заключение желанность смертного покоя. И свой оптимизм построил на готовности разделить нынешний срок человеческой жизни на два, только бы достичь такого наполнения этого уменьшенного срока, которое устранило бы, сняло мысли о жизненных целях, жадной жизненных тревог убило всякий намек на возможность момента жажды смертного покоя.

Однако, сколько ни росли мои увлечения и страсти от грибов к ужению рыбы, лодке, конькам, охоте, картам, даже к науке и искусствам, общественной борьбе — не раз с высот своего оптимизма наполненной жизни я срывался в тот пессимизм, который ярче и полнее всего выразился в малярийном бреде юношеских лет. Не скажу, чтобы без остатка ликвидировала эти срывы, но во всяком случае довела их до минимума сильнейшая из страстей — любовь,

которой все другие страсти призваны служить, создавая для нее обстановку, украшения, расширяя ее диапазон, укрепляя ее мощь.

Великий пролетарский писатель, свидетельствуя тем, каким неисчерпаемым запасом жизнеутверждающего и жизнеукрашающего идеализма богат его победоносный класс, красиво сказал: «Высшее, до чего поднялось человечество, — это умение любить женщину»¹⁶.

Но как труден путь к овладению этим умением, сколько на нем оскорбительных препятствий, сколько грязи встречает юный неопытный дебютант уже у самых истоков пробуждения великого чувства и разве потоки ее не заставляют порой затрудняться ответом, чего больше рождает любовь — красоты или грязи?

Самое знакомство с тайной плоти произошло для меня в форме таинственного сообщения старшего брата о «третьей глупости», которой я-де еще не знаю. Всегда жадный ко всякому расширению своих знаний, на этот раз я ощутил только что-то почти оскорбительное, будившее непобедимую брезгливость. Я никак не мог освоиться с мыслью, не мог себе представить, чтобы все мои близкие и, наконец, я сам — явились производным, результатом... «третьей глупости».

От универсализма открытия, возбуждавшего к нему брезгливое отношение, я пробовал защититься скептицизмом:

— Не может быть! — прошептал я.

— Что не может быть?

— Не может быть, чтобы все... чтобы дети... — я задышался от волнения, не находил слов, но брат меня понял и беспощадно ударил по моему защитному скептицизму.

— Ну, и дурак! Я не думал, что ты еще такой маленький, чтобы с тобой нельзя было серьезно обо всем говорить.

Чтобы не выглядеть маленьким, скептицизм пришлось бросить. Но ошеломляющего впечатления открытия, как-то придавившего и омрачившего мои настроения, мое мироощущение, победить я не мог долго, а брезгливое ощущение, может быть, несколько и ослабленное, — ведь ко всему на свете привыкают, может быть, несколько уступившее нездоровому любопытству, — сохранилось, однако, до тех пор, когда через несколько лет я почувствовал и себя во власти «третьей глупости», и даже не сразу сдалось этой власти, а еще долго впивало свой яд в победоносное торжество плоти. Увы, и самое торжество плоти началось без всякой красоты.

У жившего в одном с нами доме члена земской управы был кучер Митрофан, которого за смуглое лицо и черные волосы все звали «цыганом». В «женском вопросе» этот цыган был ясно выраженным «ницшеанцем». Как-то забравшись зачем-то в «возовню» я собственными ушами слышал, как он поучал сельского парня:

— С женщиной вообще много разговаривать незачем. Кобенится? Дай по морде. Сразу шелковая станет. А антимионии начнешь разводиться, уговаривать-разговаривать, — только время потеряешь и намучишься. Ну, а свое взял — разговоры тоже лишние. Гони в шею! Если ты стоящий, придет опять. А и не придет, о чем печаль? Этого цвету по всему свету, — на всех хватит!

Такова была его «теория», а один эпизод его «практики» мне пришлось наблюдать как-то весной через раскрытое окно во двор, у которого я занимался, готовясь к приближающимся экзаменам для перехода из 7-го класса в восьмой. Я видел, как озираясь по сторонам и точно крадучись, от угла дома к «возовне» босая и простоволосая прошла горничная Гаша, уже с месяц всей своей небольшой и неказистой фигуркой, нездоровой желтовато-зеленой окраской лица, большими синяками под глазами и еще чем-то неуловимым волновавшая все мое существо. Я видел, как она подошла к немного приоткрытой двери «возовни», заглянула в отвор и позвала:

— Цыган!

Я не слышал, что отвечал цыган, но ответ его вызвал у Гаши легкое раздражение:

— Иди сюда, дурень, зову, так иди: что-то скажу.

— Очень мне нужны твои разговоры?! Хочешь, — так иди сюда! — услышал я его глухой и презрительный голос.

— Цыган, не дури! Сейчас же иди сюда!

Вместо ответа, дверь «возовни» открылась шире, на пороге появилась крепкая фигура со смуглым лицом и черной бородой, появилась на одно мгновение. Схватив цепкими железными руками Гашу, цыган, не закрывая дверей, увлек ее за собой. Гаша визжала, затем ржала, как кобыла, наконец, смолкла, а минут через пять-шесть вылетела из возовни растрепанная и растерзанная, совершенно очевидно выброшенная оттуда прощальным «по шее». Откуда-то появилась кухарка, вычитывала Гаши за ее поведение... среди бела дня, ругала «цыгана» и я сочувствовал ее возмущению и негодованию, но как я завидовал Митрофану, что он не гимназист, которому надо готовиться к экзамену, что он волен делать все неприличное гимназисту!

Кухаркины упреки, подчеркнув и без того мне ясную доступность Гаши, убили во мне последние остатки сопротивления и как только все в доме засыпало, я с сильно бьющимся сердцем, крадучись пробираясь в переднюю, где за занавеской спала Гаша, но сделать последний шаг, отдернуть занавеску, проникнуть за нее — никак не решался, подходил к табуретке и прямо из ведра пил и пил воду, а затем, едва держась на ногах, уходил к себе. А через пол часа опять пробираясь в переднюю и все повторялось в том же порядке и с тем же концом. Не скажу уж, сколько времени это тянулось и не знаю, чем бы это кончилось, если бы Гаша, наконец, не очутилась надо мной:

— Паничу! — как-то прошептала она из-за занавески, — годі Вам воду пити, ідіть-но краще сюди до мене!

Повторять приглашения ей не пришлось. Через мгновение в Гашиных объятиях впервые познал я практику «третьей глупости», а минут через 10 у себя на постели не мог удержать потоков горьких слез, вызванных ощущением, что я утонул в грязи и погиб безвозвратно.

На другое утро никому из своих я не мог посмотреть в глаза, боялся встречи с Гашей и вздрагивал, когда она входила. Мне казалось, что все вот-вот узнают происшедшее, а, может быть, уже и догадываются, подозревают. Но Гаша была такая же, как и вчера, как всегда, и это успокаивало: нет, не подозревают, нет, не догадываются, нет, никогда никто ничего не узнает. Но это успокоение не облегчало, не снимало тяжести ощущения себя непоправимо несчастным. Тяжелые потянулись дни, дни беспощадных самобичеваний, дни отвращения к себе и пламенных торжественных клятв — никогда больше!, подававших некоторую надежду, зажигавших свет в непроглядной тьме. Но прошло три-четыре дня и опять, на этот раз почти уверенной походкой — во тьме ночной я направлялся уже не к ведру с водой, а прямо за «занавеску».

И опять потоки горьких слез, ощущение грязи и гибели, и самобичевания, и отвращения к себе, и торжественные клятвы, возрождающие надежды.

А через три-четыре дня опять ничто не в силах было удержать, не пустить за занавеску.

* * *

Почти одновременно — голова, напичканная чтением романов, — ни в чем, может быть, в такой степени не сказывается влияние книги, как в романтической практике, значительное большинство адюльтеров имеют своим истоком книгу, — почти одновременно с пробуждением плоти, в котором голова не участвовала вовсе, даже больше того — отсутствовала. Она, очевидно, стремясь к реваншу, склонила меня к первой влюбленности, правда выглядевшей больше игрой в влюбленность. Но разве самая подлинная влюбленность обходится без игры?

Не так легко, однако, мне было стать героем первого романа, пусть первой любовной игры. Для этого прежде всего надо было преодолеть серьезное препятствие, заключавшееся в моей застенчивости, в непривычке к обществу сверстниц, общению с ними. Танцы я «презирал», хотя на гимназическом балу, увидав под музыку танцующие пары, признаться, страдал от своего «презрения», а оно оттого еще больше выросло и обострилось, и это мешало даже наедине с собою признаться в своем лицемерии. А от танцев что-то от «презрения» переносилось и вообще на девиц, чем удовлетворялась

потребность в самозащите от непобедимой застенчивости.

Окончание экзаменов в том году с переходом в восьмой класс принесло мне двойное облегчение: от напряженных школьных занятий и от истомивших ночных путешествий за занавесочку в передней к Гаше. Сейчас же после экзаменов отправился я жить в деревню к сверстникам, друзьям Гоге и Юре. Гога окончил гимназию и осенью уезжал в университет, что меня очень огорчало, так как именно он, а не мой одноклассник Юра, был моим закадычным другом. Впрочем, и с Юрой отношения у меня были приятельские. Мать друзей Ирина Сергеевна встретила нас сообщением, что в соседней усадьбе Клямзиных у девиц наших сверстниц гостят их подруги, две сестры, дочери классной дамы пансиона, в котором жили и они, а также их двоюродный брат, московский реалист, и что они уже не раз осведомлялись, приедем ли мы. Гога и Юра уже часа через два по приезде побежали к Клямзиным на минутку, но минутка так затянулась, что опоздали к обеду, несмотря на предупреждения матери, отчего вышла, несмотря на первый день приезда домой, бурная домашняя сцена.

Гога сказал мне еще за обедом, что девицы сегодня же ждут всех нас к себе вечером, и я сразу стал рассеянным от мыслей и соображений, как мне от этого увильнуть, так как перспектива очутиться, хотя бы и вместе с друзьями, в обществе

четырёх девиц, повергала меня в смущение и ужас. Чем меньше я находил к этому возможностей, тем больше омрачалось мое настроение, и к концу обеда омрачение это достигло уже таких пределов, что я начал корить себя за легкомысленное согласие провести лето у друзей, а Ирина Сергеевна, заметив, что со мной творится что-то неладное, участливо спросила:

— Что с Вами?

— Голова болит — соврал я и сразу повеселел, решив, что в случае чего, если ничто другое не помешает, головной болью отверчусь от визита к Клямзиным.

Но потом, когда уже надо было идти в гости, из-за этой головы Гога чуть не поссорился со мною, обличая меня во лжи, и наши препирательства так затянулись, что от Клямзиных прибежал московский реалист, тоже Гога, уже прозванный Гогой II-ым, чтобы отличать его, не путать с моим другом, — отчего мы не идем? За меня заступилась Ирина Сергеевна, и я таки отвертелся, чему так обрадовался, что через несколько минут после ухода друзей в веселом разговоре с их матерью совсем забыл о своей голове... Назавтра отвертеться уже было значительно труднее, на послезавтра для этого нужны были уже средства почти героические, а еще через день вся моя стратегия и тактика потерпели полное поражение от встречи со всей шумной компанией усадьбы Клямзиных у лодки. Не в реку же

мне было прыгать? И вот пришлось познакомиться и с Клавой, и с Зиной Клямзиными, и с их подругами, сестрами Лещинскими — Надей и Тамой, так для краткости называли младшую, Тамару, а через несколько минут сидеть на лодке между этой самой Тамой и задорной Зиной Клямзиной. Весь свой задор последняя сразу показала беспощадно на меня обрушившись:

— Вы себе ничего не воображайте, мы Вас все равно победим. Не теряйте лучше сил, сразу опускайтесь на дно¹⁷! Вот сегодня прямо с лодки пойдете к нам, я обещала маме привести Вас. Она очень заинтересована повидать такого дикаря.

Не помню, что я лепетал в ответ, но сознавал и чувствовал, что сопротивление бесполезно и что благоразумие требует, не теряя сил, опускаться на дно. Зина, однако, очевидно, не очень была уверена в моем благоразумии, что я почувствовал при возвращении с лодки, когда при приближении к их усадьбе, она подошла ко мне и крепко взяла под руку. Не убежишь, мол, все равно! Но я и не собирался бежать, я уже благоразумно опускался на дно.

— Вот! — сказала Зина, представляя меня матери — Ольге Михайловне Клямзиной, — сразу показавшейся мне очень милой и совсем не страшной, матерей я, впрочем, как-то вообще не боялся, — вот я обещала и слово сдержано, получай дикаря и помоги нам всем его от дикарства излечить...

— Зина, Зина, помилосердствуй! — в тоне легкого упрека прервала ее мать.

— Нет уж, без всякого милосердия! За горло и колено ему на грудь!

И вдруг я ощутил, что ничего не имел бы против того, чтобы она, Зина, схватив меня за горло, и колено поставила на грудь.

В тот же вечер я разглядел уже происшедшую за краткие дни, пока я кобенился, расстановку сил. И был несказанно поражен тем, что к тихой, «размазне» Клаве (от нее, правда, веяло неуловимой обаятельностью распускающегося цветка) пламенили оба мои приятеля, братья Гога и Юра, имевшие еще и соперника в лице белобрысого студента Мики, сына местного сельского священника, на лодке он с нами не катался, но его мы застали уже у Клямзиных. За Тамой приударял Гога II-й, а Надя и Зина оставались вакантны. Первое не удивляло: Надя была бесцветна и не интересна, второе удивляло, но было понятно: боялись обжечься. И как-то сразу я решился — не бояться.

Вскоре Мика, поняв неопасность своего соперничества с Гогой и Юрой, иначе говоря, безнадежность своего пламенения к Клаве, по линии наименьшего сопротивления обратил свое внимание на Надю и тогда вакантных больше не осталось, все выглядело благополучно, и общая картина омрачалась только соперничеством братьев, моих приятелей. Увы, это соперничество закончилось серьезной

катастрофой. Мой талантливый, блестящий Гога, заметив, что в соперничестве с братом выигрыш как будто улыбается ему, не снес мысли о выигрыше у брата и решил великодушно уступить, а для того ли чтобы у брата не осталось никаких сомнений и подозрений или для того, чтобы отрезать себе все пути отступлений, вступил в единоборство с Микой, конечно, сразу отбил у него Надю и, несмотря на бурные протесты матери, осенью перед отъездом в университет женился на ней. Всякий видел много несчастливых браков, но более несчастного мне, пожалуй, видеть не приходилось. Из всех наших молодых романов, завязавшихся тем летом в усадьбе Клямзиных, только один роман братьев Корицких с Клавой Клямзиной закончился браком, но при этом Гоги с Надей Лещинской.

* * *

Игра игрой, но случилось мы с Зиной таки изрядно цапались, даже не как подающие надежды способные дебютанты, а совсем как искушенные немалым опытом в науке страсти нежной. Признаюсь, много мне портил опыт с Гашею. У Зины я искал чистой любви и можно себе представить весь мой ужас, когда, как-то увлекшись игрой с нею, я вдруг ощутил себя в этой игре совсем, как перед занавесочкой у Гашиной постели. При чем сохранить самообладание, не отдернуть занавесочки оказалось не

так легко. Это сначала испугало, а затем оскорбило мои лучшие чувства, повергло в уныние. Бежать, бежать! И дня два я уклонялся от встреч с Зиной, охваченный черной меланхолией даже подумывал вернуться домой в город.

Зина сама разыскала меня и сразу напала:

— Послушайте, милый человек, что это Вам за охота дурака валять?! Для чего и для кого изволите Вы щеголять в Гарольдовом плаще¹⁸?

Ее тон задевал, провоцировал дать сдачи.

— Помилосердствуйте! — дерзко отвечал я — зачем такие героические средства там, где рыбка ловится на обыкновенного навозного червяка, на муху?

Зина побледнела, затем вспыхнула, но после мгновенной борьбы что-то в себе подавила и, погрозив пальцем, сказала в тоне примирительном:

— Смотрите-ка, рыболов, не зазнавайтесь! Во всяком случае помните, что милосердия я не признаю вовсе.

— За горло и конечно на грудь?

— Вот-вот! Запомнили? Это очень хорошо.

— Хорошо, Зиночка, то, что хорошо кончается, а конца ведь еще в волнах не видно — загадочно отвечал я, скрывая, что именно угроза такой беспощадностью кружила голову.

Моя меланхолия растаяла, грязные мысли я в себе подавил, игра в чистую любовь продолжалась, часто пресно и скучновато. Странное дело,

казалось бы, при моей застенчивости то, что отношения с Зиной, как видится, сразу вызвали «камушки в мой огород», иронические шепотки: «влюблен!», должно бы было меня смущать и конфузить. Между тем ничуть не бывало. Не только не смущало и не конфузило, а... нравилось. Сердце, в сущности, спало еще непробудным сном, а какая-то непонятная сила толкала к игре, при чем не так привлекало разыгрывать влюбленность, как вызывать у окружающих подозрения в ней со всеми последствиями — до обидных насмешек включительно. Дни, конечно, летели стрелой. Все иные впечатления стусеивались для меня перед неуклонным развитием моей «игры», в которой не было кипения бурных чувств и захватывающих увлечений, но было много рассчитанного упрямства, повелительного, однако, не меньше все на свете заставляющих забыть увлечений. Нельзя себе даже представить более благоприятной обстановки, более содействующих успехам юной любви условий, чем те, которые давались мне тогда. Но все было дано, кроме самой любви: ее не было, сердце спало. Недостающее приходилось инсценировать, что я и делал, часто нестерпимо глупо, аляповато, подчеркнуто аляповато. Даже в чудесную рамку для решительного объяснения, которого мой предмет, очевидно, давно уже ждал и имел полные основания ждать, я не сумел вставить чего-нибудь незабываемого. А мне везло. В половине августа Зина уезжала в город, почему-то на неделю раньше других. Надо

ли говорить, что и мне возвратиться домой понадобилось именно к тому же сроку. Вся компания провожала нас на пароход и наделяла щедрыми пожеланиями, сыпались намеки, высказывались завистливые сожаления, как хотелось бы быть на нашем месте. И я сиял, игра достигала цели. Но вот остались мы вдвоем на палубе парохода, мчавшегося куда-то вдаль в темноту звездной ночи теплого августа и сразу как померкло мое ликование! Разыгрывание влюбленности для себя не соблазняло и без зрителей мне становилось просто скучно, а через пол часа начало клонить ко сну. И тем скучнее было оттого, что я сознавал свою обязанность продолжать игру и мучительно не знал, что именно мне полагается делать. Вероятно, история любовных сцен не знает ничего более нелепого, чем мое тогдашнее 5-и часовое путешествие с Зиной. И, однако, почти до объяснения я дошел, при чем это «почти», к стыду моему, было заранее обдумано. Пароход уже подходил к городу, когда я преподнес Зине рукописный сборничек своих стихотворений, не помню уж как намекнув, но только намекнув, а не употребив лучшего человеческого слова «люблю», намекнув, что лицо, которому посвящено первое стихотворение, покорило мое сердце. Какая-то двойная бухгалтерия для объяснения в любви, конечно, свидетельствовала, что ее там не было. О посвящении первого стихотворения, надо ли говорить? Я избежал полнословности и проставил только инициалы — З. К.

К нашей пристани пароход причалил около 2-х часов ночи, «света» Зина должна была ожидать на пристани, а я... простился с ней и отправился домой. Я, правда, предлагал ей остаться с нею, но, не скрою, к моему большому удивлению Зина отвергла мое предложение, находя, что это «компрометировало» бы ее. Ничего кроме усталости не ощущал я по дороге домой, а дома, едва голова моя коснулась подушки, заснул, как убитый. Но проснувшись с первым лучами солнца, я моментально начал игру, затянувшуюся потом на многие месяцы, — как, я больше не увижу Зины? И, моментально одевшись, я помчался к пароходной пристани еще раз сказать ей два слова, просто увидеть... хотя бы издали увидеть. Но пристань за ранним временем была пуста, а Зинин след простыл. И, несмотря на раннее время, я два раза прошелся мимо окон пансиона, в котором жила Зина. И весь день через каждые пол часа, максимум через час, бежал еще раз по другой стороне улицы пройти мимо окон пансиона. Потом я уменьшил порцию этих хождений, но два-три, какова бы ни была погода, ежедневно прохаживался там, при чем даже не решался смотреть на окна, а, поравнявшись с ними, как-то втягивал голову в плечи и ускорял шаги.

* * *

Возвращаясь домой, Марк несколько побаивался Гаши и с чувством удовлетворения узнал, что она

от них отошла, а ее место заняла солидная и пожилая Степанида Васильевна, которая в свободное время лежала на кровати (за той самой занавеской) читала романы и часто пробовала мыслями по поводу прочитанного делиться с Марком, огорошивая его вопросами вроде:

— Отчего это, Марк Николаевич, вот Достоевский, такой талантливый писатель, поставил в «Преступлении и наказании» большую мысль — человека, который все равно как бесполезная и вредная вошь, убить можно и даже нужно. И не довел мысли до конца, не выдержал, заставил бедного Раскольникова каяться, за двух вшей на каторгу отправил?

Гашу редко, но все же встречал на улице. Всегда смотрел при этом в другую сторону или делал вид, что не узнавал. Только несколько потом догадался, что смена министерства — замена Гаши Степанидой Васильевной — вызвана была догадками или подозрениями матери.

* * *

Вскоре приехал Юра Корицкий и стал моим спутником в хождениях под окнами пансиона, в котором тогда уже проживала и Клава. Но он не довольствовался быстрым прохождением мимо, он останавливался против окон, присматривался, не подойдет ли кто к окну, иногда дожидался появления в крайнем окне Клавы и тогда разговаривал с ней на паль-

цах глухонемой азбукою, бросал в окно записочки и получал ответные. Ни на что подобное я не решался, да все это и не очень мне было нужно. Когда Юра однажды предложил мне передать записочку Зине, я, подумав, почувствовал, что не знаю, что я написал в ней и отклонил предложение.

Когда случалось встречать в городе пары пансионеров, замыкавшиеся высокой фигурой сухопарой Жозефины, матери Нади и Тамы, я, заметив их издали, не принимал встречи, а переходил на другую сторону, когда же, застигнутый врасплох, перейти не успевал и должен был раскланяться с шедшими под руку во второй паре Зиной и Тамой и сзади их шедшей с незнакомой подругой Клавой, я краснел как рак и готов был провалиться сквозь землю. Играть самую глупую роль и быть в этой игре замеченным, стать предметом вполне заслуженных насмешек — вот все, что мне было нужно. Я знал, что Зина бывает в гостях у подруг Трачевских — и дом их тоже привлек мое внимание. И опять-таки мне нравилось, проходя мимо их окон, услышать задорный голос, сообщавший мне с явной издевкой: «Зины у нас нет!» или декламировавший стихи с посвящением З. К.

Свое стихотворчество я тщательно скрывал, даже, преподнося Зине свои стихотворения, взял с нее слово — никому их не показывать. И все же, получив это свидетельство ее «коварства», я не претендовал на нее за нарушение слова, а испытывал

удовлетворение от расширения объектов «игры» и с упоением полностью отражал последнюю в своих дневниках, дававших любопытные образцы искренней лицемерности или лицемерной искренности.

Еще следующим летом, проживая с семьей на даче в подгородной сосновой роще, я ежедневно с гостившим у нас товарищем старшего брата Володи отправился после обеда в город. Я знал, что он идет на свидание, и как завидовал ему! Не потому завидовал, что «любовь» соблазняла своим содержанием, хотя мечта о близком и нежном друге, пред которым можно раскрыть всю душу, вместе с потребностью в женской ласке — все это волновало меня как возможность ликвидировать одиночество, душевную пустоту и мрачные пессимистические мысли. Для моей зависти достаточно было уже того, что вот Володя идет в город с определенной целью, тогда как у меня...

Я ни за что не отвечал Володе на его расспросы, зачем я хожу в город, да и что я мог отвечать? Нельзя было нарочно придумать что-нибудь более нелепое и бессмысленное, чем мои ежедневные хождения в город! Идти в летний зной около трех верст, чтобы по пыльным улицам продефилировать туда и обратно мимо окон, где жила или могла быть в гостях Зина (поссорившись с матерью, она осталась на лето в городе), Зина, мне совершенно чужая и ни на что не нужная. Игра давно выдохлась, приелась и продолжалась только по инерции, автомати-

чески, хуже того — по какому-то злому упрямству, по болезненной потребности в самоиздевке. И потому часа через 2 — 2 с половиной вместе с усталостью я приносил с собой раздраженное отвращение и тяжелое *taedium vitae*.

Уже с тех лет я ощутил в себе непобедимую идисинкразию к размеренному однообразию дней. Как вчера и позавчера, в 9 ч. утра сесть за «Основы химии» Менделеева (я поступал на юридический факультет, но вот пришла фантазия — надо проштудировать «Основы химии»), затем завтракать и около 12-и идти купаться, затем читать, бродить по лесу, наблюдать быстрых ящериц и солидных жуков, обедать, идти в город и знать, что завтра в те же часы будет то же самое — этого достаточно, чтобы вчера, сегодня и завтра перепутались, время остановилось, перестало существовать, а вместе с тем перестал существовать и всякий интерес к чему бы то ни было. Да и какой интерес во всем, всем на свете, если отсчитает маятник положенное тебе число часов и, радуясь, дошел «до цели жизни — до могилы»¹⁹?! А когда исчезло время, исчез всякий интерес ко всему, что наполняет тем или иным содержанием неизвестное отдаление этого конца, — нет уже и этого содержания, нет уже и этого отдаления, есть только этот конец, есть только могила! Но отвратительней, кошмарней могилы — остановившееся, несуществующее время, этот кавардак из вчера, сегодня и завтра, неразличимых до ужаса. И как

мучительно бессилие разорвать эту неразличимость, разорвать клещи однообразия, остановившего время, хотя бы на миг почувствовать движение! И до какого напряжения может доходить жажда бунта против останавливающегося времени, механического однообразия! В аспекте ее значительно позже я воспринял изумительный рассказ Лескова «Чертогон»²⁰. Безобразною оргией, битьем зеркал, чем угодно, — только бы на миг ощутить, как железная необходимость трещит под напором обезумевшей, бунтующей воли! Но тогда никаких поползновений к бунту не испытывала моя воля, апатичная и расслабленная сознанием, отрицавшим самую возможность ее авторитарного самоопределения, даже существования, как таковой. Мне даже нравилось увеличивать свои мучения пассивным отказом от всякого сопротивления.

Семь часов. Обходя озеро «Штаны», плетусь я от городского предместья домой, как вчера, позавчера и раньше, как буду в то же время плестись и завтра. Но ведь могу же я своею волею разорвать эту цепь, могу, например, завтра не пойти в город? Вот возьму и не пойду! Но я же пойду! — отвечаю я себе, хотя мучительное ощущение себя вневременным призраком достигает оттого высшего напряжения, увы, обеспечивающего и продолжение выдохшейся и опостылевшей «игры». В конце концов она таки мне достаточно наскучила, но разделаться с нею я как-то не умел и что много

хуже того, по-настоящему не хотел. Тут-то и свалил меня тогда припадок малярии с тем бредом, о котором выше уже рассказано. А после болезни, уже перед отъездом в университет, ведь в том году я окончил гимназию, приятели ввели меня в дом Трачевских, где я мог встречаться с Зиной. Обе сестры Трачевские, очень милые девицы, были убеждены в моей влюбленности в Зину и по-дружески хотели мне помочь. Но когда я начал бывать у них и там встречаться с Зиной, она была «занята» легким флиртом с одним из моих же товарищей. Может быть, потому что у меня к тому времени получилась усталость от слишком уж затянувшейся и ведшейся почти в безвоздушном пространстве игры (без плоти и крови, без материала), — противостоять соблазну, расширить рамки игры — игрою в муки любви обманутой, ревность etc. — мне удалось сравнительно легко (а поползновения к такому расширению я все же ощутил!). С первых встреч с Зиной у Трачевских я не только удивлял других, но и сам удивлялся тому, что охота к игре умерла безвозвратно. А вскоре не осталось места ни удивлению, ни охоте вспоминать о пережитой глупой игре: в доме Трачевских впервые пробудилось мое сердце, со всех сторон вдруг охваченное пламенем первой юношеской любви.

Но я совсем не собираюсь обратить свой рассказ в свои полные любовные мемуары и позволю себе об этом кратком, хотя и ярком эпизоде не рассказы-

вать, тем более что и он ничем не окончился и скоро я уехал в университет.

* * *

Могучи и чудеса способны творить восстановительные силы юности. Иному кажется, голову сруби, сердце вынь, у него отрастет другая, расцветет новое. Любовные неудачи не помешали Марку жадными устами припасть к чаше бытия и пить из нее полными глотками увлечения наукой, искусством, музеями и театром, товарищескими беседами до утра и страстными спорами на вечеринках, разжигающими святую ненависть и неукротимое стремление к правде человеческих отношений, толкающими на путь волнующей борьбы с твердынями деспотизма и порабощения человека человеком. И в вихре этих увлечений женская любовь и все от нее истекающее: брак — семья — дети казались чем-то ненужным, мешающим, связывающим.

* * *

Более чем через год, пожалуй, года через полтора, с моим приятелем, почему-то носившим конспиративную кличку «Орех», в его студенческой конуре мы целый вечер провозились, попивая тепловатый чай, над составлением прокламации к рабочим Балтийского завода. Когда работа была закончена,

«Орех» положил рукопись себе в карман, оделся уходить, но из конспирации предложил мне выйти первым, при чем сказал мне:

— Завтра утром часам к 11-и тебе принесут готовые листовки, а часов после 6-и вечера зайдет к тебе девица, которая скажет тебе пароль: не теряй, куме, силы! Вот ей и поможешь листовками нагрузиться, она их снесет куда следует.

На завтра ровно в 11 часов утра мрачного вида юноша пришел ко мне и из-под пальто вытащил объемистый тючек прокламаций, положил его на стол и сказав только: «— Приятного аппетита!» — повернулся и вышел. А в шесть вечера раздался звонок, и я из своей комнаты слышал, как показавшийся мне знакомым голос спросил: «— Марк Николаевич дома?» Затем в дверь ко мне постучались. Я сказал: «— Войдите!» и остолбенел. Ко мне в комнату вошла Зина. Она совсем исчезла с моего горизонта, целую вечность я ничего даже не слышал о ней и уж никак не подозревал, что она может быть в Петербурге.

— Ну-с, милый человек, — знакомым тоном и со знакомой улыбкой начала она, навевая забытые сны, и вдруг стерла улыбку и деловито-лаконически закончила:

— Не теряй, куме, силы!

Одно мгновение я было подумал, не ограничиться ли исполнением директивы «Ореха» — помочь пришедшей нагрузиться прокламациями, но сразу же продолжил брошенный мне Зиной пароль —

«опускаясь на дно!» и начал медленно, но неуклонно опускаться. Пока Зина с моей помощью нагружалась прокламациями, я успел от нее добиться: «— Да, приходите хоть сегодня, после 11 почти всегда дома, раньше редко». И уже с десяти часов расхаживал по одной из далеких Рождественских улиц на Песках, с волнением поглядывая на № дома и задавая себе один и тот же вопрос, — а что я буду делать, если она «провалится» и домой не вернется? Мне необходимо было сегодня же, сегодня же видеть ее. Зачем? — в этом я не давал себе отчета и по мере приближения 11-го часа тревога моя росла и сердце колотилось в груди с таким шумом, что, думаю, встречные должны были слышать его удары. Но минут за 10 до 11-и Зина появилась у своего подъезда, отчего, однако, сердце мое не только не успокоилось удовлетворенно, но и застучало еще сильнее, но уже совсем другой тревогой.

— А, милый человек! Вы уже здесь — сказала весело и сейчас же нахмурилась — но зачем торчите у подъезда? Это же не конспиративно. Зашли бы — там, наверное, ждет меня Ася.

Ася — ее ближайшая подруга — ждала. Ждал и кипящий самовар на столе, но я как редко чего хотел скорейшей ликвидации ожидающих. Поэтому, как три дня ничего не евший, набросился на чай. Самоварчик был небольшой, пили вдвоем, не поставят же второго?! Но что я мог сделать с Асей? Она чувствовала себя, как дома и уходить, видимо, не

собиралась, несмотря на уже поздний час. Но я не мог уйти без хотя бы нескольких минут «наедине» с Зиной и, конечно, пересидел Асю. Около часа она ушла, а Зина, заперев за ней дверь и вернувшись ко мне в свою комнату, внимательным взглядом, точно вот только что впервые увидела меня, осмотрела меня с головы до ног, и сказала слегка насмешливо:

— Ну, и джентльмен из Вас, милый человек! В час ночи отпустили девицу одну.

— Да ведь ходила же она одна, когда я не бывал у Вас. — Ответил я равнодушно.

Еще когда Зина вошла ко мне в комнату с «кумом», я сразу заметил появившиеся трагические складки на украшенном ими красивом лице, мрачно сдвинутые брови и некоторую усталость в лучистых глазах. Мне не нужно было знать, что положило эти складки, сдвинуло брови, утомило, я и не пытался расспрашивать о чем-нибудь, что с нею было за это время, когда мы не встречались. Но мне надо было знать, что весят сейчас, что скрывают замеченные симптомы, как они звучат? Зина тоже ни о чем меня не расспрашивала, но весьма умело и тонко прощупывала мое внутреннее «я» до самых глубин. Но о чем мы с нею тогда проговорили почти целую ночь — что-то почти до 5 часов утра — я никогда не мог припомнить.

На другой вечер сейчас же после 11-и я, конечно, опять явился. Зины еще не было дома. И опять в ее комнате торчала Ася, а на столе кипел самовар. Ася —

ближайшая приятельница Зины, ни в чем на нее непохожая, полная ее противоположность, вся была соткана из доброты и безграничной кротости, что даже странно было предположить, чтобы кого-нибудь она могла раздражать. Но мне никакого дела не было до Асиных добродетелей, меня остро раздражала перспектива пересидеть ее, чтобы остаться «наедине». И оттого я, кажется, не очень вежливо разговаривал с ней, что сразу заметила через четверть часа как-то неслышно вошедшая Зина.

— Эге, милый человек, да Вы бурбон настоящий²¹! Как это Вы смеете в таком тоне разговаривать с моей Асинькой?!

Я уже готов был дерзко ответить, что все смею, чтобы убрать с дороги помехи, но Ася заговорила как-то виновато, кротко и торопливо:

— Что ты, Зиночка, что ты? Марк Николаевич все время был со мною очень мил...

— Даже мил! — иронически пропела Зина, а я не на шутку сконфузился.

Конечно, и в тот вечер я пересидел Асю. На этот раз Зина уже не упрекала меня в неджентльменстве, но вернулась в комнату, закрыв двери за Асей, с нахмуренными бровями и сразу бросила мне:

— Милый человек, только сегодня не до 5 часов! Я обиделся.

— Погодите торговаться, может быть, я уйду еще раньше, чем Вы того захотите.

Обиделась Зина.

— А Вы так уверены, что я того еще не хочу?
Еще больше обиделся я. Взял шапку и галантно раскланявшись, сказал:

— Всегда рад исполнить Ваше желание.

И тогда, меняя тон, сказала Зина:

— А Вы положите-ка шапку на место, милый человек, и бросьте валять дурака.

Тоже меняя тон, я ответил:

— Всегда рад исполнить Ваше желание!

— О, дети, дети, как опасны Ваши лета²²¹! — рассмеялась Зина и с ногами забралась на широкий диван, а я, ответив что-то невнятное и неуклюжее о притягательной силе опасности, удобно устроился возле нее. И на этот раз договорили до ½ бго. И опять ничего не помню, о чем разговаривали.

Так и пошло. Ежедневно являлся я часам к 11, обыкновенно не заставал Зины, но заставал Асю и самовар, теперь уже вполне вежливо и даже мило беседовал с ней, затем, конечно, пересиживал ее, забывал все на свете в долгой беседе с Зиной, даже содержание беседы, ибо не в нем была ее сила. Для того, чтобы быть милым с Асей теперь мне уже не надо было делать над собой усилий, полная противоположность Зине, она все же была ее alter ego, во взглядах у них было полное согласие и не так из бесед с Зиной, как от Аси я узнавал эти взгляды, что мне как-никак хоть до некоторой степени было надо, хотя я и был всегда убежден, что взгляды женщины опрокинуть легче, чем карточные домики, а

зрелище того, как они «кувырком полетят» всегда было в моем представлении законным призом любви побеждающей. Зина — узнал я от Аси — не может и не хочет помириться с рабской долей женщины. Всё и все — природа, общество куют для женщины нерасторжимые цепи. Верность природе обратила бы ее в рождающую и кормящую самку, что когда-то и проповедовал Лев Толстой, брак законный — брак не только буржуазный, отвратительный, лицемерный и грязный, но и социалистический — учреждения еще могут меняться, но изменение учреждений не обеспечивает изменение идей — *in spe*²³ на мужчину не накладывает никаких ограничений, женщину закабальет. О женатом мужчине, имеющем десятки любовниц постоянных и случайных, даже приличные люди улыбаясь говорят: лев! За лирические отступления от верности долгу супруги и матери те же люди заклеивают женщину «сучкой». Мужчина извечный, коварный, лицемерный, беспощадный враг женщины. Он может быть великодушным, благожелательным, готовым на жертвы не только своими интересами, но и самим собою только до тех пор, пока не сорван цветок. А потом — одному нужна любовница, но их сколько угодно можно найти и в публичном доме, и на улице, другому нужна мать его детей, ведь более добросовестной няни и воспитательницы не найти, третьему хозяйка, хранительница очага и прежде всего та, которой препоручаются его оторвавшиеся пуговицы, галстуки,

жилеты и прочее, и прочее. Материнству женщина отдает всю себя, напролет не спит всю ночь у постели больного ребенка и т. д, и т. д. Это ее потребность, она не может иначе и от того и материнство сплетает ей цепи. Отцовству мужчина отдает крохи своего времени и сил, если сочувствие к переутомленной матери заставит его пол часа поносить ребенка, если из-за болезни зубов матери он когда-нибудь сам сварит ребенку кашку, он это нескоро, нет, он этого никогда не забудет. Ему нужно, чтоб ночью детский плач не мешал ему спать, днем детские капризы не раздражали, у него ведь нервы и он должен надлежаще подготовиться к ответственному заседанию. Отцовство вполне удовлетворяется отдачей детей на попечение матери, а если мать этим тяготится, в большинстве случаев не возражает и против попечения нанятию нянь, бонн, гувернеров. Нельзя же, чтоб дети заедали нашу жизнь! — либеральничает муж, но предпочитает «идеальную» мать, это и спокойнее (нельзя же отрицать его отцовских чувств), и дешевле. Наконец и в любви мужчина привык читать лишь по верхам, а женщине нужно вчитаться в каждую букву, а потому и сама любовь сплетает женщине цепи.

Ася излагала мне эти Зинины (и свои) взгляды без системы, урывками в короткие 10–15 минут беседы в ожидании прихода Зины, излагала сухо и безтемпераментно, как печальные, но несомненные истины, на которых свет, как на трех китах, от

века стоит и на перемену которых надеяться было бы «весьма отчаянно». Скоро также бессистемно, но с бешеным темпераментом стала метать в меня отточенные острые стрелы подобных афоризмов Зина.

Наши ночные беседы продолжались без перерыва ежедневно, безумными темпами разжигая мою страсть, но как только я ощутил, что она не остается безответной, как Зина насмешливо спросила:

— Милый человек, Вы чего, собственно, от меня хотите?

— Любви!

— Любовь, говорят, не картошка, ее не выброшишь за окошко²⁴. Но раскроем скобки: хочешь, чтобы я стала твоей любовницей, — она вдруг перешла на «ты» — или женой (это все равно). Этого не будет. И не надейся, что в поисках удовлетворения потребностей природы, я упаду в твои объятия. Не скрою, я люблю тебя!

— Зина!

— Но я не хочу, чтобы любовь к тебе надела на меня цепи и именно во имя любви к тебе, если понадобится удовлетворить потребность природы, удовлетворю их не с тобой, а с первым встречным.

— Зина!

— И не надейся, что в твои объятия меня толкнет жажда материнства. Любой товарищ, которого приглашу к себе на один вечер, тебе сказав не приходить, сделает мне ребенка не хуже тебя.

Я онемел. Мозги не работали, язык не поворачивался.

— Тут тебе снова полагалось бы воскликнуть — Зина!

— Зина! — вырвалось у меня со стоном.

— Ну вот, видишь, все в порядке. Что же еще? Может быть, хочешь поручить мне попечение о своих кухонных горшках, а также о своих оторванных пуговицах, галстуках, жилетах, белье — это все тоже не для меня. Корабли мне снятся²⁵!

Я взял шапку и, не произнеся ни единого слова, не попрощавшись, вышел из ее комнаты.

Три дня не только не бывал у Зины, но запершись у себя в комнате, не выходил никуда. Лежал на кушетке и умильно поглядывал на крючок на потолке, думая, как, в сущности, просто жизнь оборвать, «как спутанную нить»²⁶. Но для этого нужно было бы сделать столько усилий и движений, к которым я не чувствовал ни малейшей охоты. Но и, помимо этого, сколько-нибудь серьезно о самоубийстве я тогда, в эти три дня протрации, не думал. Питался сухой булкой и кусочками шоколада, сохранившимися в письменном столе.

На 4-й день утром мне подали городское письмо. Сразу узнал ее почерк, нервно разорвал конверт. Писала:

«Милый человек! Не дури: будь кумом, нетеряющим сил, но не опускающимся на дно и помни, что в жизни нет ничего более стоящего, чем сама

жизнь, а также ничего нет, ради чего стоило бы себе портить настроение. Эти строки диктует мне отнюдь не милосердие, хотя и к нему я не абсолютно, вероятно, неспособна. Просто я привыкла к нашим ночным беседам и без них нечем заполнить образовавшейся пустоты, просто скучаю. Скучает и Ася. З.» В P.S. стояло: «после 11-и почти всегда дома, раньше — редко.»

Чтобы смирить души тревогу пришлось пешком отправиться на острова, да и надо же было чем-то заполнить, как-то убить двенадцать часов времени, задача в том состоянии, когда в голову, кроме того, что гвоздем засело в ней, ничто не лезет, не очень легкая. Раза два пил пиво, закусывая бутербродами, а пообедать как-то не то забыл, не то не успел. Равно в 11 был уже на Песках. Зину застал дома. Захлопала в ладоши и закричала:

— Ну, что, Аська, кто выиграл?! — затем внимательно осмотрела меня и сказала:

— Ну, милый человек, и подтянуло же Вас! Видно-таки, правда — любовь не картошка...

— Зина! — остановила ее Ася.

— Слушай, Асинька, право восклицаний «Зина!» безраздельно принадлежит Марку, и ты на его прерогативы не покушайся.

Затем, точно демонстрируя не абсолютную неспособность к милосердию, резко изменила тон и тепло и просто, опять переходя на ты, сказала мне:

— Ну, садись же, садись и бей челом Асиньке — получишь стакан чаю, а чай у нас сегодня с пирожными!..

Состоялось примирение. Мир и согласие были восстановлены, чему, кажется, больше меня и Зины радовалась Ася.

Среди разговоров о том и сем, а больше ни о чем, закусываемых чаем с пирожными, Зина вдруг лукаво улыбнулась, взглянула на Асю и обратилась ко мне:

— Слушай, Марк, хочешь доказать миру, что ты не такой дурак, как показуешься? — так ведь, кажется, говорил твой немецкий учитель Берка? Хочешь?

Я насторожился. Но в тоне Зинином как будто не было ничего подозрительного.

— Ну, говори же, говори, — хочешь?

— В чем дело?

— Очень простое дело. Знаешь, если бы ты не был дураком — посмотрела на Асю — ты женился бы на моей Асиньке.

— Зина! — защищалась Ася.

Не обращая на нее никакого внимания, Зина продолжала свою линию:

— Она ведь у меня — клад, не женщина, а ангел.

— Зина, ты с ума сошла!

— Да, так уж мир создан, я знаю: скажи самую умную вещь и тебе сейчас же припишут сумасшествие.

— Только помни — опять обратилась ко мне — за наморщенный Асинькин лоб, за каждую ее слезу будешь отвечать передо мною, а я ведь спуску не дам. За горло и колено на грудь! Помнишь?

Еще бы, ощущая, как рука ее сжимает мое горло, а колено надавливает грудь, я не помнил! Но гибель с нею, даже только гибель от нее — тогда я предпочел бы блаженству с другою.

Кажется, очень смущенная Зининым «предложением» Ася ушла раньше обыкновенного, за что я был и ей, и Зине, ее хоть и не намеренно смутившей, так благодарен. Мотыльки летят на огонь. Как было мне устоять против власти Зининого огня?!

В мельчайших подробностях помню эту ночь, но опять-таки я ведь не стремлюсь вовсе дать свою полную любовную автобиографию, и хотя, может быть, вообще рассказываю много лишнего, а этого вот не хочу рассказывать и не расскажу. Вот разве только одно. Уже в самом конце той ночи Зина вдруг сказала мне:

— Слушай, милый человек, а я ведь совсем не шутя, а всерьез, в самый серьезный серьез предложила тебе жениться на моей Асиньке...

— Ты, действительно, кажется, с ума сходишь!

— Но того, что сумасшествие мое — систематическое, ты во всяком случае отрицать не можешь.

С тех пор почти каждая наша ночь заканчивалась тем, что Зина обращалась ко мне:

— Ceterum censeo²⁷ — ты должен жениться на Асе.

А раз вдруг спросила:

— Милый человек, отчего ты такой упрямый?

Я знал, о чем речь и молчал.

— И отчего, ну отчего, собственно, ты не хочешь жениться на Асе?

Я молчал.

— Ведь Ася как никак моя alter ego²⁸. Женившись на ней, ты, в сущности, женился бы, ну хоть до некоторой степени, почти что на мне.

Мое молчание доводило ее до исступления и тогда, приблизив к моему лицу расширенные пылающие глаза, она спросила:

— Но ты, признайся откровенно, может быть, ты и на мне вовсе не хотел бы жениться?

Я чуть не задавил ее тогда. Спротивляться неистовству моих страстных поцелуев, которыми я покрывал ее руки, шею, лицо она была не в состоянии, но казалось от моих поцелуев она деревенеет, обращается в бесчувственную колоду. И вдруг в страстном экстазе прижав свои губы к ее губам я ощутил такой же страстный ответный поцелуй и зашатался, теряя сознание. Она вырвалась из моих объятий, подошла к окну и спокойно сказала:

— Ну, пора, брат, — пора! Завтра, какое там завтра — ведь сегодня у меня с раннего утра масса серьезных дел.

Я ушел, шатаясь, как пьяный, и слышал, как вдогонку она сказала мне:

— А моего *ceterum senso* не забывай, милый человек!

* * *

С тех пор моя страсть вскипала *crescendo*²⁹ и вскоре походило на то, что я со скоростью и жадностью борзой преследую Зину, а она каждый раз, когда я настигал ее и, казалось, — ну, вот-вот, на этот раз не уйдет, напряжением воли создавала какой-нибудь новый трюк, чтобы не быть схваченной, уйти. С каждым разом это становилось для нее трудней и трудней и, случалось, с замиранием сердца думая — не уйдет, наблюдал я ее испуг не на шутку, вызываемый не столько энергией моего преследования, сколько неуверенностью в собственных силах, необходимых для отпора преследованию. Тогда она решила с этой неуверенностью покончить, себя от нее обезопасить, а другого средства для этого не нашла, как женить меня на Асе. Раз она нашла это для себя нужным, она решила этого добиться, а, решив этого добиться, преисполнилась глубочайшей уверенности, что добьется, ибо нет крепости, способной устоять перед осадой, управляемой ее волей. Не стану рассказывать, как, оставив свое выродившееся в пустую шутку, — *ceterum senso*, она шаг за шагом перешла к целой системе тонко рассчитан-

ных приемов, как тихую сапу комбинировала с ураганным огнем и бурными атаками, показывавшими ее бешеный темперамент и безрассудство, готовое ни перед чем не остановиться. Все это могло бы составить содержание особого романа. Здесь достаточно сообщить результат. Через три месяца Зина могла торжествовать полную победу: невероятно, но факт — Ася стала моей женой. Не могу сказать, чтобы я не любил Аси. Ее неземная кротость и неисчерпаемая доброта меня всегда трогали. Но также всегда она мне казалась несколько пресной. Брак с нею был той тихой пристанью, которой рады утомленные бурей, но которую они часто легкомысленно покидают, как только начинают забывать о в бурях пережитых злоключениях и поддаваться обольщению новых иллюзий, влекущих к новым плаваниям в поисках очарования покоя в бурях.

Зина надеялась моим браком с Асей раз навсегда защититься от меня, а от меня подчинения своей затее достигла главным образом гипнотически ею внушенной мне уверенностью, что в браке я найду навсегда защиту от нее.

Нужно ли говорить, что в расчетах мы обманулись оба? Обнаружилось это, однако, не очень сразу. Довольно-таки продолжительное время мы оба были убеждены: она, что ушла, я, что мне больше ничего не надо. Первую неосторожность допустила Зина сама. Она просто начала скучать. Как-то зайдя к нам и застав ее руками созданную семейную

идиллию — я громко читал Асе «Комедию любви»³⁰ Ибсена, видимо задетая некоторым нашим отходом от нее, сказала:

— Ну, детки, медовый месяц отпраздновали, пора б старого друга больше вспоминать.

В ее тоне мне послышалась и зависть, и обида. Не знаю, что послышалось Асе, но она почему-то очень сконфузилась и огорчилась.

— Зиночка, что ты, как это вспоминать? Да разве я могу тебя забыть хотя бы на минутку!

В глазах ее блеснули слезы.

— Да что ты, что ты — обеспокоилась Зина — я же пошутила, Асинька! — почему-то враждебно посмотрела на меня и сказала, обращаясь к одной Асе:

— Вот докажи, что не забыла: пойдём ко мне!

Я разыграл равнодушие и неохоту идти, остался дома. Один дочитывал «Комедию любви». Размышляя, как легко из комедийного *mutatis mutandis*³¹ вырастает трагическое. А через час зашел к Зине за Асей. Застал их, как бывало, за чаем и даже с пирожными. Зинины глаза блеснули торжеством:

— Вот, милый человек, как я тебя знаю! Возьми свои меренги³², покупала с расчетом и на тебя, ибо уверена была, что сердце не камень³³.

Погрузясь в чаепитие с меренгами по рассеянности я как-то забыл обо всем происшедшем в последние месяцы и, когда Ася собралась уходить, где-то подсознательно у меня шевельнулось — ну, наконец, я останусь «наедине» с Зиной.

Ася недоуменно во все глаза смотрела на меня:

— Ты разве остаешься?

Я точно проснулся и откровенно признался:

— Тьфу! Я все забыл, Асинька, забыл, что ты моя жена...

Зина неудержимо хохотала и было в ее хохоте что-то от удовлетворенного торжества.

— *Rira bien, qui rira le dernier*³⁴! — раздраженно подумал я уходя и бросил на нее злой взгляд.

С того вечера наши чаепития у Зины возобновились и неукоснительно происходили ежедневно. Я больше ничего не забывал, но начинал свирепо скучать. И вот однажды прибег к «военной хитрости». Не пришел домой к часу, когда мы обыкновенно вдвоем с Асей отправлялись к Зине, не пришел и к Зине, а затем выследил, когда Ася вышла от нее, и с трудом подавляя волнение от мысли — теперь «наедине» мне обеспечено, взбежал на третий этаж по так знакомой лестнице.

Опять я уловил в Зинином взгляде что-то от удовлетворенного торжества, но она сейчас же скрыла его во враждебно нахмуренных бровях:

— Ты что, милый человек, — догадалась или просто хотела язвить — на улице подстерегал, пока Ася уйдет, а?

Я молча решил претерпеть все удары. Они сыпались безостановочно:

— Думаешь, пора уже пропеть «отце моя казка нова, почнем ее з кінця знову»³⁵?

— Еще не знаю, что спую — дерзко отвечал я Фетовским стихом, — а песня зреет³⁶!

— А святость брака? А за Асины слезы не боишься ответа перед моим беспощадным судом?

— Помнится, ты как-то намекнула, что и к милосердию ты не абсолютно неспособна.

— Так вот ты на что надеешься, милый человек! Напрасно!

Но сразу изменив тон, сказала:

— Слушай, милый человек, завтра у меня очень ранние серьезные дела...

В ее глазах я читал испуг и жалкую просьбу загнанного зверя о снисхождении у готовой схватить ее мертвой хваткой борзой.

У меня хватило жестокости сухо ответить:

— Просишь пардону? Что ж? — ум мой крылья опустил: я борец, а не нахал³⁷.

Я видел, что губы ее дрожали, когда она тихо сказала:

— Зайдешь как-нибудь в другой раз.

Я ушел с ощущением, что ухожу со щитом.

Вскоре Ася забеременела. Прихварывала. Часто полеживала. По вечерам мне иногда становилось нестерпимо с ней скучно.

И она сама как-то предложила:

— Марк, ты бы сходил к Зине.

Я, конечно, сходил. Едва взглянув на Зину, почувствовал — собирается гроза!

Глаза ее метнули сухие молнии:

— Что? И есть жена и нет жены...

Я не сразу понял.

— А на горничную еще не разжился...

Бывает, отупеешь и не понимаешь самого ясного.

— Надеешься, что роль горничной сыграет старый друг?!

Понял, но решил все претерпеть. А к 5 часам утра и Зина поняла, что все с таким обдуманым расчетом, с такой настойчивостью возведенная ею для самозащиты постройка рухнула, что я опять настигаю ее.

Получение приза я отложил, ушел без приза, но с непоколебимой уверенностью, что теперь он уже в моих руках. Однако на другой же вечер отправившись за его получением, еще раз убедился, что неполученного никогда не следует считать своим. На Зинином письменном столе я нашел записочку, адресованную мне.

Писала: «Уезжаю на несколько дней. Прости, милый человек, за «обманутые ожидания». Надеюсь возвратиться с сюрпризом. З.»

Несколько дней растянулись недели на полторы. Только на 10-й или 11-й день вечером Зина явилась к нам в сопровождении верзилы почти саженного роста.

— Василий Васильевич Силин. — Представила она нам своего спутника. — Прошу любить и жаловать — мой жених.

Силин о чем-то заговорил с Асей, а Зина, обратясь ко мне, полушепотом спросила:

— Ну что, доволен моим сюрпризом?

«Ушла, еще раз ушла» — констатировал я мысленно и так мельком подумал: «надолго ли?»

Некоторые многообещающие перспективы открывались тем, что тут же было рассказано: Василий Васильевич, Вася, — ужасно странно было слушать, как Зина называла этого медведеобразного верзилу — в самом деле, он очень походил на медведя — Васей, так вот — Вася работает земским статистиком в Тверской губернии и пока что ни он службы не собирается менять, ни Зина с Петербургом не предполагает расставаться. Но мысль моя, пришибленная сознанием, — «ушла», потрясенная настоящим, как-то не обращалась к возможности будущего. Лицо у Васи было довольно красивое, но несколько вульгарное. Был скромнен и простаковат. Но не все ли мне было равно, каков этот Вася — будущий Зинин муж, если ни на какого мужа для нее я не соглашался?

На Зину Вася смотрел снизу-вверх, а был чуть ли не вдвое ее выше ростом. Зина в тот же первый вечер нашего знакомства демонстрировала нам свою болезненную охоту Васю мальтретировать³⁸. Один раз даже вызвала Асины протесты, позволив себе сказать: «— Вы не смотрите, что он такой большой, мыслительные способности у него обратно пропорциональны росту.»

Ася протестовала, я сохранял полный нейтралитет, а Вася как-то виновато улыбался.

С браком Зина торопилась, Вася имел только месячный отпуск (а они в течение этого месяца еще собирались совершить свадебное путешествие — в Выборг, на Иматру³⁹). Мне пришлось быть Зининым шафером, а на другой день после совершения обряда я подарил ей Ницшевского Заратустру с надписью: «В душе прекрасной самый печальный случай обращается в красоту.» Этот случай обнаружил у Васи звериную ревность. Сама Зина тогда же призналась мне, что он сказал ей:

— Я этому твоему Марку ребра поломаю.

Но со мною все время оставался мил, любезен и предупредителен.

А мне ровно никакого дела не было ни до ревности, ни до любезности и предупредительности Зининого мужа. Ни на какого мужа для нее я ведь не соглашался.

Через два — три дня после венца молодожены уехали в Выборг и на Иматру, но, кажется, на третий день возвратились, при чем Зина поразила меня своим скучающим видом. В тот же вечер, улучив удобную минутку, она мне и призналась откровенно:

— Фе, милый человек, как иногда бывает скучно жить на свете!

— В душе прекрасной самый печальный случай обращается в красоту — ответил я, на этот раз с некоторой издевкой.

— Зачем ты такой злой, милый человек! — огорчилась Зина.

Я смутился и, как бы извиняясь за свою злость, сказал с искренней теплотой:

— Все мгновенно, все пройдет.

Что пройдет, то будет мило⁴⁰.

— Ах, милый человек, но надо же, чтобы прошло, а некоторые мгновения проходят так медленно и скучно!

— Но ведь силе нас гнетущей не раз приходится покоряться и терпеть⁴¹.

— Ну, что ты, милый человек, хочешь доказать, что и ты умеешь быть скучным?

Дней через десять Вася уехал к месту службы и Зина сразу несколько повеселела. Затем прошло недели две ничем не примечательного времени, после чего Зина поехала на месяц в гости к мужу. Поехала на месяц, а пробыла неделю. Вдруг оказалось, что ей непременно нужно съездить на родину к матери. Правда, возвращаясь с родины, еще дня на два заехала к мужу. Ну, а по возвращении в Петербург дня через три и обнаружилось, что и на этот раз от меня не ушла и что я опять ее догоняю. Сразу было у меня такое впечатление, что она от этого как-то потерялась, что, в самом деле, она могла еще изобрести, все ведь средства испытаны и все оказались ненадежными? Несколько дней я жил ожиданием близкого, совсем близкого торжества, опять готовый длить предвкушение наслаждения

и радости близкой победы. И вдруг Зина замкнулась в себе, стала холодной и злой недотрогой. Я недоумевал, я ничего не понимал. Только потом узнал, что тогда как раз она почувствовала недомогания беременности, в которой ни за что не хотела признаться мне. И даже, признавшись Асе, взяла с нее слово, что та не скажет мне. Что-то надо было придумать, какой-то выход надо было найти! И Зина придумала, выход нашла. С головой уйдя в революционную работу, она взяла на себя исполнение самых рискованных заданий, на которых и самые осторожные и выдержанные держались месяца два, при удаче три. Зина «провалилась» и была арестована через три недели. Только тогда и узнал я от Аси то, что объяснило мне все в Зинином поведении.

На этот раз она ушла от меня надолго. Через какой-нибудь месяц арестован был и я. Просидел, правда, всего около двух месяцев, но по освобождении был выслан на родину с подследственным надзором полиции. Дело было пустяковое, но тянулось около года, а затем еще и по приговору я получил год гласного надзора. Эти два года были самым тусклым периодом в моей жизни. Облетали лепестки доцветавшей юности, угнетала скудость провинциальной жизни. Ася вся отдалась Гоге, нашему сыну, я назвал его Гогой в память лучшего друга ранней юности, Гоги Корицкого, не вынесшего радостей семейной жизни с Надей Лещинской и застрелившегося через несколько месяцев после женитьбы.

Материнство дало содержательное наполнение Асиной жизни, я тосковал и даже некоторые успехи литературной работы все же оставляли в моей внутренней жизни пустоты, которых заполнить было нечем. И сердце томилось тоской о Зине. Еще раз ушла. На долго ли?

А Зине пришлось не сладко. В тюрьме ее продержали больше года — несмотря на очень тяжело у нее протекавшую беременность, ни за что не соглашались освободить ее даже под большой залог, предлагавшийся либеральным инженером, ее незаконным отцом, и уже с трехмесячной девочкой отправили в один из захолустнейших городов Вятской губернии на 4 года. Я пробовал вступить с ней в переписку, когда она еще содержалась в предварилке, но письма не доходили. В Вятскую губернию стали доходить, хотя и не совсем исправно. Я писал довольно много, ее ответы были скудны, коротенькие записочки, вроде: «Спасибо, милый человек, что не забываешь. Будь добрым и впредь. Целую Асю и Гогу, а моя Ильза целует Вас всех трех. З.» Так, в сущности, ничего конкретного и не знал о ней, только неясные неизвестно откуда исходящие слухи приносили весть, что у нее не все благополучно с легкими. Спрашивал, правда ли, а если правда, то в какой мере? Она умела отвечать, уклоняясь от прямых ответов. Как-то я спросил ее, не надо ли ей чего? Ответила: «Разве ты забыл, милый человек, —

*Что надо нам, того не знаем мы,
Что знаем мы, того, увы, для нас не надо⁴²? З.»*

Наконец, окончился срок ссылки и из Москвы я получил от нее обычное письмо-записочку: «Ты, вероятно, знаешь, милый человек, что в моей скорейшей смерти заинтересованы легкие. Это нашли лучшие здешние эскулапы, которым меня показал папа. Сим самые эскулапы для успешной, как они обещают, борьбы с указанной заинтересованностью легких, советуют поселиться в Финляндии, что я и решаюсь сделать и надеюсь, что когда-нибудь ты посетишь там меня. З.»

Затем я узнал, не помню уж из какого источника, что, решив серьезно полечиться в образцовой санатории под Гельсингфорсом⁴³, по дороге туда завезла Ильзу к мужу, успела за два дня остановки у него разорвать с ним, но девочку все же вынуждена была оставить у него. Еще через месяц опять получил письмо-записочку: «Месяц промучилась, милый человек, в санатории, промучилась потому, что не могу без Ильзы. Что приобретаю на режиме, воздухе и питании, теряю от тоски. К тому же я, кажется, уже достаточно поправилась. И вот мне наняли халупку, вроде избышки Сольвейг (помнишь Рериха?)⁴⁴ у прекрасной Ярви, я устроила себе здесь санаторный режим и обжорное питание, воздуха же здесь сколько надо. И ко всему этому со мной моя Ильза! Если и все это не поможет, значит час мой пробил. Не все же живут сто лет. Тебе, милый

человек, следует все это принять во внимание, если хочешь еще раз повидаться со мной. Целую Асю и Гогу, а моя Ильза целует всех трех. З.» В P.S. сообщался адрес.

Только почти через год, в течение которого записочки от Зины, несмотря на мои обстоятельные и частые письма, приходили все реже и реже и становились все лаконичней, мне, наконец, удалось добраться до Петербурга.

На другой же день на берегу действительно очаровательной Ярви в 8-и верстах от станции железной дороги в халупе, совсем напоминавшей Рериховскую избушку Сольвейг, после почти шестилетней разлуки встретился я с Зиной и познакомился с ее повторением в уже 5-летней Ильзе.

* * *

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять и почувствовать всем существом, что теперь уже она не бросится убежать, не станет создавать препятствий в бешеной скачке, что победа одержана, но бесполезна и уходить ей не надо потому, что, собственно, уже ушла. Одного взгляда было достаточно, чтобы неопровержимо понять и почувствовать всем существом: о жизни покончен вопрос⁴⁵.

Встретила меня радостной улыбкой, сказала:

— Вот умница, милый человек, что приехал.

И после короткой паузы:

— Ты почувствовал, Марк, да? — И опять после паузы в страстной тоске. — И больше не оставишь меня, правда?

В тот же вечер, когда Ильза уже спала в соседней комнате, исповедовалась передо мной в тихой беседе:

— Ты меня прости, милый человек, я знаю свою вину.

— Зина!

Улыбнулась:

— Ну вот, совсем, как встарь, не нравится, так ничего не придумашь, кроме Зины... А виновата я перед тобой и перед собой совершенно одинаково. И тебе, и себе испортила жизнь. Но это оттого, что слишком любила, всю жизнь любила, начиная с того вечера, — помнишь, милый человек? — когда накрыла глупого дикаря у лодки и чуть не силой притащила под руку к себе, представила мамаше. Помнишь?

— Разве это можно забыть?! — наклонился и тихо поцеловал в пылающий лоб.

— Видишь, теперь я ничего уже не боюсь и вот не брошусь убежать. Да, знаешь, милый человек, теперь, может быть, я уже не стала бы убежать, даже если бы поправилась.

Задумалась и как будто проверив себя еще раз сказала:

— Право, может быть, не стала бы!

Я еще раз поцеловал ее в лоб и попросил:

— Только ты успокойся, волноваться тебе ведь вредно.

— Эге, милый человек, мне уже ничто вредное не страшно.

Ни кукушки нам тогда слушать не пришлось, ни за грибами сходить. Все было засыпано ослепительно блестящим на солнце снегом, стояли двадцатиградусные морозы. С утра Зина, укутанная теплыми одеялами, устраивалась в лонгшезе на балконе. На ночь переходила в спальню, в которой никогда не закрывалось большое окно. Ильзу старалась отсылать от себя, говорила — иди поиграй с Миной, иди покатайся на лыжах, иди почитай книжку, порисуй, а то нам ты мешаешь разговаривать. Ильза недовольно морщила брови, совсем как мать, и, недружелюбно взглянув на меня, уходила, а ее недружелюбный взгляд огорчал Зину. Ильза должна была играть где-нибудь недалеко. Если полчаса не слышала ее голоса, начинала беспокоиться и скучать. От меня требовала подробнейших рассказов об Асе и Гоге. Слушала внимательно, напряженно, точно боялась проронить хоть одно слово, переспрашивала, некоторые рассказы заставляла повторять. Вздыхала — вот бы мне их повидать!

Так прошло около месяца. Мне показалось, что здоровье ее значительно улучшилось. Чтобы подбодрить ее, я ей это сказал.

— Да-да, — отвечала она, но как-то без особой радости, равнодушно — поправляюсь и скоро, может быть, буду совсем здорова.

Улыбнулась.

— Что ж? Я тебе почти обещала, милый человек, что больше от тебя убежать не стану. Так, может быть, теперь убежишь ты, а?

Дня через два после того я получил письмо, требовавшее моего приезда по делам в Петербург. Стараясь скрыть свое огорчение, Зина шутила:

— Подстроил, подстроил. Почувствовал, что поправляюсь, что вот-вот буду совсем здорова и перепугался, сдрейфил, хочешь бежать.

Обещал вернуться при первой возможности, но возможность эта все оттягивалась, из Петербурга пришлось на недельку приехать в Москву. По возвращении в Петербург каждый день собирался на Ярви, в избушку Сольвейг, но обстоятельства заставляли поездку со дня на день откладывать. Как ни умолял Зину писать, сообщать о здоровье, за все время получил от нее только одну записочку.

Писала: «Знаешь, милый человек, сегодня Ильза сказала мне: «— Хорошо, мама, что дядя Марк уехал!» «— Что ты мелешь, почему хорошо?» «— Потому, что я все боялась, что он украдет тебя.»

Что делается в ее глупой головке?! З.»

Наконец, когда на завтра я мог наверное выехать, поздно вечером я был действительно испуган приездом Зины. Выглядела неплохо, но как поездка

могла отразиться на ее здоровье? Я ничего не сказал, но ей в моей тревоге почудилась легкая тень неудовольствия.

— Вижу, ты не рад, милый человек, повидаться.

— Да ведь завтра все равно повидались бы.

— Знаю твои завтра, сколько раз обманывал.

— Но на этот раз не обманул бы.

— А кто тебя знает. Да и то завтра, а это — сегодня. Если бы как следует любил, ты бы обрадовался, а ты недоволен, злишься, нехороший ты, милый человек!

Обиделась не на шутку и только с большим трудом мне удалось добиться полного прощения за недостаточную радость свиданию.

Возвращаться на завтра в свою избушку Сольвейк ни за что не хотела, хотя оставила там Ильзу и буквально через каждые полчаса вздыхала:

— Как-то она там, моя Ильзочка, без меня?

На мои призывы к благоразумию отвечала: «Отстань!»

— А уж если хочешь знать, милый человек, не оттого приехала, что так уж соскучилась за тобой, не воображай, пожалуйста, просто захотелось проверить свою поправку, наконец, больше того — захотелось хоть три дня прожить настоящей порядочной человеческой жизнью, забыть о своей повинности болеть. Разве этого не понимаешь, милый человек?!

— Понимаю.

— То-то! Ну, значит, три дня проживем как следует, тряхнем стариной. Только как-то она там без меня, моя Ильзочка?!

Затем три дня суетилась в каком-то нервном угаре, посещала каких-то старых знакомых, таскала меня по кино, ресторанам, за обедом в «Вене», несмотря на все мои уговоры выпила рюмку вина. Наконец, утром в день предположенного отъезда мы отправились в Государственную Думу.

— Не могу же умереть, собственными глазами не повидавши, за что пролито столько человеческой крови и слез?

Заседание выдалось исключительно нудно и пакостное.

— Да, да, милый человек, — шептала мне — эта смрадная клоака и одной капли крови, и одной слезинки не стоит!

Я попробовал было заговорить на тему о том, что не всегда только сила нетерпения освобождает народы.

Зина изумленно посмотрела на меня и язвительно сказала:

— Кажется, тебе пора с высот твоего благо-разумного доктринерского меньшевизма спуститься в долины еще более благоразумного кадетизма.

Закашлялась и вдруг я с ужасом увидел, как из уголка рта у нее показалась струйка крови, запачкала подбородок, полилась на платье, забила насто-

ящим фонтаном. Я никогда себе не представлял, чтобы у человека могло быть столько крови!

Когда в карете с помощью сестры милосердия я перевозил ее к себе в гостиницу, я боялся, что не довезу живую. Вызванный врач остановил кровотечение, но не скрыл от меня опасности, прописал большой лед, лекарства и запретил разговаривать. А она все время порывалась говорить, но из всего неясного бормотанья я разбирал только одно слово — «Ильзу»! Я обещал, что, если она не будет разговаривать, вообще будет слушаться, Ильза завтра же будет здесь. Она схватила мою руку.⁴⁶

На ночь я раскрыл окно и устроил ее как полагалось, но, когда потушил электричество, вдруг услышал, что она ходит по комнате.

— Что ты?

— А вот, милый человек, ищу дороги к тебе. Вот когда ты поймешь, наконец, чего я, в сущности, приехала. Ведь не могу же я в самом деле умереть так. Я же тебе обещала, что не убегу больше. А вот ты, как? Не убежишь ли? — Благоразумие требовало бежать, но такое благоразумие было мне не по силам.

Через пол часа, придя в себя после бури экстазов, улыбаясь (было темно, и я не так видел, как чувствовал ее улыбку) сказала:

— Ну, милый человек, теперь ты, может быть, как гордая пальма *Attalea princeps*⁴⁷ разочаровано скажешь: и только то? Но должен же ты вспом-

нить, что и самая красивая французская девушка не может дать больше того, что имеет.

Поцеловала и слезы потоками полились из ее глаз. Я склонился к ней, стараясь успокоить, и услышал:

— А все оттого, милый человек, что ты был недоволен моим приездом.

— Ну, прости, я, конечно, виноват, только молчи, сделай милость, молчи!

— Молчу, молчу! — и вдруг еще более неудержимые потоки слез — Милый человек, зачем ты такой хороший?! Ни в чем ты не виноват, во всем я сама виновата, как всегда...

— Молчи, Зина!

— Молчу! Но я такая бедна, бедненькая, мне всегда не везет.

— Зиночка, не замолчишь, Ильза не приедет.

— И ты меня хочешь обидеть? Все обижают бедную французскую девушку, которая имеет так мало, что ей нечего давать, оттого ее и обижают, а ей надо, чтобы ее хоть кому-нибудь пожалеть...

Начинался бред, температура поднялась выше 40°.

Утром на другой день Ильзу привезли и это значительно успокоило больную. Но еще около 10 дней она была между и жизнью, и смертью, и только через две недели ее перевезли назад в избушку Сольвейг у прекрасного Ярви.

Кукушка от нас таки не ушла: в первую же ночь — еще не совсем белую, но уже призрачную, птицам в такие ночи не спится, — в первую же ночь после нашего возвращения на Ярви, закуковала кукушка. Я услышал ее кукование, сидя у Зининой постели, из недалекого леса в открытое окно долетело ее кукование, и припомнил ее приглашение вместе послушать кукушку...

— Слышишь? — Я знал, не спала. — Кукушка.

— Слышу... — и после продолжительной паузы — Ну, а грибы будешь собирать уже без меня... С Ильзой... — и на глазах блеснули слезы.

Не помню уж, чем я старался отогнать ее мрачные мысли, но безуспешно.

— Вот постой, спрошу у кукушки — кукушка, кукушка, сколько мне лет жить?

Кукушка замолчала.

— Видишь, кукушка знает.

— Да она же еще только начинает куковать, еще не натренировалась, да и ночь ведь сейчас.

Через несколько дней раскуковались кукушки во всю:

— Ну вот, милый человек, — теперь как будто натренировались хорошо? — как-то обратилась ко мне.

Я не понял.

— Да кукушки твои — объяснила улыбнувшись.

— Почему мои?

— А вот спроси их, сколько тебе лет жить, накукуют лет сто. А я вот спрошу, ну вот слушай — кукушка, кукушка, — сколько мне лет жить?

Кукушка как будто поперхнулась и замолкла.

— Ну вот, видишь, — как будто чему-то обрадовалась Зина — всегда так, — сколько не спрошу, сейчас замолкает: все знает птица.

Минуты через две поперхнувшаяся кукушка, переменив место, опять закуковала.

— Ну вот, считай — на теперь.

— Это уже ты считай, милый человек, это она тебе, мне она уже откуковала.

С тех пор кукушка всегда напоминает мне Зинины последние дни.

Недолго длились они. Ни разу ни на одно мгновение не появилось и проблеска надежды. С каждым днем, видимо, слабела, хотя ежедневно рано утром вставала, умывалась, старательно совершала туалет и одевшись устраивалась на кровати на дневное положение. Особенно жуткое впечатление производило резкое изменение ее настроений, казавшееся изменением характера. Ни разу — ни единой шпильки, ни единой недовольной реплики, ангельское терпение, неземная кротость.

— Совсем как Ася — подумалось мне однажды. И мысли наши встретились...

— Вот и я, милый человек, стала не женщина, ангел, не правда ли? Совсем будто Ася, а не Зина...

В то утро все было, как всегда, ничего необычного я не заметил. Едва я вошел к ней в комнату, она сняла с себя серебряные часики с черепом-брелком на черном шнурке и передавая их мне сказала: «— На, поноси, они мне мешают.» (Золотые, конечно, купленные во время последней поездки в Петербург, она мне отдала еще в первые дни по возвращении, тоже сказав: «— На, поноси, мне оно жмет палец.»)

Через полчаса за завтраком, внимательно осмотрев меня и улыбнувшись какой-то бледной, горькой улыбкой, сказала:

— Вот, милый человек, я думаю, ты без романа ведь не можешь, правда? Как интересно было бы мне знать твой следующий роман!

И, точно пожалев о сказанном, тепло и нежно добавила:

— Не огорчайся, родной, я больше не буду. Прости! Я пошутила.

Как часто вспоминал я потом эту шутку. Вспомнил и в ту ночь, когда измученные мысли, путаясь, искали своего сообщника в несовершенном преступлении. Вспомнил и подумал:

— Вот, пожалуй, была бы довольна этому происшествию!

Кашель меньше обыкновенного мучил Зину в этот день, но почему-то особенно томительно тянулось время. Читать мне не хотелось, но все же я предложил обычное чтение. Тихо ответила:

— Посидим лучше так, милый человек.

После раннего обеда томительность достигла такого напряжения, что какой-нибудь перерыв стал мне необходим. Вышел пройтись по берегу Ярви. Не больше, чем через полчаса возвратился и, услышав мои спешные шаги по коридорчику, Зина почему-то громко рассмеялась. В последний раз.

— Чему ты? — спросил я, входя в комнату.

— Очень у тебя смешная торопливая походка, милый человек. Я вспомнила, как когда-то, сидя у себя в комнате на Рождественской, на какой забыла... всегда слышала, как ты бежишь по парадной лестнице.

В сущности, это был наш последний разговор.

Томление опять нарастало. В настроении у Зины начало прорываться некоторое возбуждение, в глазах росла невысказанная тревога. Скоро, однако, возбуждение и тревога погасли, по лицу прошли скорбные тени. Заметно начали путаться мысли, чего раньше не бывало никогда, и как-то сразу ощутилась грозность этого симптома. Начался бред, тихий, мечтательный:

— Бедная французская девушка... ничего у нее нет, ничего она дать не может... и ее никто не хочет пожалеть... не тужи, милая, зато кукушка, слышишь? Накукует тебе много, много годков!..

Вдруг невидящим взглядом окинула всю комнату, расширив глаза совсем сознательно посмотрела на меня и сказала:

— Милый человек, я отравилась!

— Чем? Когда? Успокойся, ты не могла отравиться.

— Я отравилась, да, отравилась, отравилась.

Повторила несколько раз и затем судорожно выбросила обе руки в стороны, все существо ее выразило порыв вперед, лицо исказилось нечеловеческой мукой. И сейчас же легла на подушку, положив под щеку сложенные вместе кисти обеих рук. Ни грана страдания не осталось в лице, муку сменило величавое спокойствие сковавшей все черты лица неподвижности. Все было кончено. И как все это было до жути просто!

В момент, когда я уловил неподвижность, сковывавшую Зинины лицо и руки, в открытую в столовую дверь я как-то бессознательно автоматически заметил, что стенные часы показывают 27 минут седьмого.

Я поцеловал ее в лоб и позвав Анну Максимовну, на обязанности которой лежало попечение об Ильзе и заботы о хозяйстве, вышел.

Быстро прошел по берегу Ярви. Оно наморщилось недовольными волнами, издали с белыми гребнями, наступавшими на берег. Я ушел в лес. Под напором крепчавшего ветра шумели верхушки мачтовых сосен, порою поскрипывающих болезненным стоном. Я посмотрел на Зинины часы. Они остановились, показывая 27 минут седьмого.

Когда я возвращался, ветер совершенно утих, широкое лоно Ярви в лучах заходящего солнца

горело расплавленным золотом. Подходя к избушке Сольвейг, я слышал где-то лаяла собака, Мика — сын хозяина — тянул заунывную песню, где-то недалеко звучали веселые голоса Ильзы (она еще ничего не знала) и ее подруги Мины, в лесу куковала кукушка.

До ужаса все было, как всегда. Только Зины больше не было.

ЧАСТЬ II

Я мог возвратиться домой, но прежде, чем это сделать, хотел хоть немного восстановить нарушенное душевное равновесие. Я взял на себя ответственное поручение от революционной организации за границу и, простившись с одинокой могилкой под соснами на пустынном берегу незабвенного Ярви, уехал в Берлин. С душой одеревенелой до того, что порой казалось она ни на что не отзывается, не реагирует, молчит, мне приходилось ежедневно вести работу, требующую напряженного внимания. Позволю себе банальности, но, кажется, все непреложные истины банальны, например, дважды два — четыре, а ведь-таки четыре! Время и работа надежнейшие целители. Им уступают все не сразу смертельные ранения. Если не смертельны, так или иначе затягиваются, неизлечимых ран нет. Не раз, конечно, болят старые раны и надо порой много мужества и выдержки, чтобы они не мешали быть человеком,

не соблазняли психологическими нюансами тонких переживаний, ведущих к рисовке своим неутешным горем и лицемерным парадом своих мук.

Как во сне прошло около трех месяцев и только молнии и громы мировой грозы разбудили меня. Чинный и респектабельный Берлин точно вверх дном перевернулся. Как угорелый метался по своей столице ошалелый Kaiser, захлебываясь от собственного красноречия, в экстазе которого недавнего русского «друга» называл «белобрысым дегенератом». Ужасало море крови, которое предстояло пролить трудящимся всех стран и только надежды, что и «белобрысы дегенерат» и темпераментный кайзер, и некоторые другие владыки мира утонут в этой крови, до основания разрушатся их троны, рухнет вообще старый мир и освобожденные народы построят «новый, лучший»⁴⁸, загорится, наконец, заря всемирного восхода солнца⁴⁹, только эти надежды спасали от уныния и отчаяния. И тем большее было переживать крушение иллюзий о том отпоре, о той войне — войне, каким должно бы на объявление войны ответить «соединение пролетариев всех стран»⁵⁰. Вчерашние товарищи определенно оказались в лагере врагов, одни потерявшись от страха, другие искренне отравленные отвратительнейшим патриотизмом.

Не стану рассказывать, какие трудности пришлось преодолевать, чтобы вырваться из этого кавардака «домой», какие пришлось пережить

злоклучения, порой оскорбления. Автор ничего не может поделать с этим нежеланием своего героя рассказать о своем тогдашнем heimkehr'e⁵¹. Читатель должен поверить, что компилируя две — три книжонки воспоминаний о пережитом тогда при возвращении русскими из-за границы, совсем не трудно было бы заставить его нарассказывать достаточно для славы, которая не показалась бы здесь лишней в романе. Но принимая во внимание, что каждый читатель без особого труда может себе представить содержание этой главы по той литературе, которую он читал, а если не читал, то может прочесть, автор не видит никаких оснований для принуждения своего героя к рассказу о том, чего тот рассказывать не хочет. Ведь он, по-видимому, и прав. Не только научная работа профессора, но и творчество художника — писателя может уклоняться от того, чтобы из двух книг делать третью⁵². Автор себе это уклонение тем более позволяет потому, что его герой, очевидно, в своем рассказе вовсе не задается целью щеголять богатством психологических переживаний и их тонкостей, преследуя совсем иные задачи.

Больше месяца потребовалось мне на то, чтобы, наконец, сойти с корабля в Або⁵³. Милая Суоми⁵⁴, как рад я был ступить на твою почву! На завтра проехал мимо маленькой станции, в восьми верстах от которой на пустынном берегу незабвенного Ярви в одинокой могиле под мачтовыми соснами уже 4 месяца

(уже!) покоилась Зина, не остановился в Петербурге, где тоже происходил кавардак, напоминавший берлинский, и после восьмимесячного с несколькими днями отсутствия закончил свой heimkehr, прибыв домой.

* * *

Дома меня ждал сюрприз — когда я уезжал, Ася и сама еще не знала, что готовится вторично стать матерью. Мы переписывались, но не желая, чтобы ее сообщение о предстоящем событии так или иначе осложнило мои переживания, от него воздержалась.

Только за неделю до моего возвращения Ася родила второго сына (застал ее еще в постели) и боясь, что я не соглашусь давать ему своего имени, поторопилась исполнить свое пламенное желание и окрестила его Марком. Это и был тот самый Марк Маркович, Марчик, который уже 12-летний сорванец, в утро, начинающее мой рассказ, когда я торопился на поезд в Москву, догнал меня уже на крыльце и сунул в карман злополучные куски проволоки с поручением купить в Москве точно такой сколько можно больше.

Гога, кажется, не узнал меня. По крайней мере к вечеру в первый же день моего приезда он спросил у матери:

— Мама, надолго ли к нам приехал дядя Марк?

— Какой дядя? — рассмеялась Ася. — Да ведь это же твой папа.

— Отчего же он не живет с нами? Папы ведь живут вместе...

— Ну, вот он и будет теперь жить с нами вместе. Увы, Ася тогда несколько ошиблась.

Вернувшись домой, я ощутил «струю свежей лазури» под собой и сверху «луч солнца золотой»⁵⁵, но сердце не приняло покоя, отвергло тихое пристанище семейного очага, моя мятежность искала бурь. В тишине воспоминания недавно пережитого окружали меня такими волнующими образами, играли на струнах обнаженных нервов такие фуги, что лишенный сна, аппетита, работоспособности, я, казалось, терял сознание действительности. Даже мировая катастрофа, даже неопикуемые страдания всего культурного человечества не заслонили от меня моего, не отрывали от кошмаров, толкавших в бездну.

Так промучился я около месяца и опять уехал из дому, а через две — три недели уже сидел в Петербургской предварилке, а еще через полгода этапным порядком отправлен был в Сибирь. Странное дело! В каземате предварилки ко мне вернулись аппетит, сон, работоспособность. Я не хотел обнаружить слабости перед лицом ненавистного врага, и моя воля на этот раз совершила чудеса. Сколько я прочел за эти полгода, какие успехи сделал в английском языке! Никаких близких конкретных

практических целей я себе не ставил, принимаясь за английский язык. Просто вспомнил давнюю шутку, вспомнил, как уверял я, бывало, Зину, что непременно изучу английский язык, а то встречу на том свете с Шекспиром, он спросит меня: «— Do you, sir, speak English», а мне, сгорая со стыда и отчаяния, придется отвечать: «— No, sir, I speak not English!» А как скоро совсем не лишним еще до встречи с Шекспиром оказался мне английский язык! Из Иркутска я бежал и через Владивосток и Японию добрался, в конце концов, в Америку. Если бы все рассказывать, можно бы роман растянуть до размеров Диккенсовских⁵⁶, поспорить с «Несчастливым» Гюго⁵⁷, право, можно бы! Но всего я не стану рассказывать. Ограничусь очень немногим. В Америке я решил отдохнуть. Уолтуитменство⁵⁸ тогда уже вышло из моды, а потому я себе разрешил что-то вроде Уолтуитменского поведения, на что, мне казалось, имел некоторое право и потому, что никогда не был поклонником его поэзии.

Отдых мой заключался в том, что я работал чернорабочим, ездил кондуктором трамвая, потом бросал все и дни, и ночи просиживал в кабачках в задушевной беседе с самым разнообразным людом — от уважаемых джентльменов неопределенного вида и неизвестных занятий, наверное, в большинстве шпионов, до рабочих, матросов, проституток, негров, китайцев. Больших компаний избегал. Предпочитал беседу вдвоем. Китайцы соблазняли опиу-

мом. Пробовал. Видения были странны и заманчивы. Но тоска, охватывавшая после них, показалась платой слишком большой и привычный курильщик опиума из меня не вышел. Так иногда баловался. Между прочим.

Бежав затем от неволи душных городов, валялся на берегу океана и праздные мечты мои там, пожалуй, были еще более странными и заманчивыми, чем при курении опиума. Но ничто не помешало мне — несколько раньше мистера Вильсона⁵⁹ и всей американской демократии — счесть своим долгом определить свое отношение к бушевавшему над миром безумию войны. Прошел соответствующие курсы и братом милосердия в составе отряда Красного Креста отправился на французский сектор фронта. Долго работал в тыловом госпитале. Внести хоть немного радости в истерзанную никакими словами непередаваемыми муками душу, разбудить в растоптанном человеке проблеск бодрости и надежды — вот что меня увлекало сблизаться с этими обреченными жертвами человеческого бешенства. Я не задавался при этом вопросом, что это гуманизм? Буржуазный гуманизм? В конце концов, ведь и буржуазный гуманизм имеет только один, правда, существенный порок — недейственности, бессильности, почему и становится таким отвратительным, когда из него делают себе знамя обман и лицемерие. Но мой «гуманизм», не разрешая проблемы войны, той проблемы, о которой один мудрый англичанин

сказал: или человечество съест войну, или война съест человечество, все же не был недейственным. Не было у меня никакой охоты стать проповедником «малых дел», но ничего не находя надежного в разрешении проблемы, как съесть войну, я ощущал непобедимую потребность не уйти от общего страдания и хотя бы наперсток своей помощи подносить к иссохшим устами умирающих от жажды. Значительное удовлетворение давало мне оказание самых мелких услуг тем несчастным, кому я хотел стать другом утешителем. А этого я достигал не столько самым добросовестным исполнением своих обязанностей «брата», сколько именно мелкими услугами, писанием писем, добыванием табачку, и особенно беседами, не какими-нибудь назидательными, поучающими или трактующими о вопросах важных, нет, о самых житейских пустяках, часто нужных исстрадавшемуся человеку больше всего самого важного. В безысходной тоске, часто вырастающей из самого важнейшего, ведь нет надежнейшего лекарства, как самые пустяковые пустяки. Я и до сих пор с удовольствием вспоминаю улыбки, которые замечал, входя в палату, а веселый смех, которым залился среди неописуемых страданий умирающий за четверть часа до окончания своего земного поприща, надеюсь, при взвешивании моих добрых и злых дел потянет вниз чашку добрую. Много все-таки это съело у меня душевных сил и, наконец, стало не вмоготу. Попросил зачисления

меня в отряды, работающие на фронте. Трогательно было прощание с моей палатой. Сам не мог удержать слез, видя слезы на глазах у пожимавших мою руку с горячим пожеланием — всего лучшего.

Чего только я не насмотрелся на фронте! Но ведь это тысячу раз рассказано. Не соперничать же мне хотя бы с очерком «В огне» нашего друга Барбюса⁶⁰, так рано погибшего на передовых позициях борьбы за коммунизм, но получившего в последние утешение честь умереть в Кремлевской больнице.

Как-то припомнился мне давний товарищ Ленка, не осиливший идей предопределения и свободы воли, потому свалившийся с качели и сломавший руку. Улыбнулся от воспоминания и в стиле Ленки подумал: не предопределено, так ни одна пуля и не возьмет, и допустил неосторожность, что, конечно, было предопределено. Но не это важно, а то, что предопределенная пуля сейчас же прострелила мне правую ключицу и в свой госпиталь на этот раз я попал уже в качестве раненного, а не брата... Недели через три меня выписали, я решил — с меня довольно, могу стать «над схваткой» и удалился в счастливую своим нейтралитетом Швейцарию. Поселился на Женевском озере над Монтре в горах, каждый день наблюдал как ползет по горному хребту фуникулер на Rocher du neiz⁶¹, по вечерам наблюдал слева от себя подкову огней в Ко. Ничто не изменилось с тех давних лет, когда тут подростком был впервые. А там — неотвязно думалось —

там корчатся в муках съедаемое войной человечество. Заперся в своем шале, только обедать ходил вниз в деревушку минутах в 20 ходьбы, да исходил все одинокие горные тропинки, напряженно думая о тропинках, которые должны же, наконец, привести человечество к победе над войной. Мысли свои записывал в сафьянную тетрадь лаконически мелкими как бисер буквами.

Как-то так углубился в свои мысли, что несколько дней не читал газет, не ходил даже обедать. Питался, как некогда в дни ссоры с Зиной сухой булкой и кусочками шоколада, правда и молоком, которым обильно снабжала хозяйка. Не хотел отвлекаться, все казалось вот-вот что найду. И вдруг встретил компаньона по обедам м-р Корбо. Он всегда казался мне подозрительным, я принимал его за шпиона и от разговоров с ним уклонялся, даже обыкновенно молчал в его присутствии.

М-р Корбо издали оживленно махал мне пучком газет, а поравнявшись со мною, схватил за руку, потрясал ее и говорил непонятные слова:

— Поздравляю, поздравляю м-р Русский, ведь у Вас в России произошла революция!

— Революция?!

— Да, да, м-р Русский, прекрасная Революция, уверяю Вас. Вы, значит, не читали газет. Нате прочитайте, дорогой, ведь Вам-то это должно быть особенно интересно — и сунул мне в руки целый пучок газет.

— Merci, m-r Corbeau⁶²!

А м-р Корбо, видимо, хотелось поговорить и, немножко помявшись, он как горохом посыпал торопливыми словами:

— Вы знаете м-р Русский, война уже взяла у меня двух сыновей (в глазах его мелькнули слезы). Остался еще один там на фронте, и я с ужасом каждый день жду оттуда какого-нибудь скверного известия. Ка Вы думаете, вот Русская Революция не поможет ли скорейшему окончанию всей этой, простите, мировой глупости — войны? Ведь тогда, может быть, цел и невредим вернулся бы домой и мой последний сын. Как Вы думаете, м-р?

Я еще ничего не думал, но м-р Корбо смотрел на меня таким тревожным взглядом, точно от моего ответа зависело окончание войны и спасение его последнего сына.

— Конечно, конечно, м-р Корбо, несомненно, наша революция должна поставить на очередь вопрос о прекращении войны.

— Вот, вот, м-р, и я так сразу подумал. Какое счастье, какое счастье! — И тряс мою руку так благодарно, будто это никто как я совершил прекрасную революцию.

Мы простились, и я пошел в свое шале читать газеты, оглядываясь долго еще видел, как по тропинке бодро бежит м-р Корбо, смешно размахивая руками и всю фигуру разительно напоминая

ворону. Он тоже оглядывался и каждый раз махал мне шляпой.

Я от первой до последней буквы прочел все сообщения газет о русской революции и долго как-то не мог синтезировать разрозненных фактов. Только читая обстоятельный ответ на запрос в Палате общин Бонар-Лоу⁶³, почувствовал, как спазма перехватила горло, легким не хватало воздуху и сразу все происшедшее встало передо мной во всем своем величии, полном лучших надежд, осуществить которые должно ближайшее грядущее, тени от него уже падали к нам. М-р Корбо ждал от русской революции возвращения в отчий дом последнего сына. Я надеялся, что в ее движущие силы заложены хотя бы зерна тех сил, которые помогут человечеству съесть войну.

М-р Корбо во всяком случае несколько ошибся.

Целую ночь мне припоминались заключительные строки Гончаровского «Обрыва»⁶⁴ и на завтра же я начал собираться домой.

* * *

Гапаранда⁶⁵. Три дня незаходящее солнце. Как раз в эти дни опять я ступил на почву милой Суоми. Какою радостью переполнялось сердце от сознания того, что обещание было выполнено: двуглавое чудовище, распростершее свои крылья над громадными пространствами от хладных финских скал до

пламенной Колхиды⁶⁶ и от Амура до Днепра, обратившее их в мрачную «тюрьму народов», населяющих эти пространства, больше не существовало. И опять я проехал мимо маленькой знакомой станции, в восьми верстах от которой на пустынном берегу незабвенного Ярви в одинокой могиле под мачтовыми соснами уже четвертый год (уже!) покоилась Зина, а через два часа после того прибыл в Петроград. Прямо с Финляндского вокзала, напоминавшего развороченный муравейник, отправился пешком на Марсово поле⁶⁷, где, сняв шляпу, долго задумавшись, стоял над свежей братской могилой жертв революции. Родились, жили, умерли — это общая формула истории всех живых существ, из рамок ее никому не дано выпрыгнуть, но к жизни, как и к каждому художественному произведению, — а разве жизнь не художественное произведение, в котором живущий сам автор? — к жизни надо подходить с меркой — не «что», а «как». Вот в открытом бою за свободу легли они «все триста»⁶⁸, повинувшись законам отечества свободы, сыграли роль моста, по которому от позорного рабства прошлого переходит великая страна к еще не оформившемуся, но радостно волнующему свободному будущему. И, может быть, за это где-нибудь на мраморных досках золотыми буквами записаны их имена. Им это меньше всего нужно, посмертная слава — еще большая тщета, чем прижизненная, эта хоть тешит суетное тщеславие, глупо направленное самолюбие. Уже и теперь — разве

коробит их оттого, что столько цветов обратилось в навоз, который надо выбросить на свалку, а ленты с гордыми надписями выглядят тряпками? И гордые надписи на лентах, и цветы, и золотые буквы на мраморных досках — все это нужно не им, а тем, кто еще стремится, волнуясь и спеша⁶⁹, вперед по дороге к манящим целям. Но не достойна сожаления участь сыгравших роль моста, не горька она, если встретили смерть в упоении страсти, даже суету сует обращающей в значительное. Проходит с белых яблонь дым⁷⁰, но, может быть, его мимолетность и главная причина его очаровательности. И разве «если бы то, что мы любим, умереть не хотело»⁷¹, не умерла бы сама любовь?

С Марсового поля по соседству зашел в Эрмитаж отведать старых знакомых, проверить себя: не утрачена ли способность к той радости, от которой походка становится легкой и кажется, — вот оторвешься от земли и взлетишь над ней в веселом опьяняющем лете. Показалось, что со дня первого знакомства не промчалось столько лет, не утекло столько воды и я так же радостно молод, как тогда «на заре туманной юности». И проходя по галерее над главной входной лестницей, мне, как и тогда, надо было делать над собой усилие, чтобы противостоять соблазну поцеловать «спящую вакханку» Гета⁷². Немного отдохнул под умным взглядом философа⁷³, полным уничтожающего сарказма, когда-то испугавшего самодержца Николая I-го: уви-

дев статую, самодержец не выдержал ее взгляда, вздрогнул и вскрикнул:

— Выбросьте отсюда эту обезьяну!

Статую перенесли в Публичную библиотеку, и как на зло, и туда скоро пожаловал самодержец. Новая встреча со статуей вызвала взрыв трусливого державного гнева:

— Я же приказал убрать прочь эту обезьяну!

Статую убрали и долгие годы она простояла где-то на чердаке. Уже в студенческие годы я был убежден в оправданности этого страха самодержца и в беззащитности от саркастического взгляда изумительной статуи всякого авторитета, не оправданного разумом. Старую можно было упрятать на чердак, ее можно было разбить, но разве это погасило бы бессмертный сарказм, призванный убить все неразумное. Теперь, думая, как прав был в своем трезвом испуге российский самодержец и как прав был в своем юношеском убеждении я, я вместе с тем сохранил ощущение, что не ущерблена острота Вольтеровского сарказма, и оттого не ущербленным остается убеждение в том, что не уцелеть перед ним никакому неразумию.

Выйдя из Эрмитажа, блуждал по городу без цели и плана. Мне всегда казалось, что в домах, в квартирах, где я когда-то жил, сохранилась какая-то частичка моего бытия и что, если бы неожиданно войти туда, можно бы ее застигнуть врасплох, овладеть ею. А в почерневшем от лет

двухэтажном домике на 10-ой Рождественской, в комнате с окнами слева от парадной лестницы, разве не сохранилось частички не только моего бытия, но и Зининого, хотя вот уже 4-й год (уже!) покоится она в одинокой могиле под мачтовыми соснами на пустынном берегу незабвенного Ярви? Все прошло, как с белых яблонь дым, но пока еще сохраняется в заведывающих воспоминаниями частицах мозга, — не совсем.

Несколько раз прошелся мимо знакомого дома. Подумал — Зина сказала бы: это неконспиративно, милый человек, и ушел. Опомился у Медного Всадника⁷⁴, на гранитной скале которого уличные мальчишки кощунственно разложили костер. Попробовал их образумить, отвечали сквернословием, а какой-то прохожий, не разобрав в чем дело, с укором сказал мне:

— А Вам что, царевы статуи дороже детского удовольствия? Будет, попили кровушки, теперь свобода, все можно!

Сообразил, что не имею ни одного знакомого адреса и ночевать мне негде. Так и прошатался всю ночь по Петрограду, опять ходил по 10-й Рождественской, а мысли летели к незабвенному Ярви, к одинокой могиле. Одна заря спешила сменить другую, и, хотя настал настоящий день, отправился на вокзал, но только на другой день и то с большим трудом удалось выехать из Петрограда на юг. Ехать надо было немногим более суток, но была это

самая трудная часть тогдашнего моего возвращения «домой».

Но вот я и дома. Ася, Гога и незнакомец Марчик. Как встретит Ася я знал и не сомневался. Любовью и всепрощением. А вот Гога? Ведь ему уже около 9 лет. За дядю он меня уже, конечно, не принимал, но, кажется, отцом я в его представлении был не без изъяна. В его отношении я не чувствовал чего-нибудь враждебного, но некоторая отчужденность была и сохранилась навсегда, а в ней я не раз улавливал что-то похожее на, может быть, не осознанную, а потому и более крепкую обиду. Зато незнакомец Марчик с первого же дня стал товарищем и другом. Каким должны быть папы, он еще не задумывался, обрадовался такому, какого послала судьба, тем более что посланный много с ним возился, баловал малыша и ни в чем ему не отказывал. И была малышу в том удача, что и в наступившее бурое время гражданской войны отец как будто утерял охоту к перемене мест, как будто не тяготился тихим пристанищем семейного очага, никуда не рвался, а все более погружаясь в кабинетную работу, будто стремясь опровергнуть истину *inter arma silent musae*⁷⁵, писал роман. Когда изумленная Ася недоверчиво спрашивала: «— Ты никуда не собираешься?» Отвечал: «— Шум и движение к добру не ведут и каждого строгое ждет наказание, едва только кинув спасительный мрак за тенью красивою сделаешь шаг». А я нашагался довольно!

На Асином лице этот ответ вызывал кроткую удовлетворенную улыбку. Но где-то в глубине копошились у нее робкие сомнения, к добру ли это для ее Марка?! Ее готовность для него пожертвовать всем, всем, всем осталась не ущербленной.

* * *

Прошло около 11-и лет. Уже (уже!) четырнадцатый год в одинокой могиле под мачтовыми соснами на пустынном берегу незабвенного Ярви покоилась Зина. Ничто не забылось, а будто отстоялось, сконцентрировалось, приобрело художественную цельность, законченность. И почему-то иногда казалось, что все пережитое только сон.

Прошла зима междоусобий наших, под советским небом солнце расцвело. Гениально задуманный НЭП⁷⁶ расчистил дорогу периодам восстановительному, реконструкционному.⁷⁷ Советская власть уничтожила частную собственность на фабрики и заводы и установила на них социалистическую, всенародную собственность, помещичьи, монастырские, казенные и удельные земли передала крестьянам, объявив всю землю в СССР национализированной, наделив нации СССР равными правами с русским народом, приступила к образованию национальных самостоятельных или автономных республик, сломила государственную машину буржуазии и помещиков и начала постройку новой

государственной машины на основе советов. Успех первой пятилетки, подлежавшей завершению в четыре года, обеспечил проведение и второй, т. е. создание мощной индустрии и коллективизацию сельского хозяйства, переведенного на базу тракторной техники, а все это обеспечило создание бесклассового общества и постройку общества социалистического. Для защиты рабоче-крестьянского государства неуклонно создавалась мощная технически оснащенная Рабоче-крестьянская Красная Армия.

Два последние года мы прожили всего в часе езды под Москвой. Гога — комсомолец и студент математического факультета Московского университета, уже к концу первого курса поместил в специальном издании работу, обратившую на себя внимание. Ко мне относился почтительно и снисходительно, с заметным, однако, холодком. Я написал два романа и все более увлекался методологическими проблемами литературоведения. Часто, работая в Ленинской библиотеке, я получал от сестры в свое распоряжение ключ от ее квартиры в N-ском переулке и по несколько дней проживал в Москве, хотя это и не очень нравилось Марчику, обыкновенно день на третий приезжавшему узнать, — скоро ты вернешься? Обыкновенно мы вместе, посетив предварительно какие-нибудь кино или зоологический сад, и возвращались. Сестра моя, врач-ординатор какой-то образцовой клиники и ассистент медицин-

ского факультета по кафедре, увы, забыл по какой кафедре, как и я при том жадная ко всем впечатлениям бытия, домой возвращалась очень поздно и видались мы с ней, разговаривали не больше как с пол часа за спешным чаем перед сном. Пожелав мне спокойной ночи, она уходила к себе и из своей комнаты я слышал, как укладываясь спать, она говорила:

— Какая я счастливая, что имею свой кров!

В душевном моем хозяйстве все как будто было в порядке, но приближение к грани четырех десятков лет (проекция ли обрисовывавшегося заката) пробуждало неясную грусть, углубляемую некоторою усталостью от однообразия последних лет и вместе с ней вызывающую жадность к еще возможным новым впечатлениям, своею интенсивностью не оставляющим места раздумию и грусти. Ася с головой ушла в педагогическую работу в освобожденной школе, но всегда внимательная ко мне, сразу уловила симптомы опять пробуждающейся тревоги и как-то участливо спросила:

— Не пришел ли час опять пошагать? Помни, мы никогда не станем поперек твоей дороги.

Асиня святость всегда заостряла у Марка болезненное ощущение своей вины перед нею, но никогда не останавливала, не удерживала от новой. После паузы добавила:

— Вот только Марчика жалко, от так привязан к тебе.

Она говорила так, будто Марчику что-то уже угрожало, а я под гипнозом этого тона, припомнив своего сорванца-пионера, еще не определившего своих вкусов и интересов, а потому жадно бросавшегося на все ему доступное, а часто еще и недоступное, не по летам развитого — мы уже читали с ним Гамлета, Фауста, Кандида, грустно подумал:

— Марчика и мне было бы жалко.

А что могло угрожать Марчику, я при этом себе вовсе не представлял.

Об Ильзе за все тринадцать лет, протекших с тех пор, как медведеподобный Вася на другой день после Зининых похорон (на пустынном берегу незабвенного Ярви) увез дочку, не знали мы ровно ничего, никакой весточки не дошло к нам о ней. И вдруг.

Я читал доклад в одной из литературных организаций. И во время доклада и затем во время разгоревшихся бурных прений из передних рядов публики поблескивали две звезды. При небольшой близорукости и значительной взволнованности звезды казались мне не так далекими, как затуманенными, я плохо различал их, но воспринимал излучаемые ими флюиды ободряющего сочувствия. Уже не дебютант, нервно чувствительный и к враждебным неодобрениям, и к сочувственным: да-да! я ощущал, однако, гипнотизирующее влияние туманных звезд, согревавших обещанием возможности всего невозможного в этом сказочном мире.

В N-ском переулке меня ожидал Марчик, которому я обещал сегодня же ехать с ним домой. Но пробил час моей первой измены Марчику.

Когда я быстро спускался по лестнице — кто-то шагнул мне навстречу и схватил за руку. Сказка начиналась. Я проснулся. Сколько лет проспал? Ничего этого не было: ни Ярви, ни одинокой могилы на его пустынном берегу, ни Зининого замужества, ни моей женитьбы, ни нашего петербургского романа, ничего, ничего этого не было. Передо мной стояла Зина, та Зина, какой она была в тот далекий вечер у лодки, на лодке, в доме матери.

— Силина.

Голос опроверг бы, если б явилось малейшее сомнение. Ее голос. Так и казалось, вот сейчас услышу — «милый человек». Но что она говорит, что за Силина? Я забыл, что медведеподобный Вася носил фамилию Силин.

— Ильза Силина.

Нет, не сон, все было. Передо мною была не Зина, а ее дочь, как капля воды на другую похожая на мать.

— Ильза!? Вы помните, Ильза, как я учил Вас:

Я зовусь принцессой Ильзой,

В Изельштейне замок мой?

— Что меня выводило из себя. Ведь знала хорошо, что не принцесса и нет у меня никакого замка. Зачем дядя Марк называет меня принцессой, говорит, что у меня есть замок? Жаловалась я маме,

а мама успокаивала: дядя шутит. Вообще я тогда Вас терпеть не могла, все мне казалось, что Вы отнимаете у меня маму. Она постоянно говорила мне: не мешай разговаривать. Очень не любила Вас.

— Бедная девочка боялась, что людоедный дядя украдет и съест ее маму?

— Людоедом я Вас не считала, но в намерении украсть маму очень подозревала и... — улыбнулась — кажется, не очень ошиблась?

— Да, да, может быть, даже совсем не ошиблась. Мог ли я не обмануть Марчика?

Часа два сидели мы с жизнерадостной комсомолкой в каком-то кафе, весело болтая и теперь ласковые лучистые звезды смотрели на меня уже не из тумана, а совсем, совсем изблизи. Я забывал, что она Ильза, а не Зина и ошибаясь постоянно называл ее Зиной, от чего она каждый раз заливалась веселым смехом.

* * *

И уже не только путал он имена, но, потеряв представление о времени, сбросил с плеч утомление неумолимых годов и почувствовал способность опять ходить по земле веселыми ногами ничем не смущаемой беззаботности. Ильза жадно слушала его рассказы о прошлом, в которые он вкладывал столько ароматной лирики и сверкающего юмора, его ядовитые бутады⁷⁸ и фейерверки вдохновенных

чаяний грядущих достижений, чувствовала, что все отрывает ее от скучной житейской прозы, и не раз аплодисментами встречала его бурные словесные эскапады.

* * *

Уже поздно мы попали к памятнику Пушкина. Настроение у меня было самое беззаботное, склонявшее болтать, шутить, валять дурака...

— Вот, Зина, Ильза, Ильза! — Ильза весело смеялась. — Вот, Ильза, я подстерег и подсмотрел, — я тут часто гуляю ночью, — я подсмотрел, как Пушкин, когда бульвар опустел, вдруг повернулся и сошел со своего постоянного места...

— Любите Вы сказки, дорогой товарищ!

(«Дорогой товарищ»? Ого! Разве это не почти «милый человек»?)

— Еще бы, еще как люблю, Зина, Ильза!... — Опять смеялась.

— Сошел и пошел по бульвару. Я за ним сзади. Так дошли до Арбата. Переходит площадь, я за ним. Соображаю: это он к Гоголю. Действительно, подходит к Гоголю и говорит:

— Здравствуйте, Николай Васильевич!

— Здравствуйте! — отвечает Гоголь мрачно.

— Ну, можно ли так, Николай Васильевич?! Жить с каждым днем становится все веселей⁷⁹, смотрите, какая разворачивается жизнь, нам и не сни-

лось когда-то что-нибудь подобное. А Вы сидите похнюпившись и из каждой Вашей поры упрямо лезет — скучно жить на свете, господа⁸⁰! Господ давно послали скучать кого в море, кого за пределы отечества, а Вам все скучно?

— Все скучно, Александр Сергеевич.

— Эй, смотрите, Николай Васильевич, уберет Вас советская власть с площади! Конечно, памятуя учение диалектического материализма о том, что исторический процесс надо изучать во всех конкретных подробностях и не забывая, что все достижения прошлого надо использовать, место Вам в каком-нибудь укромном уголке музея отведут, а с площади... с площади уберут. Нельзя же, дорогой, так омрачать настроение!

— Не могу же я, Александр Сергеевич, идти за Вами вслед, когда вот написали себе на памятнике...

— Я, Николай Васильевич, ничего себе на памятнике не писал, это мне написали...

— Но написали то, что Вы сами поставили себе в заслугу... «Чувства добрые я лирой пробуждал», «в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал»⁸¹...

— Ну, и что ж?

— Что ж? А теперь и о «добрых чувствах», и о «восславлении свободы», и о «милости к падшим» — обо всем забыли?

— Эге-ге, Николай Васильевич, да у Вас ненадлежащий оборот мыслей. Я Вам вот откровенно,

только с глазу на глаз, когда никто не услышит, и не с агитационной целью, а по старой дружбе образумить Вас желая, откровенно признаюсь, — бывает и я не все разделяю, не со всем согласен. Но помню *la critique est aisée, mais l'art est difficile*⁸². А главное, помню предостережение Ленина, что критикой, а тем более оппозицией советской власти, съезжают к солидарности с разной белогвардейской сволочью.

— Я, конечно, этой солидарности не хочу. Ну вот, все-таки мне скучно.

— Ну, и поставят на Ваше место Максима⁸³ и правильно сделают. В самом деле, Вы на него посмотрите, уж кого, кажется, жизнь больше била, в юные годы собственной рукой заставляла в легкие пулю загнать, а он выжил, все претерпел и вместо того, чтобы как Вы нос опускать долу — скучно, мол, — дерзко задирает его вверх — человек это звучит гордо! И все у него «соколы», «буревестники»! Вот вам пример!

Повернулся и тем же путем отправился назад, и стал как на заслуженное на свое постоянное место.

Ильза, как и мой Гога, состояла в комсомоле и училась математике в Ленинградском университете. «Математика — это основа всех наук» — говорила мне с немного высокомерной убежденностью. Жизнерадостная и здоровая — по совету врачей, отрицавших у нее даже отдельные при-

знаки наследства от матери, призывавших, однако, к осторожности, ежегодно по месяцу отдыхала в Крыму, куда и ехала сейчас. По дороге захотелось немного посмотреть Москву. Предоставив московской подруге свою комнату в Ленинграде, она получила от нее в двухдневное пользование (послезавтра в квартире начинался ремонт) ее московскую комнату. В эту комнату, где-то в переулках возле Кропоткинской улицы, мы и пришли уже совсем поздно и, как бывало с Зиной, доболтались до утра, до утра золотого.

Сначала почему-то взгрустнулось, пожаловался на беспощадное время, незаметно капля за каплей наполняющее кубок горечью невозвратности уходящего и несущее все более заметное утомление. Но, точно застыдясь такого малодушия перед лицом ее молодости, вдруг встрепенулся и расправил крылья.

— Сколько Вам лет, дорогой товарищ?

— Ильза, жестоко напоминать старику об его годах.

— Да какой же Вы старик? Мне вот кажется, что Вы моложе меня, право!

Зато к утру мы знали исчерпывающе все друг о друге.

— Я совсем новый человек, дорогой товарищ, — исповедовалась мне Ильза, но вот знаете, меня как-то не совсем удовлетворяют мои сверстники — товарищи. Нечего им хвастаться, как бывает

некоторые у нас хвастаются: если у Тургенева люди много чувствовали, то мы должны во сто раз больше чувствовать. Как они там не расписаны, а перед нами они щенки. Мне не то важно, что Тургенев вот умел расписать переживания своих героев, а писатель нынешний никак не распишет своих так, чтобы все почувствовали, — а действительно ведь щенки в сравнении с ними Тургеневские герои. Дело совсем не в отсутствии художественных талантов у наших советских писателей, есть ведь, есть таланты. Дело в том, что мои сверстники в своих переживаниях без предков, без традиций. Переживать они, наверное, много переживают, но вот все это еще не оформилось, не отстоялось, не приобрело цельности, законченности. Оттого художнику и нечего ухватить, расписать. Вот я где-то читала, или слышала, Репин, когда задумал «Не ждали»⁸⁴, десятки этюдов сделал для лица героя. Встретит где-нибудь человека с лицом, как ему покажется, типичным интеллигентским и умоляет — придите на часик, я с Вас этюдик напишу. Написал этих этюдиков с пол сотни, а потом на картине — герой ни с кого не был срисован, а создан из черт и черточек этих пятидесяти лиц. Так у каждого ж из них были предки, традиции. А у моих сверстников-товарищей нет традиций, нет предков. Как же их нарисовать?

— А как же Вы, Ильза...

— Я вот все время о себе хочу сказать, дорогой товарищ, я это остро ощущаю потому, что у меня

как-то выработалось почтение к традициям, уважение к предкам. Можно не разделять их взглядов ни в чем и все-таки чувствовать свое происхождение от них. Не знаю уж почему, может быть, потому, что перечла все Ваши письма к маме, простите, дорогой товарищ, перечла без зазрения совести, я ведь думала, что никогда с Вами не встречусь, перечла некоторые мамины заметки, а затем всю главнейшую русскую классическую литературу, вот у меня и нет к этим расписанным классиками героям пренебрежительного отношения: щенки, мол, вы в своих переживаниях по сравнению с нами, наоборот, какие-то нити меня с ними связывают. Вот и Вы, дорогой товарищ, мне как-то понятнее и ближе, чем мои сверстники.

Merci beaucoup⁸⁵, Ильза!

— Я говорю серьезно. Вы кажетесь мне духовно более сложным, более богатым. Кстати, кроме Ваших писем к маме я прочла и два Ваших романа, мне очень понравились.

— И оттого Вы со мной как будто давно знакомы?

— Ну да, и хорошо, близко знакома!

— То же чувствую и я, воспринимая Вас, как оригинальное претворение образца Зины, Вашей мамы.

В шесть утра мы простились с тем, что до 12 Ильза поспит, а в 12 я приду к ней. Мы еще погуляем по Москве, кое-что посмотрим. Вечером она долж-

на была уехать в Крым. Марчика я застал в тревоге и недовольным. Кое-как развлек и успокоил, сказал, что у меня важные дела и отправил домой, обещав приехать на ночь.

Поспав не больше двух часов, к 12-и я был у Ильзы. Она уже была готова и ждала меня. Прежде всего по соседству отправились в Галерею нового западного искусства⁸⁶. Восторгу ее не было границ. Моне, Гоген, Ван Гог, Матисс — целый новый мир развернули перед ней.

— Вот, дорогой товарищ, уже из-за этого никогда не забуду нашей встречи.

— А то забыли бы?

— Я этого не сказала... а Вам обеспечена моя вечная благодарность!

Не понравился Пикассо. Это, знаете, математика. Вы уж знаете, дорогой товарищ, что математика для меня основа всех наук. Но все на своем месте. Поверить алгеброй гармонию⁸⁷ — это нужно, но тыкать алгебру вместо гармонии — это никуда не годится. А этот Ваш Пикассо...

— Почему мой...

— Да ведь вы мне его показали...

— Ну вот, — все надо видеть...

— Так вот, этот Пикассо сует свою геометрию туда, где ей вовсе не место. Может быть, — вдруг как будто согласилась с какими-то возражениями, я их по крайней мере не делал, — это и нужные, интересные опыты, но это не искусство и в художественных

галереях этим, с позволения сказать, картинам не должно быть места. И так, знаете, многие, наверное, смогут рисовать.

— Знаете, Ильза, Вы очень близко передаете то, что и я всегда думал.

— Очень рада, дорогой товарищ! Знаете, тут есть что-то общее с моим отношением к Маяковскому. Вот не люблю. Мне всегда кажется, так каждый может писать, вот и я написала бы...

— А не пробовали?

— Нет, нет! Да, знаете, может и не написала бы. Но, скажите, отчего мне никогда не казалось, отчего никогда не думала я, что могу написать, как Пушкин, а уже чего проще его стихи, у того ж все выкрутасы? Вот тут-то и вся разница.

Когда выходили из музея, шутила:

— Нет, были-таки среди русских буржуев молодцы: вот хотя бы эти Щукин и Морозов⁸⁸. Могли бы потрынькать свои капиталы полностью, а они какую галерею советскому государству оставили! Право, молодцы!

Затем мы проехали на Курский вокзал⁸⁹, уладили дело с билетом, пообедали и отправились выСокольники⁹⁰. Забрались в самую густую гущину, расположились на траве и вдруг нас окружила какая-то торжественная тишина, нарушаемая только жужжанием солидного шмеля. Лишь изредка тишину взрывали фабричные гудки и другие звуки громадного города — здесь же вблизи. Но мы как-то ушли

и от всех звуков, и от города, от мира действительности.

— Знаешь, дорогой товарищ, — за обедом мы выпили на брудершафт и перешли на ты — знаешь, мне вот все представляется, что я не Ильза, а Гильда⁹¹ и в один прекрасный день приду, постучусь к Тебе и скажу: молодость пришла — и позову тебя взойти на башню, которую ты строил, как-никак, ты же строитель, не даром и твой последний роман называется «Героическая стройка», водрузи на ее вершине только не белый, а красный флаг.

— И не будешь бояться, что у меня, как у строителя Сольнеса закружится голова⁹² и я на твоих глазах упаду с высоты...

— Неужели ты этого испугался бы и не пошел на мой зов?

Я промедлил с ответом.

— Ведь даже, если и свалишься, — разве это не прекраснейшая в этом мире участь?!

И уже не спрашивая моего ответа, настойчиво сказала:

— Непременно, непременно когда-то я приду к тебе — приготовься — постучусь и скажу: молодость пришла, и позову...

— На башню?

— Да, на башню, высокую, высокою башню! Ты не сдрейфишь, дорогой товарищ, ты услышишь мой зов, ты за ним пойдешь? — глаза ее пылали, губы вздрагивали.

Я молча поцеловал ей руку.

Такой уклончивый ответ ее, видимо, не удовлетворил, может быть, даже несколько обидел.

Сразу оборвав этот разговор, она посмотрела на часы и сказала:

— Мне пора на вокзал.

Я, конечно, провожал ее, но ничего из дальнейших разговоров не припоминаю. Очевидно, они шли пол тоном ниже. Возвратившись домой и рассказывая Асе о встрече с Ильзой, я сказал:

— Вот была бы жена Марчику — будь он постарше!

Марчик еще не переварил своей обиды, не изжил своего недовольства моим обманом и грубовато бросил:

— Так отдай ее Гоге или сам женись!

Нет, никому отдавать Ильзы мне уже не хотелось.

— Глупый, я ведь женат!

— А разве не бывает, что и женатые женятся?!

«Бывает. И он уже знает это?» — подумал я, но промолчал.

С Ильзой у меня завязалась переписка, но писала она мне в Москву — до востребования. Не знаю, догадывалась ли о переписке Ася, она ничего не спрашивала, я ничего не рассказывал, но часто замечал у нее рост болезненной нежности к Марчику.

Первое письмо Ильза предоставила написать мне, к сообщению адреса в открытке не прибавив ни одного слова, если не считать подписи — Гильда.

Придираясь к подписи, я и написал в шутовском, а вместе с тем грустным тоне, что, очевидно, кажусь ей очень старым в сравнении с ее цветущей молодостью и что я, конечно, пародируя известные слова Чехова о том, как ему хотелось бы быть молодым офицером, обедать в ресторане и слушать музыку⁹³, могу признаться, хотел бы быть комсомольцем и играть в футбол, вместо того, чтобы быть не старым (подчеркнул), но все же стареющим писателем. Почти без предисловий отвечала неожиданным признанием:

«Незачем, дорогой товарищ, кокетничать своей «старостью», если она не помешала Вам взволновать мою цветущую молодость (подчеркнула), не хочу прятаться со своим чувством, не хочу скрывать, откровенно признаюсь — люблю, люблю с той мечтой, о которой всегда мечтала. Примите мое признание, как стук Гильды, как ее зов — на высокую башню, с красным знаменем! Кстати сказать, не считаю Вас в чем-нибудь отставшим, даже отстающим, но художнику, которому нужна конкретность, мало наблюдения со стороны, хотя бы и самого сочувственного. Думаю, что Гильда может Вам помочь не ограничиваться наблюдением.

Не без волнения жду, что Вы мне ответите на мой призывный стук в Ваши двери.

Итак, дорогой товарищ, — молодость пришла!»

Мой ответ был чем-то вроде того поцелуя руки, которым в гуще парка в Сокольниках я уклонил-

ся от прямого ответа на прямые вопросы. Слова «люблю» я, во всяком случае, не употребил, но и без этого лучшего человеческого слова пропел настоящую Песнь Песней⁹⁴. Эта песнь произвела соответствующее впечатление, но уклончивость, как и тогда в парке, видимо, не удовлетворила, даже, может быть, несколько обидела. Во всяком случае, сейчас же, напоминая Зинины письма-записочки, всего в нескольких строчках потребовала объяснения, не скрывает ли моя уклончивость каких-либо колебаний. Я откровенно отвечал, что если может быть речь о каких-нибудь колебаниях, то лишь о тех, какие вызываются опасением вовлечь «цветущую молодость» в невыгодную сделку. «Забота о другом — отвечала Ильза — всегда украшает человека, дорогой товарищ, и я весьма признательна за заботу об интересах Вашего контрагента, но если этой заботой не прикрываются хотя бы в самой малой степени колебания неуверенности в себе, предлагаю — бросить минутный страх и давайте договариваться!...»

Обменявшись еще двумя письмами, мы и договорились, что, при возвращении Ильзы через Москву, я встречу ее на вокзале и вместе мы уедем в какое-нибудь пустынное уединение — «велика страна наша родная, много в ней полей, озер и рек»⁹⁵ — там ближе узнаем друг друга и взвесим шансы возможности невозможного. Наконец, в моем кармане была телеграмма с днем прибытия, номером поезда и вагона.

Надо было еще уладить денежные дела и в Москву я отправился рано накануне прибытия. Не по малодушию, а по какому-то подсознательному — а может еще ничего и не выйдет — Асе сказал только, что еду на несколько дней, а возможно поеду в Ленинград, тогда недели на 2, даже на 3.

Второпях, как уже известно, я забыл паспорт под подушкой. Сейчас же по приезде в Москву с вокзала телеграфировал Марчику — «немедленно привези паспорт, не застанешь — брось в ящик для писем». Целый день провозился с деньгами, назавтра в 10 должен был получить их, а в 12 с минутами на Курский вокзал прибывал Ильзин поезд.

Направляясь уже в N-ский переулок, в квартиру сестры, случайно встретил Юру Корицкого, которого не видел, пожалуй, больше 10-и лет. Конечно, разговорам и воспоминаниям не было конца. И только около 12 часам ночи я попал в N-ский переулок, все время думая:

— Завтра, Ильза, завтра!

Все, что со мною случилось после того, как я вошел в кабину лифта, чтобы подняться в квартиру сестры, читателю уже известно из первой главы.

* * *

Читатель, терпеливо дочитавший роман до этой последней главы его, надо думать, уже потерял вся-

кий интерес к тому, как же развязалось, как выяснилось недоразумение, теперь его, пожалуй, больше интересует вопрос, что же вышло у меня с Ильзой. Ведь вот и я в ту первую ночь смутившись в секретной камере всеми мыслями и чувствами принадлежал Ильзе и очень мало думал об уголовном недоразумении, когда же его вспоминал, почему-то вспоминал Леньку, не осилившего идей о предопределении и свободе воли и оттого упавшего с качели и сломавшего руку, и погружался в размышления о роли случая в судьбе человека. Засим, кажется, рассказ не требует никаких психологических уточнений и, значит, рассказ о, собственно, романтических переживаниях моих, который неизбежно прозвучал бы несколько банально, можно опустить.

Что касается самого недоразумения и его развязки, то каждый истинно советский человек поймет, что искреннее увлечение работников любой специальности, особенно если специальность создает нервную обстановку, легко может вызывать ошибки и печальные недоразумения. Это и случилось в рассказанном происшествии. Но на другой же день все сразу распуталось и объяснилось. Два бандита, уличенные в преступлении и в нем сознавшиеся, при предъявлении им меня на очной ставке, смотрели на меня с изумлением, — как баран на новые ворота, и с не возбуждающей сомнения искренностью утверждали, что видят меня впервые. Затем, вызванная в качестве свидетельницы женщина,

прислуживавшая у лифта, признала во мне брата докторши... Затем, но разве это представляет какой-нибудь интерес? Думаю, что читателю более интересно все, что касается Ильзы... Часам к 12-и я был свободен и прежде всего бросился в переулок возле Кропоткинской улицы. В квартире никого не было, полный ремонт еще не был закончен. Почему-то приехал на Курский вокзал, затем на Октябрьский⁹⁶. Где было искать еще?

Уныло поплелся на главный почтамт, где я получал письма до востребования и получил коротенькую Ильзину записочку, написанную торопливым нервным почерком. Писала: «Дорогой товарищ! Сдрейфил? Очень огорчена, но не осуждаю. Неудачливая Гильда.» В P.S. стояло без подписи: «Уезжаю в неизвестном направлении.»

* * *

Вечером того же дня Ася была очень удивлена, а Марчик обрадован моим неожиданным возвращением. Рассказ о моем происшествии очень экзотировал⁹⁷ Марчика. Многое заставлял повторять по несколько раз и все подавал советы, что мне следовало говорить и делать, чтобы недоразумение объяснилось и меня сразу освободили, а при этом, конечно, не сознавал и не чувствовал, что при моем освобождении сразу не так бы скоро он увидал меня.

ВСЮДУ СТРАСТИ РОКОВЫЕ

Человек создан для счастья,
как птица для полета.

*Владимир Короленко.
«Парадокс» (1894)*

I.

Костя, Константин Сергеевич Москаленко, инженер, директор завода на сорок пятом году жизни умер скоропостижно и неожиданно для всех окружающих, да, вероятно, и для самого себя. Правда, он уже года три как знал, что сердце у него не в полном порядке, с изъяном, и даже как-то, бывши в Москве, заплатил за визит знаменитому кардиологу Летневу дорожке, чем за билет на «Анну Каренину». Профессор небрежно постукал, постукал, послушал спереди и сзади, — диагноз, видимо, не вызывал затруднений, — и сказал:

— Да-с, изъянец есть, но все же я Вам скажу, с таким сердцем можно до ста лет дожить, нужно только соблюдать осторожность.

И начал загибать пальцы:

— Алкогольных напитков не употреблять, курить бросить, а если уж характера, воли не хватит, курить не больше пяти папирос в день, ездить в Кисловодск...

Костя подумал, что ему пора что-нибудь спросить, обнаружить интерес, внимание к профессорским советам и спросил:

— Сколько раз?

— В Кисловодск надо ездить три года подряд, а затем... — каждый год, — пошутил профессор.

Лекарств никаких не приписал, а в заключение еще прибавил:

— В работе не надрываться, образ жизни вести нормальный.

На первых порах Костя, было, старался от предписаний профессора не отступать, курил даже, случалось, по 2–3 папиросы в день, только когда на заводе что-нибудь не ладилось и волновало или садился играть в вист и справа, и слева от него лежали открытые портсигары, забывал все предписания и за час–два высмаливал свыше десятка папирос. Предписание об алкоголе сразу несколько модифицировал, так и Жене, — жене, — рассказал, сказал:

— Пить много нельзя, но одну–две рюмки даже советую, а то сердце ведь привыкло к возбудителю и если совсем бросить, может быть нехорошо...

— Ну, это ты врешь, ангел мой! — сразу сообразила Женя.

— Ну, что я тебе перекреститься должен? Если и вру, то совсем немного.

— То-то.

И от одной, двух рюмок разрешал себе не отказываться.

В Кисловодск в том же году съездил, но так там заскучал, что полного «курса» не выдержал, двух ванн недопринял и за 4 дня до месячного срока уехал. К лечению тамошнему вообще отнесся скептически и, хохоча, всем рассказывал:

— Знаете, приехал это я в Кисловодск, ну, взял носильщика. Несет это он мои вещи и разговором занять старается (авось, мол, угожу, больше на чай даст):

— Сердце лечить приехали? Ну, у нас вылечат одним махом. Хотите, даже я могу Вам прописать процедуры? Первый раз послезавтра, сегодня-завтра отдохните, по парку погуляйте, ни на какие высоты, однако, не поднимайтесь, ну, послезавтра $\frac{1}{2}$ нарзану, температура 30° , в ванне сидеть 5 минут, потом день отдыха, а затем $\frac{3}{4}$ нарзана, температура 29° , сидеть в ванне 6 минут, опять день отдыха, затем — полный нарзан, температура 28° , 7 минут — в ванне... Ну, еще можно стат-душ⁹⁸ назначить, процедура безвредная, но и столь же бесполезная, прописывается беспокойным больным, которые жалуются, что им мало процедур прописали, ну, в этом доктор не признается, конечно, а все, что вот я Вам советую пропишет, только сначала постукает со всех сторон...

Ну, дал ему рубль за вещи, а другой прибавил, говорю, за медицинский совет. Очень остался доволен. Но Вы себе представьте только, пошел я в тот же день к доктору. Ну, конечно, постучал, как полагается, где надо, а где может и не надо, о родителях спросил. Ничего, — отвечаю, — мало помню их, но ничего люди были, порядочные. Ну, еще там пятое-десятое, как любят выражаться Зощенковские персонажи⁹⁹, а потом Вы только представьте себе!

— Ну, сегодня приехали, отдыхайте и сегодня, и завтра, по парку гуляйте, ни на какие высоты, однако, ни-ни — не поднимайтесь, а дальше вот я Вам напишу процедуры. — И стал писать, приговаривая. — Послезавтра пол нарзана, температура 30°, сидеть в ванне 5 минут, — потом день перерыва, а затем — $\frac{3}{4}$ нарзана, температура 29°, сидеть 6 минут, день перерыва и дальше — полный нарзан, температура 28°, сидеть 7 минут. Ну, а потом зайдите! Да вот еще, пожалуй, стат-душ пропишу.

У меня просто язык отняло от изумления, а все подмывало спросить: скажите, это не Вы, доктор, утром на вокзале мне вещи на извозчика подносили? Ну, что делать? Назвался груздем, полезай в кузов! Стал нарзаниться. Оно ничего. Почти что приятно даже. Пузырьки все тело обседают, ласковые, щекотные, а я все думаю: ну, дали бы еще бокальчик шампанского, пускай бы и внутри пузырьки щекотали! Ну, после ванны 25 минут —

отдыхать. Растянулся и не заметил, как заснул. Как вдруг кто-то за рукав теребит, а со всех сторон крик:

— Товарищ, Вам пересадка!

Это 25 минут прошло и другой уже на мое отдыхательное место кандидат явился. Ну, все это ничего, кое как, а вот скука зеленая! Я бы через неделю сбежал, если бы не нашлись компаньоны на винт. Целые дни жарили, но, опять-таки, после ужина сядем, колейки еще (три робера) не кончим, как является сестрица наблюдательная:

— Товарищи больные, довольно, пора спать!

И никаких резонов не слушает:

— Я, — говорит — в случае чего, отвечать за Вас буду!

Ну, заберемся на самый верхний этаж, под чердак, она и там, бестия, найдет и опять: «— Товарищи больные!» и т. д., и т. д. Трудно было ублаготворять ее, но кое-как ублаготворяли — кто-нибудь, это, пойдет сестрицу развлекать, собой «жертвует», а остальные винтом развлекаются. Так, случилось, до света жарили, ну, а без того со скуки пропасть или бежать, бежать!

О том, как он принял ближайшее участие в ублаготворении сестрицы и как, жертвуя собой, из этого ублаготворения себе тоже некоторое развлечение устроил, никому не рассказывал, не дошло бы до Жени!

А Жене сейчас же, как приехал сказал:

— Вот, милая, радость, домой к тебе вернулся! Как соскучился! Ты и не представишь того, верно, себе. Не привык я так долго быть без тебя, что за жизнь, когда не с кем даже пререкаться и ссориться? — и поцелуями показывал, как скучал без ссор и пререканий.

Сердце не беспокоило или беспокоило редко и не очень, и в Кисловодск Костя больше не ездил. Еще больше двух лет пререкался и ссорился, а, в сущности, жил «в счастливом браке», но вот часов около 10-и вечера вернулся с завода домой, а сказал, что вернется поздно. В столовой за чайным столом застал Женю и своего помощника и заместителя инженера Вербова, Петю, Петра Семеновича. Заметил, что оба они будто чем-то взволнованы, возбуждены и с трудом заставляют себя выглядеть «нормальными», но значения этому не придал, да и было ему несколько не до того.

— Что с тобой? Отчего вернулся рано? — спросила Женя.

— Да вот что-то нездоровится...

— А что?

— Да что-то сердце шалит немного...

— Может послать за доктором?

— Ну вот, сейчас за доктором. Я вот думаю рюмочку водки выпить с Петей, выпьешь Петя?

— Всегда готов.

— Да ты с ума сошел, Костя! — пререкалась Женя.

— Жена да повинуется мужу!

И, присаживаясь к столу, сказал:

— А достань-ка нам графинчик. — и потянул к себе тарелку с нарезанной колбасой.

Женя достала графинчик и поставила на стол, а Петя вышел в переднюю, вынул из кармана пальто две бутылочки-флакончика, вернулся на свое место и сказав:

— Вот я тебя такими каплями угощу, что сразу все как рукой снимет. — налил две рюмки водки, а в них добавил по несколько капель из своих флакончиков.

— А ты меня не отравишь?

Петр Семенович очень побледнел, но совершенно спокойно ответил:

— Как же, отравлю и тебя, и себя. — и передал одну рюмку Косте.

Чокнулись и выпили.

— Ну что, смачно?

— Да ничего, только чего ты туда пустил?

— Секрет изобретателя. Может, еще по одной?

— Да бросьте Вы, Петя, оставьте его в покое. — протестовала Женя.

— Видишь, какой у меня ангел-хранитель? Нет, в самом деле, я больше пить не буду, а ты пей! — и занялся колбасой.

Петя налил себе вторую рюмку и добавил из флакончика.

— Ну, за твое здоровье!

— Спасибо, а только, знаешь, мне что-то худо.

— Может, пошел бы лег, расстегнулся? — советовала Женя.

— Да нет, посижу еще. Может быть, в самом деле, еще рюмочку?

— Ну, нет, это уж оставь, я тебе больше пить не позволю! — серьезно сказала Женя.

— Ну, спорить и прекословить не буду.

Прошло еще минут пять.

Костя глубоко вздохнул и вдруг сказал:

— А может быть, в самом деле, позвать бы доктора,

Женя взволновалась. Если уж Костя говорит о докторе, значит, таки очень нехорошо ему.

— Непременно, непременно позвать! Петр Семенович, голубчик, может быть, Вы позовете доктора, а то нашу домработницу пока разбудишь...

— Слушаюсь, сию минуту — взял шляпу и вышел.

— Ну, что с тобой, а? — спрашивала Женя.

— Да, нехорошо, милая, и все хуже. Печет около сердца, перед глазами какой-то туман стелется, дышать нечем.

— Может быть, все-таки лег бы?

— Пожалуй, лягу. Встал и неуверенной походкой пошел к двери в спальню, но на пороге вдруг грузно рухнул.

Женя подняла такой крик, что спавшая домработница сейчас же появилась, всплеснула руками

и из соседней квартиры привела двух дюжих мужчин. Костю подняли и уложили на диван. Не дышал, пульса не было.

На столе стояли две бутылочки-флакончики, забытые Петром Семеновичем, Женя вспомнила, как побледнел Петя, когда Костя пошутил: «— А ты меня не отравишь?» Вспомнила, что в две рюмки Петя наливал из разных флаконов. Подошла и унесла флакончики к себе в комнату. Через 15 минут пришедший доктор констатировал смерть от паралича сердца.

В квартире началась суета. Женя просила знакомую соседку всем распоряжаться, а сама, кликнув за собой ирландского сеттера Эйча, заперлась у себя. Выдвинув из-под кровати миску с приготовленным для собаки ужином, она влила в нее все содержимое одного флакона и размешала. Эйч жадно поужинал и растянулся у постели. В комнату постучали.

— Кто там?

— Евгения Алексеевна, — спрашивал Петя, — Вы взяли мои флаконы?

— Оставьте меня в покое, я не видала Ваших флаконов.

— Евгения Алексеевна, я серьезно прошу...

— Петр Семенович, я Вам серьезно отвечаю: флаконов я не видала.

— Черт возьми! Куда же они девались? — видимо, беспокоился Петя, но от двери отошел.

Прошло около получаса. Эйч спокойно спал. Женя окликнула его. Собака подошла, виляя хвостом, и дружелюбно посмотрела на хозяйку.

— Как твоё здоровье? Около сердца не печет?

Собака недоумевала, чего от нее хотят.

— Ну, счастлива твоя судьба, поживешь еще! — встала, взяла пустой флакон, подошла к окну, раскрыла его и выбросила, а затем второй спрятала в свой потайной ящик.

II.

В одинаково для обеих сторон «счастливом» браке прожили Костя с Женей почти пятнадцать лет, а счастье зависело не только от того, что они удивительно «сошлись характерами», но и оттого, что характеры эти были необыкновенно «легкие», спокойные, не позволяющие делать из мухи слона, больше даже склонные слона обратить в муху. «Читал я когда-то в юности — а читал Костя, кроме книг по своей специальности, не очень много, — любил вспоминать, — как какой-то странствующий уродец комендант предлагает вниманию «почтеннейшей публики» поучительный «парадокс»: «человек создан для счастья, как птица для полета». Для чего там человек создан — это дело темное, не наше во всяком случае, может статься и ни для чего, а просто вот так, но право же глупы те люди, которые не руководствуются в жизни этим парадоксом: создан

для счастья, даешь — счастье и никаких гвоздей!
Лови момент, бери все, что только взять можно, все,
что может увеличить твоё счастье, живи по песенке:

И пить будем, и гулять будем,
А смерть придет, — помирать будем¹⁰⁰.

И благо тебе будет, и долголетен будешь на земле,
а если и не долголетен, то во всяком случае благополучен.

Вкусы имел простые и несложные, нетребовательные. Любил охоту, хорошую компанию с выпивкой и ораньем украинских песен до утра, уже директором завода собирал у себя десятка полтора украинцев-рабочих с голосом, ставил на стол литр водки и закуску и часами дирижировал импровизированным хором. После целого дня работы всю ночь мог просидеть за карточным столом, играя в винт, при чем удовольствию игры отдавался с такой непосредственностью, что можно было подумать — вот только что выучился играть, еще не надоело. А игра Косте никогда не надоела. Не надоело пики называть «пичками», королей «бардадымами», возглашать: «— А, и ты тут, голубчик-бардадым!». И не было ему большего удовольствия, как убить чужого короля козырной двойкой, неизменно возглашая: «— А мы его по усам!». И любимым его анекдотом, который не забывал рассказывать каждому новому партнеру, был рассказ о том, как какой-то скромный попик, любитель карточной игры, усумнился в Божьем всемогуще-

стве и пришел со своей бедой к архиерею. «— Ваше Преосвященство — жаловался — беда со мной, смущает лукавый.» «— Ну, что там, что?» «— Да вот, усумнился, Ваше Преосвященство, в Божьем всемогуществе.» «— Ну, что выдумал, греховник!?» «— Да Вы сами посудите, Ваше Преосвященство, ну, сяду я с ним в винт играть, ну, и похожу козырного туза, ну, сможет он его побить? Чем?» Архидьякон потерялся, но вдруг закричал: «— Да ты с ума сошел! Прежде всего, станет он с тобой, дураком, в карты играть!? Пошел вон!»

Рассказывал в сотый раз и хохотал так, будто вот только что впервые услышал.

В «женском вопросе» почти что был ни холоден, ни горяч, в «гречку скакал» не часто, но подворачивалось «скакнуть», не уклонялся, об одном только заботясь, чтоб не узнала Женя. Ведь женщины — дуры, ни с того, ни с сего вообразит себе, что это для нее обидно. Ну, а что она теряет? Ровным счетом ничего. Но не надо обижать бедняжку.

Ссоры и пререкания между супругами, как уже сказано, происходили, но не тяжелые, надрывные, обращающие жизнь в каторгу, а почти что пополняющие ее содержание, придающие ей остроту, вкус, вроде горчицы или перца к пище.

Любил Костя всякие развлечения, но не любил мудрствования. «Пофилософствуй, ум вскрутится!» — говаривал. «Нечего думать, что будем умней раньше нас живших, ну, знаем, конечно, больше их,

многое можем такое, чего они не могли, а по существу от века и до века:

І дурень, і мудрий нічого не знає¹⁰¹.

Так вот лучше в мудрые и не лезть. Свое дело делай, а не в свое дело не мешайся!»

А к «своему делу» относился добросовестно и даже ревностно.

— В чем ты специалист — говорил — должен достичь всего, чего можешь, к чему твой чердак тебя делает способным.

И в работе был требователен и к себе, и к товарищам по работе, к подчиненным. Снисходительный к неумению, неспособности, ограниченности, был беспощаден к разгильдяйству, лени, недобросовестности. Был очень строг, но справедлив, и подчиненные не только уважали, но и любили его. Работал много, часто напряженно и почти всегда удачно.

В сознательно планируемый прогресс не верил, представлял себе, что все идет, в сущности, самоотек и единственный прогресс, который человеку доступен, — это совершенствование каждого в своем деле. Но Октябрь принял не только лояльно, но радостно и сочувственно к основному, а основным для него было: то работал для толстосума, буржуя, а теперь работаю для государства, для народа, для всех! Буржуй-хозяин на заводе даже не показывался, один раз только, помнится, приехал, инженерам не глядя совал два пальца, по заводу ходил в сопро-

вождении двух гайдуков и ночевать ни за что не остался, боялся рабочих, жил в столице, а больше за границей. Несколько людей, а в числе их и он, Костя, работало для пополнения карманов паразита! Сон свершился наяву — паразитов больше нет и все работает для общего благосостояния. И радости этого сознания не омрачало то, что иногда в чем-нибудь не разбирался, с чем-нибудь не соглашался.

— Не нашего ума дело, — говорил — без нас разберут, наше дело работать честно и добросовестно, теперь ведь всякая недобросовестность в работе не только нарушение долга, но и расхищение социалистического, всенародного блага.

Из-за Жениной красоты Троянская война, пожалуй, не возгорелась бы, но все же была очень недурна собой, а главное женственна и привлекательна. Трудно говорить об ее взглядах, ибо какие же, откуда у нее могли быть взгляды? Но ее отношение ко всему тому основному в жизни, что определяет человека, не диссонировало с Костиным. Ее непрекаемым убеждением, если можно говорить об ее убеждениях, было убеждение, что человек имеет ничем не ограниченное право на радость, ибо для чего же и чем же жить, если ограничивать свои радости, отказываться от них? Ничто их для нее и не ограничивало. Костю искренне любила и в браке с ним чувствовала себя хорошо, но прежде всего чисто «теоретически» пришла к тому выводу, что верность мужу вовсе не всегда обязательна.

И совсем по-Костиному прибавляла мысленно к этому: «Не надо только, чтобы муж знал, ведь мужчины — дураки, вообразит себе, что это ему обидно, а зачем же обижать бедняжку? Пусть лучше не знает. Терять он во всяком случае ничего не потеряет ведь из-за чего же урезывать свою радость, если позовет она? Вот ведь в еде стремится же человек к разнообразию, надоест мясо, жиры, начинает постить. Почему же в самом остром, в самом радостном — в любви не допустимо позволить себе некоторого разнообразия, а все муж, да муж? Ведь так самый лучший муж очертеть может.»

Понятие греха для нее не существовало. Бог? Да что же мешаает Богу, если он есть, человеческая радость? Для радости, почитай, он и создал человека, чего же он станет не разрешать человеку пользоваться всей доступной ему радостью? Ну, а нет Бога, то уж и совсем непонятно, зачем человеку свою жизнь портить?

Много над чем Женя никогда не думала, в том числе и о религиозных вопросах задумывалась не очень. Они разрешились для нее как-то сами собой: может быть, да, может быть, нет, наверное все-равно, сколько не ломай себе голову, ничего не узнаешь! Много этому помог ее отец, сельский священник, при котором лет до 14-и она и жила, матери почти не помнила, та умерла, когда Жене едва исполнилось два года. Отец, впрочем, ее никогда не наставлял, не пытался даже наставлять, наставляли его раз-

говору, которые девочке случайно приходилось слышать. Особенно ярко сохранился в памяти один. Жене было уже лет около 14-и, только что окончила сельскую школу, когда умерла бабушка, мать отца, глубокая старуха. Заморила себя постом. Всю жизнь соблюдала все посты, даже по средам и пятницам неизменно постила. Но вот в Петровку, когда было бабушке уже 80 лет с порядочным «гаком», пришлось постить почти впроголодь, даже рыбы достать было в их глухом селе невозможно, и старуха очень ослабела. Отец, как духовник, разрешал матери молоко, но бабушка ни на какие уговоры не поддавалась:

— Вот еще — говорила — всю жизнь все посты соблюдала, а теперь в Петровку — молоко стану пить! Из-за чего? Чтобы еще прожить 2–3 года, ну, пускай, 5–6–7? Будет с меня и того, что прожила.

От истощения произошла закупорка сосудов на ноге, началась гангрена. Фельдшер (врача не было в селе) сказал о безнадежности положения. Отец отправил старшему на 2 года брату Ивану, известному хирургу, профессору Военно-медицинской академии в Петербурге телеграмму. Вечером накануне того дня, когда по расчетам дядя Ваня должен был приехать, Женя из соседней комнаты слышала бабушкин разговор с хлопотавшей у ее постели подружкой ее — сельской бабой Мариной, того же сверх восьмидесятилетнего почтенного возраста. Сквозь стоны бабушка вдруг спросила:

— Марина, як ти думаєш, доживу я до 12 годин завтраго?

— Де там доживеш? Ти й до світу, мабуть, не доживеш...

— А то о 12-ій приїде Ваничка, він же лікар, може б вилікував...

— Так не доживеш, в тебе вже й ніс як у покійниці заповилився...

— Шкода, а то б може вилікував...

— Еге, вилікує покійницю!

Стони возобновились, но минут через пять бабушка опять спросила:

— А може, ще й доживу? О 12-ій приїде.

— Та де там доживеш?! Кажу ж, що й ніс вже як у покійниці заповилився, хочеш подам дзеркало? Сама побачиш.

— Не треба.

Опять стоны и разговор больше не возобновлялся.

Рассчитала бабушка правильно: к 12-и часам Ваничка действительно приехал, но и баба Марина мало ошиблась: до свету бабушка, правда, дожила, но часов около семи утра умерла.

Вместе с дядей Ваней приехал и старший брат Женин — Алексей, неудачник и чудака. Было ему уже за 30 лет, а ни к какому определенному делу он не пристроился, никакой специальности не имел, что-то изредка пописывал в газетах. Еще студентом (университета почему-то не окончил) увлекал-

ся, было, революцией, даже был арестован, но дело оказалось несерьезным и его скоро освободили «без последствий». Но вот кто-то из знавших погибшего на виселице участника 1-го марта 1881 года Кибальчича¹⁰² рассказал юноше о работах повешенного революционера над конструкцией летательного аппарата. И юноша решил, что он должен принять наследство Кибальчича, добыл все, что было возможно, касавшееся его работ и просиживал дни и ночи над чертежами и вычислениями, уверенный, что вот-вот разрешит задачу. И разрешение ее другими, совсем не в направлении его мыслей, не только не обрадовало его, а как-то разочаровало, почти обидело. Свои чертежи и расчеты он сжег, и чего-нибудь нового для себя так и не сумел придумать. И выглядел потерявшим смысл и цель жизни.

Кроме Леша, было у Жени еще два брата и сестра, но тех она совсем не помнила: их всех в одну неделю прибрал свирепствующий в селе дифтерит. Утраты трех детей сразу и не выдержало тогда материнское сердце. Всегда была мать здоровья слабого, всегда покашливала и жаловалась на боль в боку, а после смерти детей в четыре месяца сгорела в злой скоротечной чахотке.

Бабушку похоронили, а за обедом накануне того, как дядя Ваня собирался уже уезжать, и произошел тот, сохранившийся в Жениной памяти разговор. Начался он после изрядной выпивки, к которой все — и отец, и дядя, и брат — имели значи-

тельную слабость, каждым из них приобретенную еще в семинарские годы учения и юных увлечений в компании бесшабашных товарищей.

Сначала долго и любовно вспоминали прошлое, далекие уже для них юные годы.

— Ты помнишь, помнишь — захлебываясь собственными словами, спрашивал дядя Ваня, — то лето, когда я только что сдал лекарские экзамены, женился и с Клавдией и ее братом Аркадием, моим университетским товарищем, его мы всегда Арием звали, а отчего? — начинал тонуть в отступлениях — Это он один раз еще в гимназии, он в гимназии учился, и с ним я только в университете встретился и сдружился, так вот в гимназии он на потеху классу задал попу, учителю Закона Божьего, каверзный, ядовитый вопрос. Ну, поп у них был ничего, не злостный, добродушный, — улыбнулся, — вроде тебя, так поп ему на это: «— Э, слушай, да ты еретик, голубчик! Совсем даже ты не Аркадий, а Арий!» Ну, с тех пор и пошло Арий и Арий, многие даже и не знали, что он Аркадий... Так помнишь, как мы тогда к тебе нагрянули, ты еще тогда недавно батьковский приход получил, в первый раз я тебя в рясе видел. Помнишь то лето?

— Помню! — задумчиво отвечал отец — Очень хорошо помню.

— Помнишь, навезли мы тогда модных романов, с утра до ночи все распевали, и ты к нам пристал, и ты распевал: «Жена моя — в гробу», ну, и многие дру-

гие, а когда приходили гости, два великовозрастные юноши-семинаристы, твоего дядка сыновья, дядка у тебя был старше тебя вдвое, если не больше, ну, тогда бесконечно пели украинские песни. Помнишь, особенно в моде были «Козаченьки» — «Засвистали козаченьки в похід з полуночі»¹⁰³? Помнишь?

— Ну, еще бы мне не помнить — улыбаясь, сказал отец, — теперь дело давнее, — признаюсь тебе. Так мне тогда эта самая «Жена в гробу» уши прожужжала, так язык наломала, что один раз утречком, правда, после изрядных возлияний за ужином, пришел я в церковь раннюю служить, ну, облачился и вдруг, ну, поверишь ли, вместо полагающейся молитвы чуть-чуть не запел:

— Жена моя в гробу,

Рабу покой, о, Боже!

Дядя покатывался со смеху, выкрикивал:

— Да не врешь ли?

— Чего ради врать мне?! Ну, я тогда никому в этом не признался, только моей Таисье, покойнице, под строгим секретом рассказал. А она, пове-ришь ли, что мне в ответ?

— Да со мной, говорит, Алешенька, почти такое же случилось! Ты помнишь, какая она была бого-мольная, богобоязненная?

— Еще бы не помнил? Мы ведь тогда по молодому легкомыслию не раз подтрунивали над ней.

— Ну, так вот, рассказала мне: «— Знаешь, вста-ла я это на днях рано-раненько, ну, и как всегда сей-

час же, одевшись, — под иконы на утреннюю молитву. Перекрестилась и зашептала: «Засвистали козаченьки»...

Опять хохотал дядя до упаду и выкрикивал:

— Да ты не врешь ли?!

Смех утомил дядю, замолчал. Замолчал и отец, видимо, вспоминая свою Таисью, покойницу. Произошла длительная пауза.

— Дурак родился! — сказал Леша, давно уже чувствовавший охоту принять участие в разговоре.

Но дядя, недолюбливавший племянника, сразу оборвал его:

— Тебе компания будет!

А отец немного смягчил ситуацию:

— У нас, голубчик, теперь не говорят «дурак родился», говорят: «земский начальник родился».

Опять грохотал смехом дядя, а отсмеявшись сказал:

— Да ты у меня, вероятно, большущий либерал, брат!?

Отец смущенно и как будто виновато улыбался.

Опять помолчали.

И вдруг почему-то, совсем неожиданно:

— Ну, ты мне правду скажи — спросил, обращаясь к отцу, дядя Ваня, — в Бога ты веришь?

— А что же, я от тебя скрывать стану? Разно бывает: бывает, верю и тогда спокойно и сладко на сердце, а бывает, не верю и даже все веру-

ющие кажутся тогда большими и безнадежными дурнями...

— Вот тебе и раз! Хорош поп!

— А ты, что думал? Попы из другого теста слеплены, чем все прочие люди?

— Да как же ты, не веря, священнодействуешь?

— А также, как и ты, когда знаешь, что твоя медицина уже ни к чему, а все-таки продолжаешь лечить. Кому-то это нужно, кто-то себе находит в этом утешение, ну, и подаешь ему помощь — утешайся, если умеешь, если можешь...

— Ну, хорошо. Священнодействие — это еще куда ни шло, а вот, как ты, не веря, других в вере наставляешь, склоняешь к вере, ведешь к Богу?

— Наставлять в вере — это просто, все в священных книгах, в Евангелии изложено, а склонять к вере? — никогда никого не склонял, не занимался этим.

— Да как же так?

— И даже вот, как и тебе сейчас, всем, кто приходил ко мне когда-нибудь со своими сомнениями, с вопросами, а Вы как, батюшка? — откровенно признавался: а вот, бывает, верю, а, бывает, и не верю. Никогда никому очков не втирал, говорил правду и, знаешь, ведь она, эта правда, все-таки очень помогает мятущимся душам. Вот придет это к тебе так отчаявшийся, что дальше некуда, бери веревку и удавись, а ему вместо всяких никому неубедительных увещеваний, — попробуй-ка вот убедить

неверующего, когда ведь и сам себя убедить не можешь! — вместо всяких там покаянных епитимий — скажешь правду о себе, он и почувствует себя уже не таким одиноким со своим отчаянием, сразу приободрится и уже робко думает, — значит, и с этим все-таки жить можно?

— Ну, а когда веришь, говоришь, — на сердце спокойно и сладко?

— Еще бы! Чего слаще? Ведь Бог есть любовь!

Подумал с минуту и вдруг заговорил с особой горячностью:

— А знаешь, брат, если он есть, то нет существа более оболганного, более изуродованного выдумками дураков, а еще больше жуликов, обманщиков. Послушать их, так выходит, что он затем только и существует, чтобы портить людям жизнь, гасить радость и карать строптивых, которые хоть на частичку, на капельку радости посягнут. Царство мое не от мира сего — говорил Христос, а люди — обманщики, жулики в первую голову — тащат Бога к себе на помощь в самых пакостных делах мира сего.

— Да ведь и Христос сказал: отдайте кесарево кесарю, т. е. что же рекомендовал? — послушание властям предержавшим.

— Ах ты, Боже мой! — всплеснул руками отец — Вот и ты — человек интеллигентный, разумный, культурный, наверное, там всех Ренанов¹⁰⁴, Штраусов¹⁰⁵ читал, а повторяешь эту ерунду!

— Да что ты, ошалел что ли? Разве не учит церковь: всяка душа властям предержащим да повинуется?

— То-то и оно — церковь учит, говоришь? Учит, а Бог, а Христос тут причем?

— Я тебя не понимаю.

— Что ж тут не понимать? Дело просто. Вот сказал ты, — Христос говорил: отдайте кесарево кесарю. Говорил. А что это значит? Властям предержащим, конечно, лестно было (и как нужно!) получить в помощники себе ни больше, ни меньше, как самого Бога. Вот и объяснили — сам Христос учил послушанию властям. А ничему подобному — все больше волновался отец — Христос не учил. Учил он — царство мое не от мира сего, а — кесарю отдайте кесарево. Почему это должно значить — слушайтесь кесаря и властей от него поставленных?

— А что же это еще могло значить?

— Как что? Кесарь требует того-то и того-то? — отдайте, а можете и не отдавать...

— Постой-постой, а это же откуда следует, — можете и не отдавать?

— Как откуда? Да говорил он, — царство мое не от мира сего?

— Говорил, ну и что же?

— Как что же? А то, что о требованиях кесаря, о делах царства мира сего — ничего вам посоветовать не могу, там уж устраивайтесь, как знаете, как умеете, Вам ведь на то и разум дан, чтобы

устраиваться разумно. Ну вот, неразумно сопротивляться требованиям кесаря — не сопротивляйтесь. Отдайте ему то, чего от требует. Пусть не пристаёт! Только не делайте из этого абсолюта, не стабилизируйте этого, как правила на все времена и случаи, как это сделал апостол Павел, проповедуя — всякая душа властям предержащим да повинуется! Так и Ренан апостола Павла, во многом идеализируя его, считал человеком с «ограниченным умом».

— А ты и Ренана читал?

— А то как же? Конечно, читал.

— Но все-таки, постой, это ведь ты говоришь, не делайте абсолюта, не стабилизируйте, ну, подумайте только, какой ты у меня ученый поп! Дай я тебя поцелую — и полез целоваться, — но Христос — Христос этого не говорил!

— То есть слов таких не произнес? Не произнес. Но «царство мое не от мира сего» сказал? Сказал.

— Ну, сказал, так что же из того?

— Как что же? А как же быть с царством мира сего? Что Христос на этот счет думал?

— Этого ни откуда не видно.

— Тем безнадежным слепым, которые не хотят видеть.

— Хо-хо, молодец поп! Дай я тебя поцелую. — Дядя Ваня все больше пьянел, а отец, хотя в выпивке не отставал, казалось, все больше озарялся вдумчивой мыслью. — А ты что же тут увидел?

— Как что? Дело ясное. Христос ведь не дурак был, как ты полагаешь?

— Ну?

— Так устранившись от дел мира сего, что он думал?

— А я почем знаю?

— Ну, это уж, брат, человеку интеллигентному стыдно! Не представлял же он себе, что дела мира сего какая-то скверна, для которой ни разума, ни законов не существует!

— Ну?

— Что ну? Значит, предоставил дела мира сего человеку, устраивайся, как умеешь, разум тебе и дан для разумного устройства. Вот сейчас разумно не сопротивляться кесарю, все равно из сопротивления, кроме беды, ничего не выйдет, ну, и отдайте, чего требует. Но не стабилизируйте этого, как апостол Павел, — говорю.

— Ты говоришь, а не Христос.

— Но говорю в духе и истине его учения. Придет час. Ну, там эволюция, диалектика и прочее.

— Молодец поп! Дай я тебя поцелую!

— Ну, и сумеете кесарю ничего не отдавать, а, наконец, и самого кесаря... гулять отправить. Ведь дела мира сего представлены вашему разуму.

— Ого, куда ты заехал!

— Да это же яснее ясного, никакой помощи, значит, властям предержащим Бог оказывать не должен, не может, если он и есть. Вот даже такая умница

как Вольтер считал, что это не так, что из Бога можно сделать узду, а оную полагая нужной, говорил — если бы Бога и не было, его надо было бы выдумать¹⁰⁶. Конечно, оболгавши и оклеветавши, может быть, и не существующего Бога, делали из него узду, но это же был обман и обман, церковь на девяносто девять сотых для этого обмана только и создавалась. Но теперь уже всякому разумному человеку ясно, что никакие выдумки не помогут и все обманы распутаются, и Бог, если он и есть, вовсе не узда, прежде всего потому, что Бог есть любовь, и вне любви — он не имеет никакого смысла.

Помолчали несколько минут, а затем отец опять заговорил:

— Вообще Бог, если он есть, не для калечения жизни существует же, а для ее правды, красоты, радости. Если Бог создавал человека, то для чего? Для радости, голубчики мои, для радости, значит бери эту радость, наслаждайся, твоей радости Бог только и сам порадует, а не то что не позволит, покарает и т. д. Если есть Бог, то он не палач и не меч карающий, не кнут, а любящий отец, который детям своим никакой радости не воспрещает, на всякую радость их благословляет, всякой их радости сам радуется всем своим большим любящим сердцем. Понимаешь?

Но дядя Ваня не только уже не понимал, но и не слышал последних вдохновенных слов отца, он сладко спал в своем удобном кресле.

Разговор на всю жизнь запомнился Жене, но особенное впечатление на нее произвели заключительные слова отца о дозволенности всякой радости, о благословении ее Богом, если он есть. Они и сформировали в основном ее либеральную мораль, ее представление о том, что ничто, могущее согреть душу человеческую и дать радость телу, не запрещено никем, все позволено.

Дядя Ваня уехал не один, он забрал с собой и Женю, — надо же ей было учиться!

— Детей у меня нет и, — улыбнулся, — надо полагать уже и не будет, ну, будет мне за дочку в некотором роде — говорил он отцу, уговаривая отпустить Женю.

Отец отпустил. По приезде в Петербург сейчас же нашли Жене учительницу и засадили за науку, а с осени отдали в гимназию. Училась она не особенно усердно, но все же удовлетворительно. Плохо ладила с математиками, с трудом на тройках выезжала, во всем остальном успевала значительно лучше, кроме рукоделия, которого терпеть не могла и в котором из «неудовлетворительно» не вылезала. Откровенно говорила учительнице рукоделия:

— Вот еще, — что я старая баба чулки вязать да штопать?

— Будешь же когда-то и старой, тогда пригодится! — урезонивала учительница.

— Тогда и научусь.

— Тогда уже поздно учиться будет.

— Да я и не буду старой, мне цыганка ворожила: до сорока не доживу.

— А ты ворожкам веришь?

— А то как же? Наша цыганка кому что наворожила, все так по вороженью и вышло.

Чему училась с увлечением, с восторженным упоением — так это танцам.

— Как закружишься в вальсе — говорила подругам, — так голова кругом пойдет, — все куда-то далеко-далеко уходит и, так и кажется, что вот-вот поднимешься и полетишь, полетишь!

И в театре больше всего увлекалась балетом. Хохотала на «Женитьбе» и «Ревизоре», трепетала и плакала на «Грозе», любила «Евгения Онегина» и «Пиковую Даму»¹⁰⁷, но все это не отрывало от земли, хотя земное и выглядело в театре преображенным, очищенным, звучало празднично, торжественно. Глядя «Спящую красавицу» или «Щелкунчика»¹⁰⁸, испытывала сладостное головокружение, ощущала вырастающие крылья, наяву переживала сны, в которых летала, попадала на другую планету, упоительно, сказочно прекрасную.

Подруг близких, тем более интимных, не имела, все интимности исчерпывались скабрестнейшими анекдотами, которыми чуть ли не с первого дня начала просвещать наивную провинциалку две-три товарки с виду самые скромненькие. Не помнила себя Женя не знающей «тайн» пола, но привыкла, что ко всему этому вокруг нее относились просто,

как и ко всему житейскому, грубовато называя вещи собственными именами, и это исключало интерес к ним, исключало скабрёзность. Скабрёзные анекдоты товаров породили нездоровый интерес к вопросам плоти, в сторону их направили работу воображения и, рано пробудив чувственность, начали волновать любопытством заглянуть в тот мир, который сулил приобщить к запретным сладостям.

Пристрастилась к чтению, главным образом романов, перечла их многие десятки, сотни. Дядя очень полюбил Женю, привязался к ней, восхищался ее умом и часто говорил жене:

— Ну, бывает же такое, ты посмотри: вдвое моложе остолопа братца — Леша по воскресеньям приходил к дяде обедать, и дядя всегда подсмеивался над его чудачествами, — вдвое моложе, а на 100 процентов умнее и толковее!

Очень любил по вечерам беседовать с племянницей.

— Ну, что сегодня читала?

С этого обыкновенного начинался разговор, вроде следующего:

— «Войну и Мир» дочитывала.

— Хорошо, правда?

— Очень хорошо.

— А Наташа Ростова нравится?

— Нравится, а лучше сказать нравилась...

— Как-то нравилась, а теперь уже не нравится? Разонравилась? Что же ты такая непостоянная?

— Да нет, дядя, нравилась вначале, девочкой, ну, там Борис, даже Андрей — все это еще ничего, а потом как уж спуталась с этим одороблом Пьером, так в курицу обратилась.

— А Пьера не любишь?

— Да за что же любить его? Чучело какое-то!

— А кто же нравится?

— Да многие... ну вот, и Андрей Болконский — ничего себе, хоть и малахольный порядочно. Кутузов очень нравится. Ну, да он уж старик, вот-вот в отставку из жизни выйдет... А больше всех Денис Давыдов нравится.

— За что?

— Веселый, храбрый, беззаботный, легкий какой-то! Старик Ростов тоже хороший. А только и у всех хороших какой-нибудь недостаток, изъян да есть. Совсем, как и в всамделишной жизни.

— А в всамделишной жизни разве все с изъяном?

— Все, все! — отвечала, не подумав.

— Ну, например, и я с изъяном? Есть у меня изъян? Сконфузилась. Тихо сказала: у всех есть, значит, и у Вас должен быть.

— Да ты не стесняйся, учись правду в глаза говорить. Ну, какой же ты у меня изъян нашла?

Помялась.

— Ну, ну, не стесняйся! Что нашла, говори.

— Ну, вот, дядичка, — выпивать любите...

Рассмеялся.

— Правда, твоя правда! Это у нас фамильное, все в семинарии выучились. Ну, что ж, это по крайней мере не вредит никому...

— А Вам вредит, дядичка.

Говорил жене:

— А, право, из нее толк будет! И очень хорошо, что к наукам пристрастия не имеет. Не женское это дело, сушит сердце, ущербляет счастье. Женщине нужны солнце, музыка, цветы, а наука... Только неудачницам. Я вот это и слушательницам своим всегда откровенно говорю, смеются, спорят, а вижу, многие сердцем, если не головой понимают, прав старый профессор.

Был профессор человек несколько старого покроя: все его житейские идеалы, вкусы особенно, — были в прошлом, тяготели к «Домострою»¹⁰⁹, но без его ребросокрушительных тенденций. Насилие претило его мягкой натуре, оскорбляло его вкусы. Широко терпеливый, либеральный, он вообще отрицательно относился к запретам: и чувства против них протестовали, и разум научал понимать их тщету. Большая величина в своей специальности, подолгу живший и работавший за границей, уже около 30-и лет — столичный абориген, в последние годы столичная знаменитость, профессор сохранял провинциальную скромность и наивность, даже провинциальный облик. Но его отсталость в общественных вопросах вытекала не столько отсюда, сколько из горячей любви к молодежи, к идущим на

смену поколениям. Им ведь надо пожелать счастья, а даст ли его наука? В бездне премудрости — бездна печали и умножающий познания, умножает печали, гасит радость. Науку любил, отдавался ей безраздельно, ценил то чувство большого внутреннего удовлетворения, какое от нее получал. Но дело ведь не в единицах, а в общем уровне. А что она дает общему уровню жизни? Ну, дифтерит почти победили, с бешенством справились, еще раньше оспу обуздали. Это, конечно, большие победы разума. Но что он, разум, дал для человеческого счастья? Наука требует всего человека, всего внимания, усидчивого труда, а жизнь тем временем уходит, жить некогда. И даже счастливики (а сколько их на тысячу?), проводя всю жизнь в напряженном учении, наблюдении, непрерывном опыте и, наконец, чувствуя полную зрелость мысли, меткость внутреннего глаза, чуткость внутреннего уха, вместе с тем ощущают упадок сил и убеждаются, что тот или иной орган уже заинтересован в их скорейшей смерти. И долгое учение, монблан наблюдений, все сокровища опыта гибнут, не успев дать тех достижений, которые примирили бы с отказом от радостей жизни. Много ли таких удачников, как Николай Коперник, Чарльз Дарвин, Пастер, Рентген, Иван Петрович Павлов? Ну, о ремесленниках науки уже и говорить нечего! Несчастнейшие люди! Ни себе, ни людям. И тонут они, как маленькие дети купаясь летнею порой, не только по, так сказать, техническим причинам — для

жизни времени не оставалось и все прошло мимо, — а главным образом в результате того психического разложения, какое несет с собой убогенький рационализм, бескрылый, плоский позитивизм, которые для многих развязывают того негодяя, что в каждом стоит на стороже, ожидая своего часа, зовут принять участие в той цинической пляске мертвецов, какую так жутко изобразил Достоевский, а у тех, кто по здоровому инстинкту жизни этой опасности избегает, отнимают счастье непосредственного восприятия житейских радостей, не мудрствуя лукаво. Все направление умственной культуры человечества враждебно человеческому счастью и недаром такой умница как Ницше сошел с ума от отчаяния и свои здоровые тенденции утопил в окошечке эпатирующих и реакционнейших нелепостей.

В беседах со своими слушателями-учениками, которые очень любили и уважали профессора, хотя и подсмеивались над его отсталостью, напоминал курицу, высидевшую утят и теряющуюся, когда они бросаются в воду и плывут. Теряться он не терялся, а искренно скорбел: вот, думают, что плывут к победному торжеству разума, а того и не знают, что вот-вот или разобьются о подводные камни, или, что много хуже, застрянут на непроходимой мели житейской пошлости. Иногда так тосковал от этих мыслей, что искал утешения в семинарской выучке. А отсутствию у любимицы Жени вкуса к рационализму, ее эмоциональной непосредственности

искренне радовался. Часто говорил жене: пусть не будет ученая, лучше пусть будет счастливая. У нее к тому все возможности есть — связь со здоровым началом поповского кодла, привязанного крепко, жадного к земному и равнодушного к оболящениям сухих рационалистических соблазнов, несомненная одаренность. Не обижена природой, как бедняжка Леша, который от одного берега отстал, а ни к какому другому не пристал, да никогда и не пристанет. Ни Богу свечка, ни черту кочерга! Карикатура какая-то!

Гимназии Женя не окончила, налетел смерч и нарушил мирное течение нормальной жизни. Отца своего она так больше и не видела. За год до революции его вызвали как-то к умирающему с дарами в соседнее селение верст за 10. Совсем уже под этим селением надо было переезжать реку, а лед на ней посинел и вздулся. На берегу собралось с десятков саней.

— Что тут делаете? — спросил отец Алексей.

— Да вот, на тот бок надо.

— Ну, так что, за чем остановка?

— Да лед сумнительный, боязно.

— Так чего же ждете?

— Да на тот же бок надо. Вот один с пол часа тому назад проскочил благополучно, отважился.

— А до каких же пор у Вас через реку ездить отваживаются?

— А пока кто не утопнет, барошка.

— Значит, кому-то надо утопнуть! Ну, поганый же — обратился к своему вознице, — ведь больной ждет утешения.

— А у меня, барошка, дети маленькие, боюсь осиротить.

— Ну, так слазь, я один поеду.

Возница слез. Отец Алексей взял вожжи в руки, перекрестился и, сказав:

— Ну, двух смертей не бывать, а одной не миновать. Трогай! — взмахнул кнутом.

— Молодец поп, храбрый! — сказал кто-то.

А «молодец» — «одной» не минул, не доехав до середины реки, провалился и вместе с лошадьёю пошел на дно «годувать раків», как сострил кто-то на берегу.

Через год налетел смерч, разразилась революция. Брат Женин Леша вдруг воспылал патриотизмом и с мандатом от самого Александра Федоровича Керенского¹¹⁰ отправился на фронт уговаривать солдат в необходимости наступления. Сначала его слушали равнодушно, но без раздражения. Подавали советы:

— Заткни хайло!

— Дай отдохнуть болтану!

— Ты бы туда к австриякам перескочил, до их уговорил отступить по домам. Ну, мы бы тогда по их следам, может, и наступали.

Потом его выступления надоели, стали его посылать ко всем чертям и угощать многоэтажны-

ми ругательствами. Наконец, попал он на участок, где настроение было особенно обострено и только Леша заговорил, как к нему подошел солдат с перекошенным злобой лицом и сказал:

— Слушай, проваливал бы туда, откуда пришел!

— Я прислан сюда Александром Федоровичем Керенским...

— Ну, так и вернись к нему, поцелуй его в задницу — и сильно толкнул Лешу.

Леша едва устоял на ногах и попробовал угрожать:

— Вот я тебя прикажу арестовать, узнаешь, где раки зимуют. Я...

Но не договорил. Другой солдат, подойдя сзади, надел ему на голову тяжелый шлем и патриотический череп не выдержал силы удара, треснул. Через 2–3 часа Леша умер.

У Жени никогда не было с Лешей какой-нибудь интимной близости, но все же он был братом и его смерть как-то обрывала последнюю, почти последнюю ниточку ее связи с семьей, со «своими». Остался еще дядя Ваня, но и он в последнее время сильно подался, страдал сердечными припадками, даже пить и курить бросил.

«Вот умрет дядя — думала часто Женя — и останусь я одинокой в чужом мире!»

И от этих мыслей становилось жутко. Тетя Клавдия Сергеевна относилась к Жене тепло и дружелюбно, но как-то никогда не смогла, не сумела она

стать для племянницы мужа своей «родственницей», оставалась «чужой». И потому так обрадовалась Женя возможности приобрести в этом пустынном мире своего человека. К Клавдии Сергеевне приехал погостить молодой инженер, сын ее давно умершей сестры Константин Сергеевич Москаленко. Костя сразу начал приударять за хорошенькой гимназисточкой и сразу почувствовал, что имеет у нее успех. Жене льстило его ухаживание, нравилось чувствовать себя взрослой, ощущать дразнящее любопытство: как это все бывает? И кружила голову, томила сладостная истома, каждую минуту готовая разразиться беспричинным смехом, или потоками веселых слез, подобными поющим, звенящим весенним ручьям, беззаботно прыгающим и уносящим в бурном беге все подхваченное на своем пути. Жизнь воспринималась, как легкая музыкальная пьеса, то заставляющая трепетать каждый нерв, то погружающая в мечтательную дрему, как балетный танец, захватывающий в своей пьянящем кружении, поднимающим навстречу в таком же кружении пляшущим бесконечно далеким планетам. И самая будничная повседневность казалась особенно милой, ласковой, значительной и желанной.

Ходили вместе в кино, гуляли по набережным красавицы Невы, ездили на острова и уже в конце второй недели Костя сказал Жене:

— Женя, скажите, ну, зачем Вам кончать гимназию?

— А что? Как зачем?

— Да так вот, зачем? Ведь Вам уже 16 лет есть?

— Даже шестнадцать с половиной, стойте, больше половины — 8 месяцев!

— Ну, вот, мне-то почти вдвое больше, но все же я не стар ведь, выходите-ка лучше за меня замуж!

И радостная восторженность отвечала ее устами:

— Отчего же нет?

— Согласны, значит?

— Еще и как согласна, милый! — и упала в Костины объятия.

На завтра же или послезавтра записались в районе, а через две недели, накануне отъезда «молодых» к месту Костиного служения, по настоянию дяди Вани, повенчались.

— Одна запись в районе — шутил он — это все равно, что только «вокруг кустика», нет, с попом — крепче, а, главное, привычнее. — и уже серьезно прибавил — Форма, обряд, даже выветрившиеся, опустошенные изнутри, — в серьезных случаях жизни, сохраняют обаяние традиции — греющей и настраивающей торжественно. Обветшало, а красиво и надо ценить орнаментику.

С ним не спорили, сразу согласились и роль посаженного отца он разыграл важно и серьезно. Когда после венца явились домой, поцеловал обоих, поздравил и пожелал много лет счастливой

супружеской жизни и даже сам откупорил бутылку шампанского, а затем, чокаясь, сказал Жене:

— Вот за тебя и за твое счастье пью последний раз в жизни.

И не ошибся. Месяца через три-четыре он умер.

III

Жизнь с Костей у Жени пошла спокойная, довольная, немного однообразная. Знакомые были, но одна к ним ходить не любила, Косте же было все некогда, да и не любил он ходить в гости. Когда выкраивал себе свободное время и дорывался до карт, выпивки, пенья, предпочитал все это устраивать у себя дома, и от всего этого Жене доставались только хозяйственные хлопоты. Ничего против них не имела, даже отдавалась им ревностно, с увлечением, но ни уму, ни сердцу они, конечно, ничего не давали. Даже от танцев, может быть, и не разлюбила их, а отошла, отстала, на клубных заводских вечерах танцевала очень редко и о них, надув губы, презрительно говорила:

— Тоже танцы у нас в клубе! Тупают, как медведи, а воображают — танцуют!

У заводских дам прослыла горячкой и это обрекло ее на одиночество, которое наполнялось чтением и мечтами, откровенными беседами с собой самой. Мечты и эти беседы направлялись чтением романов и оттого, главным образом, вращались

около вопросов любви и всего из них вытекающего. С особенным удовольствием и увлечением предавалась своим мечтам и излюбленным «теоретическим» рассуждениям о любви во время своих лесных прогулок, которые очень любила. Летом забиралась в самую чашу и, легши под деревом на спину, подолгу, немного прижмурясь, смотрела, как по небу проносятся перистые облака, теряла чувство действительности, мечтала:

— Ну вот, выскочил бы в припрыжку ко мне из лесу козлоногий фавн, поигрался б со мной, побаловался — мечты становились фривольными и откровенно похотливыми, но и похоть у нее тогда была почти что невинная, наивная, чистая, похоть лесного зверька, — и я бы с ним поигралась, побаловалась, а то, — надувала губки, — все Костя, да Костя, милый, хороший Костя, я его ужасно люблю, а еще больше полюбила б, если б с фавном побаловалась немножко, ну, хоть совсем немножко, капелюточку!

Вдосталь насладившись мечтами, утомившись ими, принималась подолгу всерьез с разных сторон обсуждать вопросы семейной жизни, супружеской верности.

«Отчего — спрашивала себя — большинство животного мира — зверей и птиц — куда как умней человека? Есть, конечно, и среди них глупые, совсем как люди. Вот аисты, говорят, на всю жизнь спариваются. Ну, это еще ничего. Разве, например, взять хоть меня, разве я не согласна всю жизнь

жить с Костей? Даже представить себе не могу, что б я его бросила, а попробовал бы он меня бросить! Пускай бы попробовал! Но вот, говорят, случаются у аистов измены, не знаю там, что бывает, если он изменит? Наверное, ничего, как и у людей. Изменил, так изменил. Но вот изменила она, аистиха, — экая беда, подумаешь! Сказать бы: на здоровье, голубушка! Так нет же, собирается семейный совет, цокотят, цокотят, а потом все бросаются на виновную (подумаешь, вина большая!) и заклевывают до смерти. Совсем, как люди. Ну, люди, положим, теперь уже не заключают (чуть-чуть поумнели), но осудят, очернят, обпачкают, прохода не дают, не заключают, а походя клевать будут безжалостно и беспощадно. Ну, это не удержится. Всему на свете перемена бывает и это переменится. И давно пора! Тут за женщинами самими остановка. Смелей должны бы свое брать, ни на какие осуждения внимания не обращать. У меня, по крайней мере, смелости, наверное, хватило бы.»

Ну, и понятно, — Женины мысли о верности мужу и допустимости отступлений от нее, конечно, не остались только «теоретическими»: ее темперамент энергично стремился к соответствующей практике, возбуждал о ней страстную томительную тоску. И для практики нужны были только подходящий случай и благоприятная обстановка. Случай, конечно, подвернулся, благоприятную обстановку она сумела создать. В долгом времени иль вскоре,

скорей вскоре, потому что не больше чем через год на их заводе появилась гастролирующая культ-бригада, а в составе ее молоденький мальчик, пожалуй, может быть, еще и 17-и лет не достигший, на верхней губе только-только обозначились усики, товарищ Борис декламировал пролетарские стихи. После музыкально-вокального вечера в клубе завода состоялись танцы. Забежавший на минутку в клуб Костя, он был очень занят на заводе и не мог долго оставаться на вечере, — сам познакомил Женю с товарищем Борисом и его компанией по бригаде, просил взять их под свое покровительство. Но Женино покровительство товарищу Борису, Боре, как она уже нежно мысленно называла очаровавшего ее мальчика, было обеспечено и без чьих-либо просьб. На него она сразу нацелилась, а другие, а с ними и вообще все на свете, для нее перестали существовать. Танцевали. В клубном зале было жарко и так убого, что все это не было подходящей обстановкой для подворачивавшегося случая. И Женя через полчаса уже сказала товарищу Борису:

— Знаете, Боря, тут нестерпимо жарко, дышать нечем, давайте-ка пройдемся с Вами в лес, — это тут всего несколько шагов.

— Отчего же? Давайте пройдемся. Я с удовольствием.

И они отправились подышать свежим воздухом леса, где Женя надеялась найти вполне подходящую обстановку, в чем и не ошиблась.

В лесу было темно, но над верхушками деревьев ласково молчали мириады звезд, проливавших в целомудрие торжественной тишины веления вечной мудрости, сулящей счастье. В этих посулах сомневаться нельзя было, ведь оно, счастье, было вот здесь, надо было только взять его. И Женя взяла. Не была она опытной соблазнительницей, не была Пентефрией¹¹¹, но обольстить неопытного мальчика, не сопротивлявшегося, подобно Иосифу, не представляло больших трудностей. И Женя дала ему жгучую радость первого обладания женщиной, а взамен того от него получила то разнообразие в любовных наслаждениях, о котором давно уже страстно мечтала.

А часа через два-три уже поздно ночью, когда муж пришел с завода смертельно усталый и хотел сразу завалиться спать, Женя этому воспрепятствовала, добросовестно стараясь доказать себе, что от всего происшедшего в лесу Костя ровно ничего не потерял. И добросовестность этих стараний достигла такой интенсивности, что даже Костя, вообще мало внимательный, почувствовал что-то необычное.

— Что с тобой, Женичка? — спросил ласково.

— А что?

— Да ты сегодня какая-то особенная. Что с тобой?

— А ты мной доволен?

— Очень. Но что с тобой?

— Много будешь знать, скоро состаришься — отвечала довольная собой и всем на свете Женя, теперь можешь спать.

Через пять минут Костя уже похрапывал, а Женя еще долго переживала в мечтах лесную поэму, лесную симфонию. А во сне видела Борю, только еще значительно моложе того, каким он был в действительности, совсем еще глупыша, ничего не понимающего, всему надо было учить его. Учение доставляло ей жгучее наслаждение, но когда проснулась, почувствовала, что краска стыда заливает лицо. Очень уж стыдный сон!

На утро рано бригада уехала, и Женя Бори больше не увидела. Радостное разнообразие оказалось мимолетным, скоро проходящим. Но сохраняемое в тайниках души всегда трепетно-живое воспоминание о нем питало надежды на волнующую возможность повторений.

IV

Однако возможность повторений как-то не вытанцовывалась, случай не подворачивался, не выходил долго, очень долго. Женя даже перестала ждать его и жизнь потянулась будничная, серая и пресная, растительная, но все же счастливая, вполне во всяком случае благополучная. И Костя хотя казался часто через чур прозаическим и немного приелся, надоел, но, в сущности,

оставался необходимым, в сущности, любила его.

«Все ведь самое любимое — думала (у Жени никогда не было близких подруг, с которыми бы откровенно могла и умела разговаривать по душам, все, все выкладывая, но думать привыкла словами, законченными фразами, точно разговаривала с кем-нибудь), — все самое любимое приедается и надоедает. Уж на что, кажется, блины люблю, а съешь пять, шестой уже в рот не лезет. На завтра же набрасываешься на них, как в первый день творенья. Или вот попробуй каждый день блины и блины, — как надоедят! После масленицы и пост радует. Все живое требует разнообразия!»

Так вот и с Костей, ну, надоел немного, конечно, ну, приелся и от «гречки», от разнообразия — она очень бы не прочь, но совсем отказаться от Кости, расстаться с ним, лишиться его привычных ласк, его привычной, грубоватой и будничной, но нужной, нужной (!) любви, нет, ни за что этого Женя не хотела.

По-прежнему запойно читала романы, а от этого чтения сложилось у нее непоколебимое убеждение, что никакой добродетели не существует, — разве что для безобразных и больных, нужно же человеку всякому хоть какое-нибудь утешение, ну, вот пусть эти калеки несчастные, Богом или природой обиженные, утешаются добродетелью, никому это не мешает. А здоровым и нормальным, природой

не обиженным, а щедро одаренным, украшенным, нет, им никакой добродетели не нужно, зачем она? Чтобы гасить радость, стирать яркие краски? И нет ее, нет. Только заденет человека своим крылом страсть, настоящая, крепкая, как всякая добродетель в тартарары кувырком летит. Сколько бывает — «свята та божа», а хлебнет из радостного кубка пьянящего напитка, так эта святая самого черта кой-чему научит. И сколько бы этого ни осуждали ханжи и лицемеры, а никакие осуждения ничего не изменят: так было, так будет!

Так продолжалось долго, много лет — до самого того времени, когда на заводе в качестве Костиного помощника и заместителя появился Петр Семенович Вербов.¹¹² От Бори до Вербова за десять лет с гаком Женя, правду сказать, один раз таки согрешила «от скуки», как уверяла себя, но так неудачно, что не любила этого случая вспоминать и научилась ощущать его никогда не бывшим, хотя он и отбил у нее охоту искать легких развлечений и научил некоторой осторожности.

Как-то поехала с Костей в Киев, остановились у дальних родственниц его, древних старушек. На другой же день Косте пришлось по делам своим куда-то на сутки съездить. Женя могла развлекаться по своему вкусу вполне свободно. Пошла вечером на музыку в Пролетарский сад, наслаждалась очарованием заднепровских далей, но как-то незаметно увлеклась красотой показывавшего на открытой

сцене «маленькое проворство рук» фокусника и его изумительным искусством, в котором ему помогал чудовищно безобразный субъект весьма подозрительного вида. Кончила тем, что когда фокусник сошел с эстрады, пристала к нему с просьбой объяснить ей заинтересовавший ее фокус, а в действительности ближе хотела взглянуть в его жгучие красивые глаза, вообще рассмотреть красавца во всех подробностях. Красавец — не то армянин, не то грек, может быть, болгарин или румын — человек прошедший огонь и воду, и медные трубы, сразу сообразил, что дамочкой не трудно воспользоваться. Сделал томные глаза, и вообще удвоил свою интересность и сказал:

— Ну, как же, голубушка, я здесь Вам объяснять буду? Вот хотите, пройдем ко мне, я здесь очень недалеко живу, я Вас чайком угощу и все фокусы объясню.

Женя легкомысленно согласилась, и они пошли под руку, при чем фокусник сказал державшемуся в нескольких шагах помощнику:

— Сандро! Беги вперед, приготовь все к чаю! — и Сандро исчез.

Идти, действительно, пришлось недалеко, но и за короткий путь флирт с незнакомцем уже достиг большого напряжения. Пришли. Сандро возился с чаем, но фокусник незаметно сделал ему выразительный жест и тот вышел в соседнюю комнату. Тогда вдруг достаточно грубо проявил страстное

нетерпение и, подталкивая Женю к постели, сказал, переходя на «ты»:

— Знаешь, сейчас давай немного побалуемся, а уже тогда чаек пить будем и фокусы объясню.

Женя по легкомыслию ничего не имела против такой программы и шла ей навстречу.

— Ну, раздевайся!

Пенящийся кубок был выпит до дна, а затем вместо чая и фокусов произошло нечто ужасное.

— Сандро! — крикнул фокусник, вставая с постели, не хочешь ли и ты полакомиться дамочкой?

Сандро вошел, быстро сбросил по пути верхние одежды и раньше, чем Женя успела опомниться, почувствовала себя в объятиях отвратительнейшего грязного существа, пропахшего насквозь потом, махоркой и водкой.

Спротивляться было бесполезно. Затем оба ничего не возражали против отказа Жени от чая и объяснения фокусов, но когда уходила, красавец вдогонку крикнул:

— Хочешь, завтра приходи, все фокусы мы тебе с Сандро объясним!

Женю тошнило от отвращения и даже воздух казался ей пропахшим потом, и махоркой, и водкой. Дома, погрузившись в ванну, залилась слезами и никак не могла добиться впечатления, что вся грязь, в которую окуналась с головой, смыта, а запах махорки, пота и водки преследовал довольно долго, даже в Костиных объятиях душил, а Костя удивлял-

ся, отчего она нервно вздрагивает, не бывало этого никогда ведь. Понадобилось немало времени прежде, чем научилась случившееся ощущать как не бывшее никогда.

Но вот исполнились времена и сроки — и на заводе появился инженер Вербов. Молодой, всего года на 2 на 3 старше Жени, красивый, весь какой-то крепкий и статный, он сразу, конечно, обратил на себя Женино внимание, сразу родил у нее мысль, — не он ли? Но хотя сам Костя все сделал, чтобы облегчить нормально неизбежное, — привел к себе, представил Жене и сказал: «— Вот, голубчик, поухаживайте за женой, развлекайте, а то закисла красотка у нас на заводе, муж надоел...», а дело не пошло гладко, затянулось. Не отдавая себе отчета, чем именно новый инженер возбудил у Жени не чувственный интерес к молодому красивому мужчине, казалось, посланному судьбой в утешение, а какую-то непонятную, непобедимую жуть. Что-то в лице его Женя читала роковое, пугающее, замораживавшее фривольные мысли, тем более чувства. Может быть, этому содействовали некоторые странности молодого инженера. С самых юных лет он усвоил себе привычку носить маску «загадочной натуры», человек с роковыми тайнами, тщательно запрятанными от всего мира глубоко внутри, хоть тайн-то у него никаких и не было, да не было и особенной глубины внутри.

Женя ему сразу приглянулась и уже в первый день знакомства он готов был не только завязать с ней легкую интрижку, но, пожалуй, и отбить у товарища. Стал обдумывать план кампании. Атака в лоб? Способ с большинством женщин, обыкновенно, верный и самый скорый, но и небезопасный. Ведь какие бывают шальные женщины, вот и у этой в лице ни тени благосклонности, только суровая сдержанность, сухая замкнутость. «Да нет, приходите, всегда буду рада» — любезна, но не искренне, душевно, а заученно, для приличия. Подступись к ней неосторожно, чего доброго, по физиономии ляпнет, а то и скандал отколет такой, что только давай Бог ноги. Попробовал делать разведку, но ничего утешительного, ничего обещающего она не дала, и сухая робкая замкнутость не сдавала своих позиций, не отступала.

Это задело мужское самолюбие, почти обидно. Сказал себе: «ну, хорошо, красавица моя, постой, — неволей иль волей, а будешь моей», и решил действовать тихой сапой. К маске «загадочной натуры» стал подбирать плащи разочарованности, непонятости, тоскующего одиночества, неизлечимых мук. Последний возбуждал его особенные надежды. Помнил, что Дездемона Отелло «за муки полюбила» и думал, а отчего бы Жене не пойти на эту удочку? И вдруг с замиранием сердца почувствовал, — как будто клюет. Почувствовал это в разговоре с Женей, обнаружившем, что у нее уже загорелся огонек

интереса к его душевной жизни, и интерес этот даже согрет теплым сочувствием. Дело мое в шляпе — подбадривал себя и не ошибался. У Жени, действительно, проснулась ласковая жалость к мятущемуся какими-то непонятными, но, очевидно, тяжелыми страданиями. И так хотелось чем-нибудь облегчить, чем-нибудь утешить, согреть одинокого страдальца, у которого, как говорил ей неоднократно, ни одного близкого человека нет в целом мире.

— Отчего Вы так редко заходите? — как-то спросила мечтательно-нежно.

Петр Семенович делал последние усилия.

— Да, знаете, неохота же своим унылым видом омрачать настроение счастливых людей.

— Ну, что Вы, милый! Нет, Вы заходите, я Вас постараюсь утешать.

— Знаете, — будто не слышал — иногда думаю, не лучше ли всему этому раз и навсегда положить конец?!

Испугалась.

— Да Вы с ума сошли, Петинька! — впервые позволила себе это нежное обращение — Вы еще так молоды, вся жизнь у Вас впереди.

— А что она мне даст?

— Все, чего сумеете как следует захотеть, только захотеть надо по-настоящему!

— А я вот этого, очевидно, и не умею.

— Ну вот, видите, я же и говорю: заходите почаще, я постараюсь Вас этому научить.

Поблагодарил взволнованно, но в ответ прибежал к обдуманному тщательно шахматному ходу, который мысленно называл «шах королеве», говоря себе при этом: «не уйдешь, не уйдешь, голубушка!» И не ошибся. Не ушла. «Шахматный ход» состоял в том, что после приведенного разговора вдруг совсем исчез с ее горизонта, целую неделю не показывался, не приходил не только к Жене, но вообще, кроме как на работе, не появлялся нигде, заперся у себя. И когда Костя раз за обедом сказал:

— Знаешь, что-то неладное творится с нашим Петром Семеновичем, боюсь за него.

А на ее вопрос:

— А что с ним? Чего боишься?

Ответил:

— Да черен, как туча, молчит, слова из него не выжмешь. Боюсь, не застрелился бы, был у меня в жизни один такой случай.

И хотел было этот «случай» подробно рассказать, но Женя всерьез взволновалась и слушать не могла, перебила вопросом:

— Но что же делать с ним?

— Вот то-то и оно, что не знаю, голубушка, ничего как есть не придумаю...

И после короткой паузы добавил:

— А ты, знаешь, как-нибудь к нему бы зашла, может развлекла бы, подбодрила сочувствием, женщины это умеют, тебя учить не надо.

— Но удобно ли мне заходить?

— Удобно ли? — даже удивился — Что же тут неудобного? Зайди, непременно зайди!

Конечно, в тот же вечер побежала.

Мрачный демон торжествовал победу, но торжества своего ничем не обнаружил, наоборот все силы употребил на сгущение мрачности, в конце концов даже прослезился.

Терпеть не могла Женя мужских слез, и Петины слезы в первое мгновение начали было гасить ее нежную жалость. Был даже момент, когда хотела встать, попрощаться и уйти, но увидала на столе массивный револьвер и вспомнила Костю: «боюсь, не застрелился бы». И не ушла. Решила, слезы надо утереть, это ее долг, товарищеский долг. Только во исполнение повелительного долга начала ласкать меланхолика. «Пора!» — решил Петя и страстно привлек Женю к себе, а у Жени нежная ласка вдруг переросла в неудержимое чувственное желание, взорвалась испепеляющим пламенем. Зажмурила глаза и бросилась в сладкую бездну, отдалась радостно и безудержно.

V

А с того же дня начались Женины разочарования и неприятности в отношениях с Петей. Что он свою маску «загадочной личности» снял и все «интересные плащи» сбросил, это еще куда ни шло,

пожалуй даже было к лучшему. Ведь и сама же она ему в тот же вечер сказала:

— Знаешь, я терпеть не могу туч, люблю солнышко!

Но немножко все-таки обидно было вместо, вселявшей некоторую жуть, «загадочности» найти самую тератерную обыденность. Однако, это не мешало ее чувственности с удовлетворением принимать его любовь, как дополнение к потерявшим привлекательность остроты ласкам мужа. Было только очень неприятно, что Петя, отбросив все «шахматные хода», стал вести себя так, точно приобрел на нее какие-то права. Ласк, нежности, любви не старался заслужить, хотел брать, как что-то ему принадлежащее. И это раздражало, сердило, подчас отдаляло. Хотела его проучить и подолгу уклонялась от интимных радостей, увертывалась от его притязаний, увертывалась до тех пор, пока чувственность не побеждала ее сопротивления. Петя ничего в этом не понял, ни в чем не разобрался. Решил, что на его дороге стоят ее отношения с мужем. И начал приставать с предложением Костю бросить.

— Да ты с ума, голубчик, сошел! — возмутилась Женя — Что выдумал! Да за что же я Костю обижу? Ни за что не обижу, не хочу и не могу этого. И потом, — я тебе, кажется, показала, как люблю тебя, а все-таки и Костя мне нужен, понимаешь, мне нужен.

— Как это так, и я желанен, и Костя нужен? — возмутился Петя.

— А вот так и ты желанен, и Костя нужен!

— Да ведь это же разврат!

— Зачем произносишь гадкие слова? Не понимаешь, так молчи. Бери, что дают и не рассуждай. Хочешь быть вторым петухом в моем курятнике, милости просим. Будешь мой славный петушок, золотой гребешок, а не хочешь, тут я тебе ни в чем уж помочь не могу...

— Да ведь в курятнике всегда один петух.

— Потому что петухи эти такие же умные, как ты, увидят другого, готовы друг другу глаза выклевать, помириться никак не умеют. А курицы ничего не имели бы и против второго...

— Сучки ничего не имеют и против целой стаи кобелей.

— Фи, как это мило! Разве можно женщине такие гадкие слова говорить?

— А можно женщине такие гадкие вещи делать?

— Фи, опять ты со своими грубостями! Я-то давно знаю, что все мужчины для своего брата все считают дозволенным и чем больше у мужчины побед, чем больше у него любовниц, тем большим его героем считают. А бедную женщину, только на второго благосклонно взглянула, сейчас чернят самыми гадкими словами. Хорошо это? Справедливо?

Но Петя не хотел быть справедливым, добивался своего.

Тогда Женя спросила:

— Так, по-твоему, два петуха не позволены?

— Даже спрашивать глупо.

— Не ругайся, пожалуйста, а то любить не стану. И слушай, ты говоришь, — нельзя двух петухов, а я хочу, вот хочу двух и не понимаю, почему нельзя двух? Да и ты этого, голубчик, не понимаешь!

— Не понимаю, пусть не понимаю, но не хочу.

— А это уже — excusez du peu¹¹³, простите, голубчик, не все же должно быть по Вашему хотению, посчитайтесь немножко и с моим! И потом, чтобы больше уж к курам не возвращаться, ты говоришь, в курятнике петух один, да, один, но вот зарежут этого петуха, другого пустят, курицы даже не заметят перемены, им все равно, лишь бы исполнял свое дело. А я, я же тебя люблю!

— И Костю любишь!

— И Костю люблю, привыкла к нему очень, никогда не обижу, никогда!

О чем было говорить с ней? Привлек к себе с каким-то злым отчаянием, словно задавить хотел в объятиях. Отдалась со всем пылом чувственной страсти, почувствовала себя утомленной, точно десять верст, не отдыхая, прошла, никак не могла прийти в себя, отдышаться. И сказала:

— Ну, и петух из тебя, не петух, а какой-то ястреб, коршун, хочешь у меня глаза и сердце выклевать.

— И выключу когда-нибудь!

— Я тебя выключу, грубиян ты этакий!

Помолчала и прибавила:

— Только помни, Петя, женщины не любят злых и злобствующих, любят добрых и ласковых, любящих.

— Да я ли тебя не люблю еще?!

— Любишь, знаю и чувствую, а оттого и прощаю многое. Ну, а любишь, так умей себя в руках держать, умей не только с собой, но и со мной считаться... А то, а то вот возьму и разлюблю! Нет, нет, ты не пугайся — разлюбить тебя трудно, верно и не разлюблю, но узду на тебя найду, голубчик, обязательно найду!

VI

Никакой, однако, другой узды, кроме более или менее длительного уклонения от интимной близости, более или менее длительного воздержания, которое самой часто становилось невозможным, а Петю выводило из себя, бесило, не нашла и не придумала. В припадках отчаяния пробовал Петя опять в мрачные плащи облекаться, не приходило подолгу. Но теперь это на Женю уже не действовало. Застрелится? Спрашивала себя и с уверенностью отвечала: не застрелится, комедию разыгрывает, глупый! А раз даже прибавила легкомысленно и жесткого: ну, а застрелится, так туда и дорога, одним дураком на свете меньше станет. И по-прежнему не разбирался в ситуации Петя, по-прежнему думал, что все Женины «фокусы» зависят от того, что на дороге

у него стоит Костя. И злобные чувства его направлялись не раз против ничего не подозревавшего и ни в чем неповинного товарища, к нему искренне благоволившего. Они стали оборотной стороной его страсти и с каждым днем вместе с нею неудержимо и быстро росли, отравляли мозг и сердце, мешали жить. В тот вечер он пришел после долгого перерыва, вконец измученный неутоленной чувственной страстью, запутавшийся во всей сложной для него ситуации. Женя тоже совсем истомилась долгим воздержанием и непрерывными драмами, которых терпеть не могла. Но решила строго вести свою линию, принудить Петю к послушанию. И тогда почти что силой взял ее Петя на том самом диване, на котором скоро после того лежал мертвый Костя. Женя долго сопротивлялась, а когда почувствовала, что сопротивление бесполезно, готова была кричать, позвать на помощь. Но было уже поздно звать на помощь, а к тому же чувственность вдруг нахлынула бурными волнами, взорвалась всесокрушающим взрывом. Судорожно вздрагивая, прижалась к возлюбленному, ни за что не хотела его отпустить от себя и, наконец, добилась повторения, в котором превзошла саму себя. А потом вскочила радостная и обновленная, протянула ему дружескую руку и беззаботно сказала:

— Ну, Петинька, значит, мир и согласие раз и навсегда? Раз и навсегда — второй петух в моем великолепном курятнике.

Петя поднялся мрачный и злой. Бросил:

— Знаешь, Женя, если будешь упорствовать в своем нежелании огорчить, или как ты там говоришь, — обидеть Костю, мне придется его устранить со своей дороги.

Поняла мрачный намек. Возмутилась, как никогда. Едва владея собой, сказала увесисто:

— Слушай, Петя, и не забудь того, что скажу: если ты посмеешь еще раз сказать мне что-нибудь подобное, я тебя беспощадно выгоню из моего курятника.

— Это мы еще посмотрим!

— Петя, с этим не шути, ничего тут тебе смотреть не придется, тут уж я буду распоряжаться и тут уж я, можешь мне в этом, голубчик, поверить, — сумею быть беспощадной.

И отошла к чайному столу, а когда начала включать электрический чайник, руки ее дрожали и провода никак не попадали в штепсель.

Петя тоже подошел к столу и как-то беспомощно опустился возле него на стул. Ничего больше не говорил, но волнение, видимо, удерживал с трудом. Через четверть часа вошедший Костя и застал обоих еще заметно взволнованными.

VII

Петя на Костиных похоронах не был, не мог быть: на рассвете дня похорон уехал на вокзал, телеграм-

мой вызванный в Москву. Стоял чудесный день конца мая, весна уже кончалась, в сущности, кончилась, на пороге ждал своей очереди заканчивающий созревание урожая июнь. Похороны прошли трогательно. Неуловимо чувствовалось, как любили все Костю. Кругом говорили:

— Ну и денек! Человек был ясный, вот и денег без хмаринки, без облачка на небе.

Над могилой говорились речи не шаблонные, кудрявые с заученными штампованными фразами, а простые, нескладные, но сердечные, теплые. Женщины всхлипывали. Женя не проронила ни слезинки и было ей оттого тем тяжелее: невыплаканные слезы камнем давили сердце, туманом застилала глаза. С Костей хоронила, думала, — лучшую часть своей жизни и было не так жаль Костю, как саму себя. Уже оставшись у выросшего могильного холма одна, бессильно опустилась на него и дала волю слезам, которых долго-долго остановить не могла, а, остановивши, старательно вытерла глаза и тихо пошла домой. Что же дальше? Не думала, прошлого не вспоминала, погружалась в равнодушную апатию.

На заводском дворе встречала рабочих, которые приветливо улыбались ей. Один сказал (был чуть-чуть выпивши):

— Ну, милая, помянули товарища начальника «незлим тихим словом»¹¹⁴, вряд ли такого наживем скоро — душа-человек был, настоящий товарищ...

ну, и начальник как следует быть, деловой и справедливый.

Когда прошла, оглянулся, посмотрел вслед и затем сказал компаньону:

— Смотри, брат, вдовица — гордячка какая! При народе, — видал? — ни малюсенькой слезинки, точно камень гранитный, а не женщина, не человек чувствительный, а вот на samotе — видал глаза красные? — поплакала-таки изрядно, власть...

Петя вернулся через пять дней, вернулся уже директором завода.

Приняв поздравления и наилучшие пожелания, «вступив в должность», после длинного, сумбурного и бестолкового дня — к вечеру зашел к Жене. Встретила его безучастно, апатично. Маскируя с трудом сдерживаемое волнение сухой официальнойностью, в которой, однако, явственно слышался тон шутки, спросил:

— Ну-с, сударыня, желаете оставаться директоршей?

Перед Женей впервые за все это время встал вопрос о будущем, но и это нисколько не нарушило ее апатии. Желает ли? А чего она может желать и как может не желать? От судьбы не уйдешь и суженного конем не объедешь.

Без всяких колебаний отвечала:

— Что же тут спрашивать, Петя?

Петино волнение сразу улеглось, сменилось так же трудно сдерживаемым радостным торжеством, заставившим поторопиться:

— Значит, завтра в Загс ходим?

— Ну, это нет, Петя. Надо же для приличия, для людского глаза с этим хоть немного подождать. Знаешь, я даже думаю — никогда не думала, сейчас только вспомнила, что Клавдия Сергеевна давно приглашала и много раз повторяла приглашение провести ее в Ленинграде и вдруг спросила себя, — отчего не провести одинокую старушку, отчего не дать себе отдыха от этой гнетущей привычной обстановки, в которой все это произошло?, — я думаю на месяц проехать к тетке в Ленинград.

План не очень нравился Пете, но у него нашлось достаточно такта не спорить, не возражать. Кисло улыбнувшись, спросил:

— А ты не надуешь, вернешься?

Даже в состоянии апатии покорило от грубости вопроса.

— Я, Петя, не надувало какой-нибудь и вообще со мной в этом тоне разговаривать нельзя.

— Ну, прости, прости, милая. Значит, вернешься непременно?

— А куда же мне деваться? Да и как же я обошлась бы без тебя?

Иронии последнего вопроса не ощутил, даже расцвел от него глуповатой самодовольной улыбкой.

От всяких нежностей уклонилась. Кратко, почти просительно сказала:

— Подожди, Петя, твое от тебя не уйдет. Дай мне немного прийти в себя.

И на этот раз у него хватило такта примириться с необходимостью отсрочки в получении своего.

— Я на днях же и поеду, а ты бы уж эти дни и не заходил ко мне.

Не нравилось, но не возражал. Вспомнил старую истину: «если женщина решила, то поставит на своем». Решил ей не противиться.

— Без меня можешь переезжать на свою директорскую квартиру. Только у меня в комнате не делай никаких перестановок, пусть все остается, как было.

— Ваши веления, сударыня, для меня закон.

Посидел еще с полчаса, поцеловал Жену руку и ушел, не очень в духе, но не давая плохому настроению овладеть собой.

На другой же день Женя телеграммой уведомила Клавдию Сергеевну о своем приезде, под вечер пошла на кладбище, всплакнула на Костиной могиле тихо и умиротворенно, а на рассвете следующего дня отправилась на вокзал. Петя не заходил и не провожал.

VIII

Клавдия Сергеевна встретила Женю сердечно, по-родственному. Обняла, расцеловала и обе всплакнули, вспоминая Костю, дядю Ваню и невозвратные, прошлые дни. Тетя очень постарела. Жила

одинок на получаемую пенсию и деньги, вырученные от продажи ненужных вещей и дядиной библиотеки. Приютила у себя прямо на улице подобранного беспризорного Гришутку, одела его, отдала в школу. Жил у нее уже третий год, а было ему 9 лет. Мальчик был шустрый, веселый, сердечный. И первые дни по приезде Жени немного дичился ее, но быстро привык, привязался и, придя из школы, сейчас же начал ей рассказывать все о школьных происшествиях, шалостях и проделках. Жене очень понравился и даже разбудил у нее фривольные мысли. Почему-то припомнила друга раннего детства шестилетнего (а самой было семь) шалуна и проказника Савку, сына учительницы. Часто являлся к ней в гости, что не очень из-за его проказ нравилось и отцу, и бабушке, но к их недовольству он относился с полным равнодушием. Дразнил комнатную собачонку, таскал кота за хвост, отчего руки его всегда были исцарапаны. Говорили Савке: не трогай клетки, незаметно пробирался к ней и выпускал канарейку, не подходи к часам, улучал минутку невнимания, открывал шкаф и устанавливал большой маятник, на столе ничего не трогай, все переворачивал вверх дном, разливал чернило. Грозил отец:

— Ну, постой, вот еще одна проказа, Савка, и я тебя выгоню, больше к Жене пускать не буду.

Молчал, но угроз не пугался.

Один раз отца не было дома, и бабушка тоже куда-то собралась. Строго сказала Жене и Савке:

— Смотрите мне, не шалите, печки не трогайте, — сразу тем обратила Савкино внимание на печку — я приду, сама топить буду. И не думайте, что чего-нибудь не узнаю, вон Бог — показала на икону, — он все видит и все мне расскажет!

Только ушла, как Савка сказал Жене:

— Давай, Женька, печку затопим.

— Давай, я сейчас принесу спички. — своей инициативы на проказы у нее не было, но пособничала охотно.

— Только, знаешь, чтоб Бог не рассказал, мы ему глаза выколیم.

— Выколیم, выколیم! — захлопала в ладоши Женя — Сейчас найду тебе гвоздик.

Савка взгромоздил на стул табуретку, взял поданный Женей гвоздик и глаза Богу выколол, слез и принялся за печку.

Труба была не открыта, и комната наполнилась дымом. Не знали, что делать, но вдруг Савка взглянул на икону и сквозь пасмы дыма ему показалось, что Бог и выколотыми глазами на него смотрит. Опять соорудил свою постройку и полез повернул Бога лицом к стенке, но в это время стукнули двери, Савка испугался и от неосторожного движения — постройка его обрушилась, и он свалился, по счастью прямо на большой фикус, сломал его, но сам не получил никаких повреждений. Гневу вошедшего отца, сразу установившего все преступления, не было границ. Выгнал на этот раз и сказал:

— И не приходи, слышишь, — все равно не пущу!
Савка робко пробирался к выходным дверям, но как только очутился за дверьми, сразу осмелел и сказал вызывающе:

— Подожди, подожди, — хотел сказать «старый черт», но воздержался, не сказал, только подумал, — подожди, я твою Женьку всем глупостям выучу!

Вспомнив эту Савкину угрозу, когда Гришутка ласкался к ней, подумала: «Ах, милый, ну, будь тебе годков на 6, ну, хоть на 5 больше, я бы тебя всем, всем глупостям выучила!» И в сладкой истоме зажмурила глаза. От этой мысли почувствовала, что сердце еще живо и что в будущем еще возможны радости, но и эта мысль как-то не нарушила равнодушной апатии. Ходила по набережным Невы, была на островах, всюду, где бывала с Костей и воспоминания переполняли ее чашу. Но воспоминания очень подвижны, вот сейчас они переполнили все существо, а вот уже отошли далеко, далеко, уже не замечаешь их и, кажется, они остановили тебя навсегда, даже не знаешь, были или снилось? Другие вещи занимают внимание. Никакие другие вещи не занимали Жениного внимания, но воспоминания о Косте таяли, уходили, покидали ее одинокой, только вопрос о правде Костиной смерти иногда вставал так остро, что, вспоминая о спрятанном в тайном ящике флакончике, ощущала лихорадочный озноб. Но и это случалось все реже и реже. И почему-то уже в начале третьей ленинградской недели потя-

нуло «домой». Мысли о Пете в этом, однако, никакой роли не играли, воспоминанья о нем, ждущем, нисколько не нарушали ее апатии. Просто хотелось скорей попасть в ту колею, которой придется продолжать свой жизненный путь. Но месяц решила пробыть в Ленинграде полностью (для приличия, для людского глаза).

Раза три посетила Эрмитаж, который так любила в юности, отведала в нем всех старых знакомых. Когда-то сводила туда и Костю, но тот сказал: не понимаю, зачем это столько намалевали, только скучно и голова болит. Ему в Эрмитаже понравился только фарфор. И то говорил: все это в оборот пустить — есть на нем, пить из него, это я понимаю, а то расставили, сколько комнат заняли, глупо и скучно. А Жене нравились и строгие ван Дейковские портреты, — красивый ван Дейковский юноша¹¹⁵ был ее первой любовью, — и кровью, плотью переполненные полотна Рубенса, от «подножки» с ума сходила, волновал «золотой дождь» за пологом Рембрандтовской Данаи¹¹⁶, а после темных полотен его научилась любовно рассматривать живые старые еврейские лица, часами простаивала у да Винчевской «Мадонны Бенуа»¹¹⁷, замороженная какой-то тайной матери-девочки с тяжелым «опецком»-ребенком на руках. Не любила статуи Вольтера, быстро проходила мимо, думала: умный, но злой, язвительный старикашка, нехороший. Не трогали Мурильовские картины¹¹⁸ на священные

темы. Непорочное зачатие? Чепуха! Зачатие должно быть не по-небесному, сладкому непорочным, а разве по-звериному, т. е. для ханжей — порочным. Нет, от этой святой сладкой непорочности, избави Бог! Но Мурильовский уличный мальчик с собакой был ее настоящим другом.

«Боже мой! — наивно подводила итоги Эрмитажным впечатлениям — Как в мире много хорошего!»

Как-то вечером пристала к тете с просьбою рассказать что-нибудь о себе, о своей жизни.

— Да что ж рассказывать? — отвечала Клавдия Сергеевна — Прожила долго, а вот рассказывать нечего.

— Отчего это, тетя? Неужто у Вас ничего хорошего в жизни не было?

— Что ты, что ты! Наоборот, вся жизнь была совсем неплохая.

— Так отчего же нечего рассказывать?

— А оттого, верно, и нечего рассказывать, что все было хорошо.

— Я что-то не понимаю, тетя!

— Ну, как тебе это растолковать? Вот, помню, как-то дядя читал книгу, не знаю уж какую, — были мы тогда совсем малы, — и вдруг не выдержал, прибегает ко мне:

— Послушай, Клава, вот устрюгу здорово.

Раскрывает книгу и читает:

— Счастлив народ, история которого скучна¹¹⁹.

Я, как и ты сейчас меня, не поняла.

— Почему так? — спрашиваю.

— А что же? — спрашивает тогда он меня — Что дает обыкновенно интересного история? Вот один английский историк прямо утверждал, что история ничем не отличается от списка преступлений, безрассудств и бедствий человеческого рода¹²⁰. Ну, а ничего этого нет у народа, история его скучна, а он счастлив. Вот так и в жизни отдельного человека — все идет хорошо, ничего не нарушает счастья, ну, и значит, у человека — история его жизни для других скучная, рассказывать и не о чем.

— Ага, теперь поняла. Но неужели же ни у тебя, ни у дяди так и не было никаких больших волнений, неприятностей, горя?

— Ну, горе же мое ты знаешь, вот сколько лет прошло, старуха уж совсем, а до сих пор тоскую и тоскую, а рассказывать? Что же тут рассказывать? Все и так понятно.

— Ну, а о хорошем разве тоже нечего рассказывать?

— Хорошее переживать хорошо, а в рассказе — для других твое хорошее покажется очень уж обыкновенным и скучным.

— Так что Вы с дядей были счастливы и потому у Вас обоих и нет истории?

— Да, пожалуй. Но у дяди все-таки кой какие «истории» были, ведь ты же помнишь, какой он был горячка и притом с характером прямым, не терпя-

щим никакой фальши. Ну, как же ему было избежать историй?

— Ну, расскажите какую-нибудь, о дяде все послушать интересно.

— Ну вот, например, скоро как сдал он на доктора медицины, работал уже в хирургической клинике, а в университете приват-доцентом читал анатомию. Одна его работа уже обратила на себя внимание и в газетах его не раз называли «подающим большие надежды» молодым ученым. Ну, и вдруг какая-то история там в университете разыгралась, сейчас уж и не припомню, какая именно. Дядя кипятился, нервничал, громко сказал в профессорской: «— Ну, знаете, если министр ставит явно нелепые требования, то их можно и не исполнять, не подчиняться им!» Ну, понятно, это сейчас же до министра дошло и через день-два получает дядя приглашение явиться к министру. Пошел, конечно, а министром народного просвещения тогда был армянин граф Делянов¹²¹, не очень мудрый человек, даже говорили, что армяне в шутку похвалялись: «— Вот самый глупый у нас — из первых у вас!». А одним из первых у нас он стал потому, что нравился царице. Встретил этот Делянов дядю любезно и вежливо, но сразу задал ему ядовитый вопрос:

— Так Вы, говорят, находите, что министерских требований можно не исполнять, им не повиноваться?

— Если они явно нелепы, — отрубил дядя.

— А кто же Вам дал право критиковать министра?

— Собственная голова на плечах, которая там для того и посажена, чтобы ко всему относиться критически.

— Эге, молодой человек, Вы на опасном пути, послушайте же и запомните для собственной пользы, что я Вам скажу. О Вас слышал, что человек Вы очень ученый, слышал даже, называют Вас восходящим светилом. Ну, так я не хотел бы мешать восхождению Вашему, но должен Вас предупредить: профессора ученые нам не очень нужны, нам нужны профессора послушные, — поняли?

— Отлично понял...

— И надеюсь... — прервал дядю министр.

— Не знаю, на что Вы надеетесь, Ваше Сиятельство, — прервал дядя министра, — да и не интересуюсь этим, желаю Вам удачи в отыскании профессоров послушных! — повернулся и, не прощаясь, вышел из министерского кабинета. В тот же день подал в отставку по Министерству народного просвещения.

Тетка оживилась и рассказывала давнее с таким увлечением, будто все это происходило вчера.

— Вот молодец дядя, — восхищалась Женя — я и не знала, что он был такой смелый, решительный. Таким же я еще больше буду любить его! И вот, говорили, нечего рассказывать, а какое рассказали! Думаю, что и еще найдется у Вас что рассказать, наверное, найдется!

И нашлось. С тех пор до самого Жениного отъезда по вечерам рассказывала тетка и о дяде, и даже о себе: счастливо прожитая ею с дядей жизнь, оказалось, не лишена была и «интересного». Но ведь каждая правдиво рассказанная жизнь интересна и поучительна. Поучений из теткинских рассказов Женя, правда, извлекала немного, да их и не искала, в них не нуждалась, но в них обрела и в старушке близкого, «своего» человека, что укрепляло ее связи с жизнью, — ужасно всегда боялась пустоты вокруг себя, а оживленный ими образ любимого дяди питал бодрящее ощущение, что и ушедшее, закрепленное в мозгу, в памяти, пока не угасло сознание, ушло не совсем. И за это ощущение была признательна тетке. Оно ведь умиротворяло и успокаивало взбудораженные недавно пережитым нервы, рождало робкую надежду на то, что от милого прошлого протянутся крепкие нити к еще неизвестному грядущему, и побитые грозой цветы поднимутся навстречу жизнотворческому солнцу. Только иногда с изумлением спрашивала себя: а отчего так мало уже остается от так недавно ушедшего Кости? Ведь любила же, любила его!

При прощании Клавдия Сергеевна всплакнула, а Гришутка залился такими слезами, что успокоила его только обещанием на другое лето на все каникулы взять к себе. Приглашала и тетку, но та благодарила и отвечала:

— Нет, уж мне, старухе, не рыпаться с места. Выеду только на кладбище.

IX

Петя по телеграмме выслал на станцию лошадей (была от станции и ветка к заводу, но пассажирские поезда по ней не ходили). На росистом рассвете выехала в поле, на котором уже началась жатва. Колокольчики, позвякивавшие под дугой, напомнили старое, некогда любимое стихотворение:

Колокольчики-бубенчики звенят,
Простодушную рассказывают быль¹²²...

Но сколько ни старалась, ничего больше не вспомнила, ничего больше не осталось в памяти, все забыла. Так и нет Кости, много ли в памяти осталось? А ведь любила. Все идет и проходит, бежит как быстрая речка, — куда там речка?! Мелькает, как сон. Совсем жизнь, как сон. И разве все, что наверное было, не перепуталось так со снами, что часто и не разберешь, что было, а что снилось и часто сон несомненное бывшего. Ну, Бог с ним с бывшим, что было — то видела, а вот что будет увижу. К будущему в общем относилась с доверием. А воспоминания все-таки поднимались из какой-то глубины, с разных сторон обступали, кто только не вспоминался — и Савка, и отец, и гимназические учителя, особенно учительница рукоделия, и цыганка-ворожка, и бабушка, и несуразный

Леша, и милый дядя Ваня, и Боря, меньше всего Костя, а ведь с ним прожила и пережила больше всего.

Особенно ярко вспоминалось детство, давние, казалось, уже забытые люди. Нянька Явдоха, старуха не злая, даже добрая, а только никак не умела справиться, когда Женя начинала капризничать, терялась и не знала, что ей делать. Один раз попробовала «попугать» вовой. Сказала: «— Ось погуляй, Егор вову покличе!» И что-то шепнула на ухо сыну, зашедшему навестить ее. Егор вышел, а двухлетняя Женя на угрозу не обратила никакого внимания, продолжала капризничать. Вдруг услышала в темной передней странное постукивание, стала прислушиваться, двери рывнули и на пороге показалось страшилище, напоминавшее громадную жабу, покрытую длинной шерстью, перелезло через порог и медленно поползло к Жене. От ужаса остановилось сердце, захватило дыхание, а затем закричала не своим голосом. Даже няня испугалась:

— Геть собі, геть до лісу — топнула ногой на вову и вова повернулась назад, медленно поползла к порогу, рывнула дверь и скрылась в темной передней. Испуганная продолжала неистово кричать, тогда няня громко сказала:

— Егор, а Егор, йди-но сюди з кожухом!

Вошел Егор, держа в руках вывернутый наизнанку бараний кожух, показывал его Жене, внимательно рассматривала, а все же вова не исчезла

из ее представлений. Вздрагивала и опять начинала плакать, а няня успокаивала:

— Ну, годі ж, годі, нема вови, вова у лісі!

Повторяла за няней — нема вови, вова у лісі и думала: «Лучше не было б ее и у лісі, а то, что ей стоит опять явиться, застучать в темном коридоре, рыпнуть дверьми и вползти в комнату?!» Вздрагивала и начинала плакать.

— Годі, годі! Нема вови — шептала няня, положила в колыску, начала качать, яростно напевая:

*Котик, котику, коток,
Не ходи до нас в садок,
Не топчи наших квіток.*

Засыпала, но и во сне вскрикивала, представлялась громадная жаба с торчащей в разные стороны длинной шерстью. Замучилась с ней няня, выбилась из сил, целую ночь глаз не смыкала. Наконец, слышит Женя, как няня говорит кому-то:

— Вы б там часточку о здравии Евгении вынули, а то щось, мабуть, нездужає дитина, цілу ніч криком кричить.

Открыла глаза. Светло. Возле стоит собравшийся уходить отец, а окна горят в лучах поднимающегося солнца. При дневном свете совсем не страшна вова, пускай себе бегаєт у лісі, подумала и решила: а лучше не было б ее и у лісі. И сладко, безметежно уснула. Заснула и няня, прикорнувши у колыски. Теперь вова, очевидно, смущал уже сны старухи.

По крайней мере, когда проснулась Женя и посмотрела на нее, увидела, что губы старухи шевелятся и вдруг услышала, как сквозь сон сказала:

— Геть собі, геть від нас, пакосна вова!

Радостно хохотала Женя и кричала:

— Няня, няня, не бійся, нема вови, вова у лісі! — а про себя настойчиво думала: «А лучше не было б ее и у лісі!»

Но вот Жене уже восьмой год, давно ушла от них Явдоха, даже умереть успела. И теперь вспоминает Женя, стоит под окном смуглая цыганка, просит:

— Душа моя, дай копеечку, дети голодные!

Достала из-под подушки коробочку, вынула серебряный пяточок, — отец подарил, — отдала цыганке.

Кланялась и благодарила, зажала маленькую монетку в кулак, говорила:

— Дай ручку, душа моя, поворожу тебе, ну, не бойся же, не бойся, давай ручку сюда!

Робко протянула руку, а цыганка залепетала:

— Проживешь счастливо, хорошо проживешь, человека хорошего найдешь, только рано умрет, ничего, ничего, другой утешит, только и сама до сорока не доживешь, зато сколько проживешь, весело проживешь, как птичка. Тут, постой, дальше что-то не вижу...

— Ану, забирайся геть звідси, пройдисвіт-ка! — гневно прервала ворожбу вошедшая в комнату бабушка.

Цыганка поспешно смылась.

Потом слышала Женя на улице, как бабы, тараторя, расхваливали ворожку:

— Так гарно ворожить, кому що наворожить, так тому и выходить.

А проходивший мимо дядько услышал разговор, остановился, сплюнул и сказал:

— Добре ворожить? Особливо дурним, а ще краще тих дурних обкрадає — и пошел своей дорогой.

Ворожба не произвела на Женю никакого впечатления, хотя и радовалась обещания — весело проживешь. Предсказания — не доживешь до 40 не испугалась. До сорока ведь еще далеко! Думала, а главное совсем не представляла себе, что такое смерть и мысли о ней никогда не смущали. Не особенно смущали эти мысли и в 14 лет, все неприятное умела легко обходить, отстранять от себя, но все же уже видела смерть бабушки близко возле себя и вообще о смерти иногда задумывалась. Только что приехавши в Петербург, на первых же днях услышала шарманку, выглянула в окно и увидела под окном во дворе окруженного тесным кольцом подростков и взрослых шарманщика. Мигом по черной лестнице сбежала с третьего этажа во двор. У шарманщика на шарманке стояла клетка, а в ней сидел зеленый попугай. Платили шарманщику пятак, и он тогда подносил к клетке небольшой ящичек полный разноцветных бумажек. Попугай крючковатым роговым клювом вытаскивал одну, а шарманщик

отдавал уплатившему пятак его «судьбу». Сбегала в комнаты, запыхавшись принесла пятак, хотела тоже узнать судьбу свою. Вытащил попугай, получила небольшую зеленую бумажку. Читала. Что-то невразумительное и неинтересное: Вы родились под звездой...», но в конце большими буквами напечатано: «Вы проживете до 89-и лет». Бросилась домой и на черной лестнице залилась слезами, потом долго плакала, уткнувшись лицом в подушку. Хорошо, что ни дяди, ни тети дома не было, никто не спрашивал объяснений. Прекрасно знала, что когда-то умрет и потом 89. Это же многие ли столько живут? Но хорошо было о смерти вовсе не думать, а тут, — что с того, что далеко? Придет и далекое. И обидно, что уже проведена черта, что уже знаешь — ну, 89 проживешь, а 90-а уже не увидишь. Нехорошо знать наперед, не надо! А то ведь выходит, как в «Идиоте» у Достоевского, рассказывает князь Мышкин, как мучится осужденный на смертную казнь тем, что знает, вот завтра, вот через час, через полчаса непременно умрет и каждая минута, потом каждый дом, каждая улица, которые минула колесница, что на ней везут к эшафоту, — все приближает к смерти. Но к смерти ведь присуждены все, и всех все приближает к ней, только никто о ней, как приговоренный к казни, не думает. Самое главное, значит, — не думать. Не думать, не думать! И очень обрадовалась мысли: да ведь и неизвестно ничего. Вот цыганка ворожила: не доживешь до 40-а, а попугай выта-

шил: «проживете до 89 лет». Кому же верить? Может быть, и цыганка, и попугай одинаково врут? Наверное врут! Ну, и хорошо: значит, только не думать, не думать! Тоска прошла, слезы высохли. Думала, хорошо на свете жить и беспричинно смеялась.

Дальше пошли воспоминания о годах более поздних, легкие уже потому, что ничто надолго не задерживалось, все складывалось в причудливые узоры, как в калейдоскопе, они тут же рассыпались и сейчас же сменялись другими. Думала: «А цыганки ворожба таки пока что исполняется, как по писанному: «проживешь хорошо». Прожила недурно. «Человека хорошего найдешь.» Разве не нашла? Разве плох был Костя? «Только рано умрет.» Умер. «Другой утешит.» Вот должен бы утешить. Утешит ли? Ну, а насчет годов жизни буду надеяться, правду сказал попугай. Ого, значит, еще больше жить остается, чем прожила!».

О прошлом думала спокойно, нисколько не волнуясь, без особенного сожаления. На будущее глядела без страха, тоже спокойно, нисколько не волнуясь, без особенного интереса. О том, что ждет вот через час, вообще сегодня, завтра, совсем не думала. Точно ничего этого и не будет, а будет она ехать, ехать... Поймала себя на том, что задремала и заметила, что уже немного ехать осталось. Пошли такие знакомые места, — ничто не изменилось, и без нее все оставалось таким же, каким и при ней было, каким останется и тогда, когда ее уже не будет.

Взгрустнулось от этой мысли, но грусть растворилась, растаяла в радостном блеске уже высоко поднявшегося летнего солнца. Все ведь идет и проходит, мелькает как сон.

Навстречу попадались уже знакомые лица. Некоторые и ее узнавали, приветливо кланялись. Один из встречных сказал товарищу:

— Посмотри, брат, Москаленчиха приехала.

Товарищ ответил:

— А что ж, бабе все, как с гуся вода, муженька похоронила, другого подцепила, помоложе.

И после короткой паузы прибавил:

— Может вместе и извели старого...

— А что ты думаешь, чего доброго! — сказал первый.

Поверить плохому о ближнем люди всегда охочи.

Молчавший до сих пор третий вздохнул и изрек:

— Да, братцы, бабы — гадюки ядовитые! Ну, и наш брат от них, бывает, так осатанеет, что на все готов.

Коляска въехала во двор, остановилась у крыльца. На крыльцо выскочила Дуня, домработница, изображала радость.

— Приехали, наконец! Вот славно, а то скучаем без Вас, пожалуйста, пожалуйста!

Надо вставать, сойти с коляски. А так было уютно на ней, никогда бы не оставлять ее! Но надо же, ведь приехала! Один сон кончился, другой начинается.

Вот кто рад искренне и непритворно это рыжий Эйч, машет хвостом, лает от волнения, визжит.

— Ну, здравствуй, здравствуй, глупый! Но дай же мне, милый, дорогу.

— Пошел вон, Эйч! — крикнула Дуня и толкнула ногой.

Посмотрел презрительно и решил не обращать внимания. А Женя наклонилась к обиженному, поласкала, а Дуне сказала:

— Нет, ты уж, пожалуйста, Эйча моего не обижай, голубушка!

Дуня недовольно поджала губы и ничего не ответила, только подумала: «Ну, целуйся ты со своим Эйчем, если того, как целовали покойный Костя да Петя — то один, то другой вперемешку — тебе мало». А сама своих поцелуйщиков, своих кавалеров пересчитала б с трудом. Пальцев, пожалуй, и не хватило б. Не даром постоянно напевала: «І кому яке діло, що тринадцять я любила!», недаром с особым ударением бравадно заканчивала: «Покиль молодою буду, то й ще тридцять перебуду!» Но невидящие бревна в собственном глазу, соринку малую замечают в глазу ближнего.

Приехала Женя прямо к себе, то есть, собственно, к нему, к Пете, ведь директорскую квартиру занимал уже он. Петя ждал ее дома. Встретил искренне радостно, а она, кроме тяжелой апатии, не ощущала ничего. Поцеловались.

— Ну, милая, теперь никаких препятствий к восстановлению в звании директорши нет?

— Никаких препятствий нет...

— Ну вот, значит, напьешься чаю и пойдем в Загс.

— Пойдем в Загс — отвечала, как равнодушное эхо.

Когда возвратились из Загса, Петя откупорил бутылку шампанского, налил бокалы и протягивая свой к Жене, чтобы чокнуться, сказал:

— Значит, жена Женя!?

Горько улыбнулась. Никаких фривольных мыслей не было, но захотелось поддразнить счастливецца.

— Значит, один петух в моем курятнике? ...Пока не найду другого...

Побледнел, как полотно.

— Знаешь, Женя — сказал после тяжелой паузы, — ты этим не шути. Даю тебе честное слово, слышишь, честное слово, что как только что-нибудь узнаю о втором петухе, зарежу.

Сказал так твердо и уверенно, что почувствовала, — не шутит, зарежет.

Продолжала испытывать его терпение, от нежностей и ласк уклонилась. Сказала:

— Потерпи уж, милый, до вечера, дай мне отдохнуть немного, я устала.

Имела такой жалкий и просительный вид, что сдержался, ничем своего нетерпеливого недовольства не обнаружил.

— Хорошо, я жду. А ты в самом деле приляг, отдохни.

Прошел вслед за ней в спальню, там все стояло на своих местах, так как было и при Косте. Сюда еще он не входил к ней. Взял гвоздь и прибил над кроватью...

— Что ты делаешь? Зачем?

— А вот увидишь сейчас.

Вышел, но сейчас же вернулся, держа в руках большой финский нож в чехле. Повесил над кроватью.

— Это зачем?

— Вот этим самым ножом и зарежу тебя, как только заведешь второго петуха.

Ничего не сказала. Знала, не шутит, зарежет. С тех пор всякий раз, посмотрев на нож над кроватью, испытывала мимолетную жуть.

День тянулся для обоих томительно. Оба не знали, что делать, не находили, о чем говорить. Наконец, Петя не выдержал, «вспомнил», что ему что-то нужно на заводе и ушел. Женя сразу будто выпрямилась, осматривала цветы, разговаривала с Эйчем, ходившим за ней по пятам, подыскивала книги для чтения.

— Ах, Вы мои книжицы, друзья верные, что Вы тут без меня делали? Не соскучились ли? — И сама хохотала над собой — Я точно маленькая!

Но оглянуться не успела, как Петя вернулся. На заводе товарищи встретили его шуткой:

— Что же это Вы молодую жену одну бросили? Идите, идите к ней, уж сегодня мы как-нибудь без Вас обойдемся!

Петя смутился и ушел домой. Из передней слышал веселый Женин смех и, входя, спросил:

— Чему ты?

Женя съежилась, как улитка спряталась в раковинку, ответила сухо:

— Мало ли на свете смешного, милый друг?!

Петя обиделся и надулся, но Женя никакого внимания на это не обратила.

«Дуйся, голубчик, — думала про себя, — дуйся сколько душе угодно, мне от того печали мало.»

Даже казалось, что так лучше, легче: не надо думать, о чем бы поговорить с ним, раз он сам от разговора уклоняется.

Наконец, ощутила потребность великодушия.

— Федул, что губы надул? — обратилась с такой обворожительной улыбкой, что Петя все обиды забыл и расцвел.

— Знаешь, Женя, — ничего другого не выдумал, — давай обедать!

— Я давно с голоду умираю.

— Так чего же молчишь?

— А я твоих порядков не знаю еще, да и то думала, — а может хозяин скупой и, чего доброго, обедать так и не даст?

Рад был ее шуткам, но поддерживать этого тона не сумел. Обеденная суета и гастрономиче-

ские беседы за обедом все же заполнили целый час, промелькнувший незаметно. А после обеда опять время поползло томительно медленно. Как же оба обрадовались вечеру!

Легли рано. С того рокового вечера, когда в последний раз почти силой взял ее на диване в столовой, прошло около полутора месяца. С голодной жадностью схватил ее, но, вспоминая ее тогдашнюю страсть, был разочарован, почти обижен ее холодностью. Никак не реагировала на его восторги, лежала в его объятиях, как мертвая.

Утешал себя, — устала, не отдохнула как следует, думал. Разговаривал о вещах незначительных, отвечала равнодушная, будто отсутствующая. Через полчаса попробовал испытать, не удастся ли пробудить ее чувственности в сеансе вторичном. Ничего не удалось. Осталась невозмутимо пассивной, лежала, как колода, как мертвая. Решил дать ей покой. Надо терпеливо ждать.

Но и на следующую ночь и в ночи ближайшие все в этом отношении осталось без перемен. Наконец, не выдержал, спросил недовольно:

— Да что с тобой, Женя! Ты точно мертвая...

— Мертвая, мертвая, да ты же сам меня отравил. Вздрыгнул. Рассердился.

— Что ты глупости болтаешь, дура!

— Петя, осторожнее на поворотах. Так ты меня скоро и бить начнешь, а тогда я тебя брошу.

— Далеко не уйдешь. Видишь нож над кроватью?

— Теперь уже я скажу, — Петя, не болтай глупостей!

— А ты, Женя, лучше пойми, что это не глупости, опять-таки честное слово даю, попробуешь уйти — зарежу.

Знала, не шутит, зарежет.

«Ах, попалась птичка, — сказала себе, — не уйдешь из сети! Да, от этого не уйдешь. Ну, что ж? Я ведь уходить и не собираюсь.»

Куда уйдешь от судьбы? Ничем невозмутимая пассивность была плодом ее непроницаемой апатии.

На следующий день Петя имел такой угнетенный, убитый вид, что от души пожалела его. Но и в ту ночь в постели осталась неизменно пассивной, мертвенно холодной. Почувствовала, однако, потребность хоть немного утешить, подбодрить его. Когда он со стоном оторвался от нее, ласково погладила по голове и сказала:

— Не грусти и не отчаивайся, Петя, все свое получишь... в свое время.

Слова эти зажгли у него сразу новый прилив страсти, но и на этот раз он оставался безответным.

И опять сказала она:

— Ничего, ничего, потерпи немного!

Сама не очень уверена была в том, что исполнит свои робкие обещания, главное, ничего для исполнения их сделать не старалась, не хотела делать.

Так как сейчас, было спокойно и потому никаких перемен не хотелось.

Х

Все более тесным кольцом окружал Петя Женю, даже в заводской клуб одну не отпускал, плелся за нею. Ревновал к каждому, без всякого смысла и основания. Достаточно было протанцевать ей с кем-нибудь больше одного раза, как уже делал глупейшую сцену. Предупреждала его — Петя, будешь так мучить меня, не будешь мне верить, никогда не получишь того, что ждешь и что я тебе обещала.

— А как же тебе верить после всего того, что ты мне о петухах проповедовала?

— Тьфу, малахольный! Да ужели ты шуток, милый, не понимаешь?

— Хороши шутки! Меня ведь в свой курятник допустила!

Очень его мучило воспоминание о том, как легко отдалась ему, а еще больше о том, как ни за что не хотела оставить Костю, «жалела», но о последнем молчал.

— Так что, ты недоволен тем?

— Не недоволен, а боюсь, что и другого кого-нибудь также легко вступишь!

— Ага, вот в чем дело!

— Но ты помни, честное слово, зарежу.

— Петя, когда чего захочу сильно — не выдержала не признаться — меня ничем не запугаешь. «Жги меня, режь меня»¹²³, а я чего хочу, то возьму, того достигну! А то, что повторяется, приедается. Лучше не повторяй-ка своих угроз.

Этим признанием подлила масла в огонь, и его уж ничем было не потушить. И это порой создавало атмосферу совершенно невыносимую. Нет, ни к чему подобному она с Костей не привыкла. И опять с нежностью и благодарностью вспоминала Костю.

От подозрительного наблюдательного взгляда Петиного уходила, спасалась только по утрам, отправляясь на прогулку в лес. Только там в его чаще чувствовала себя свободным лесным зверем, беззаботной птицей. Исходила его весь вдоль и поперек, по тропинкам, дорогам и без тропинок, без дорог.

Лето прошло, кончался даже первый осенний месяц — прозрачный сентябрь с ясными с самого раннего утра до заката кротко, тихо тающими безоблачными днями, с бабьим летом. Ночи были холодные, к рассвету скрипели морозы, а дни стояли ласково-теплые, иногда почти жаркие. Один раз зашла далеко, далеко, без определенных мыслей, без осознанных чувств и ощущений, просто так, наслаждаясь вольной волей, благословляя за нее судьбу. Заблудилась. Куда же идти? Не знала. Села отдохнуть и вдруг начала одолевать сладкая дрема.

Снилось что или нет, не могла дать себе отчета, но чу! Ясно услышала нежные звуки свирели. Подхвати-лась и пошла на звуки. Шагах в трехстах нашла молодого парня, хлопца лет 17-и. Лежал на спине и, зажмурив глаза, играл на сопилке. Подошла. Хлопец смутился и перестал играть. Опустилась возле него. Сказала:

— Ну, чего ж не играешь? Ты играй, я послушаю.
Застыдился.

— Та хіба ж я вмію грати? Так, балуюсь.

— Ну, и балуйся, кажу, я буду слухать.

Но хлопец упрямо не хотел и баловаться.

— Як тебе зовуть, хлопче?

— Степан.

— Ты Степан, а я Степанида, отже, будем зна-
комы!

Молчал.

— А у тебя, Степа, жінка есть?

— Ги, яка там жінка? Мені ж ще тільки 17 через
тиждень після Покрови буде.

— Так ти ще зовсім малий?!

Придвинулась к нему, приблизила лицо, загля-
нула в глаза.

— Так ти ще може й того не знаєш, що чоловіки
з жінками роблять?

— Чого там не знаю? Знаю?

Совсем прижалась к нему. Смотрела в упор
и спросила:

— Так ти б може зі мною теє зробив, коли вмієш?

Потерялся. Не знал, в шутку или всерьез приста-ет к нему эта странная Степанида. Имел такой вид, точно хотел бы сквозь землю провалиться или вско-чить и бежать куда глаза глядят.

Но Женя уже крепко держала его, держала и не знала, что же ей делать, как объяснить ему, как убе-дить, что не шутит, а действует в самый серьезный серьез? Наконец поняла, что через необходимость освободить ее тело от прикрывающих его одежд он ни за что не переступит, ни за что не отважит-ся на дерзость раскрыть их, приподнять. Должна была в этом помочь ему. Подсунула левую руку под шею Степана, прижала его голову к груди, а правой быстро расстегнула кофточку, две пышные белые груди выпрыгнули прямо на Степу, как две гранди-озные газели, ослабила завязки юбок, приподняла их высоко, свои обнаженные ноги переплела с его ногами. И не то просительно, не то повелительно шептала ему в ухо:

— Ну же, Степа, ну! Невже не вмієш?

Видела с восторгом, как побледнел, затем вспыхнул и вдруг потянулся к ней, крепко обнял. «Тее, що чоловіки з жінками роблять», исполнил исправно. Первой, пронесшейся в Жениной голо-ве мыслью, доставившей острое наслаждение, была мысль: «Вот, если б Петя узнал, ведь заре-зал бы!»

Привела в порядок свои одежды и затем попро-сила Степу проводить ее до дороги на завод. Про-

водил. Дорога была всего в 5–6 минутах ходьбы. На дороге попрощалась, сказав:

— Ну, дай тобі Боже, Степа, гарну жінку і щастя, та дивись нікому не кажи, яку мавку в лісі зустрів.

И пошла своей дорогой.

Домой пришла радостно возбужденная. Без всякой жути, а с острым сладострастным ощущением глядела теперь на финский нож над кроватью и, совсем не пугаясь, взволнованно думала: «Быть бы ему в моем сердце, если бы узнал Петя все.»

В ту же ночь Петя радостно ощутил начало перемены. Лед размяк, тронулся. Забурлили воды, и Женина пассивность явно уступала место сладострастию просыпающейся чувственности.

Но радостная для Пети перемена испугала Женю. С нею пришел конец радовавшему ее спокойствию, теперь уступавшему место остро враждебным, почти граничившим с ненавистью, чувствам к Пете. Потому всемерно, всеми силами противилась нахлынувшей перемене, но уже ничего, увы, с собой поделаться не могла.

XI

С каждым днем неудержимо росла с тех пор у Жени чувственная жадность, а вместе с ней в непосредственной связи, в непосредственной зависимости от нее росла и острая вражда к Пете, переплескивавшая в лютую ненависть. И что было еще

мучительнее, еще более жестоко трепало нервы — все это опять поставило перед ней вопрос о тайне Костиной смерти, повелительно требуя точного ответа на него, разгадки томящей тайны. Бросалась к комоду, доставала из потайного ящика роковой флакон, оглядывала с разных сторон, точно выпрашивала у него ответа, разгадки, открывала стеклянную пробку, долго принохивалась, точно ответ мог дать запах жидкости, но запаха никакого не было, пробовала взять чуть-чуть на язык, но сейчас же пугалась, плевала и даже тщательно полоскала рот. Ответа не было. С отчаянием и тоской прятала флакон назад в потайной ящик и среди бела дня ходила как ничего не видящий лунатик. В конец истомленная чувственной жадностью, которой ничто не давало удовлетворения, задумывалась, а что, если бы поискать этого удовлетворения не у Пети, а у какого-нибудь другого «петуха», а с Петей, с Петей опять лежать как колода, как мертвая. Боже, как тогда было спокойно на сердце от полного безразличия, полного равнодушия ко всему на свете, даже к тайне Костиной смерти. Но где же взять, где добыть этого второго «петуха»? Мысль поневоле обращалась к Степе. Бросалась в лес, искаживала его вдоль и поперек до смертельной усталости, галлюцинировала, слышала «сопилку», шла на ее звуки, а они удалялись, удалялись и умолкали, а через 2–3 минуты раздавались в другой стороне, оттуда, откуда она пришла. С отчаянием понимала, что это

бред — бред на яву. В изнеможении валилась на уже холодную землю и думала: «хорошо бы простудиться, заболеть тяжело, гореть в большом жару, бредить и потом незаметно, тихо умереть, уйти из этого мира, где «всюду страсти роковые и от судеб защиты нет»¹²⁴, обрести вечный покой «в месте златном, месте покойном...»¹²⁵. Вспоминала похоронные молитвы, которые над бабушкой читал отец, — еще что? «Идеже праведные упокоются»¹²⁶... Праведные? Только праведные? А неправедные? Впрочем, до этих какое ей дело? Разве она не праведная? Чувствовала себя праведной, в своей праведности не сомневалась нисколько. Вдруг явственно слышала приближающиеся шаги. Затаив дыхание, прислушивалась, идет, идет! Но вот — и нет никаких шагов. Уже понимала, что это опять бред, галлюцинация и все-таки робко окликала:

— Степа, это ты?

Ответа никакого не было. Обливалась бессильными слезами, но слезы приносили облегчение. Мысли понемногу прояснились, таял туман, заставлявший глаза, и постепенно начинала понимать, что Степа вряд ли помог бы. Ну, развлек бы, дал сладостную минутку, преподнес совсем не пышную розу, даже и не розу вовсе, а всего лишь скромную маргаритку или бледненькую незабудку, но разве и эти не милы? Взяла бы и эти. Скромно и хорошо! Но и только. Огня неукротимой животной жадности не потушил бы, о нет, не потушил бы! Вспоминала,

что именно случай с ним положил начало перемене в ее отношениях к Пете, обратил ее к тому, с кем до этого спокойно лежала колодой, мертвой. Начинала понимать, что чувственность ее пробудил Петя и что если вот и готова была бы еще раз побаловаться со Степой, то это так мимоходом, в качестве сладостной интермедии, искристой забавы, но в сущности никого другого ей сейчас не надо, нужен Петя, только Петя! И от этого сознания еще более заострялась, еще более росла и буйствовала ненависть, лютая ненависть к нему.

— Что ж? Он зажег, он пусть и тушит. Замучу и его, и себя, и заставлю, заставлю огонь мой залить, жажду мою утолить. Потухнет страсть, может быть, и ненависть смолкнет, может быть, и с ним примирюсь.

До сих пор все-таки часто сомневалась в своих подозрениях, думала: «Может возвожу на Петю напраслину?». Сейчас уже сомнений не оставалось и была этому даже рада. «Вот, если когда-нибудь опять начну сомневаться, — говорила себе, — чего доброго, не выдержу — проверю его капли на нем же.» А от убеждения, что знает страшную правду, — кружилась голова и еще сильнее бурлила, клокотала страсть. «Преступный, гадкий, но смелый, решительный. Ведь все — из-за любви ко мне. Как любит!» А от этих мыслей ненависть достигала последних граней, лишала самообладания. Чувствовала, будто быстро приближается к обрыву над

бездной и с ужасом думала: «Ухватиться не за что, не удержусь, слечу!»

И с тех пор стремилась ночи свои обратить в бесстыдные оргии с Петей, доходила до цинизма и уверяла себя, что стыд и цинизм — это людские выдумки. Разве человек не животное? А разве животные имеют стыд, знают, что такое цинизм? И отвечала тут же сама себе: «Да, стыда не знают, исполняют закон, веления природы, но что такое цинизм, действительно, не знают. Цинизм — это достижение «царя природы». Ну, что ж, а я почему от него должна отказаться, если он последняя моя надежда найти средство, способ потушить мою бесстыдную (да, вот несколько, несколько не стыжусь), мою бесстыдную животную жадность? Если надежда не обманывает меня, то да здравствует цинизм! А то истомилась я, устала.

И не только сама истомилась, но и Петю так утомляла, что в обычной семейной обстановке, не имея возможности уйти, уклониться, спрятаться от ее чувственной ярости, выдумывал себе короткие командировки, охоты, уезжал дня на два на три — «отдохнуть».

И сама она тогда отдыхала, темная, тяжелая чувственность куда девалась? Исчезала без остатка, на сердце становилось спокойно, спокойно, настроение — прозрачным, легким. Ходила по комнатам, напевая давно забыты романсы, самые мелкие мелочи делала с увлечением, с упоением

поливала цветы, присматривалась внимательно к каждому новому побегу, к каждому чуть еще обозначившемуся росточку, радовалась им, как ребенок новой занимательной игрушке. И читала, читала. «Что бы я делала, — спрашивала себя — если б не стало в мире книг?» И уверенно отвечала: «Пропала б, честное слово, пропала б, занудилась.» Вечером выглядывала в окно, и если видела «молодика», разговаривала с ним, как с живым, ласкала словами:

— Ах, ты мой миленький, мой малюсенький!

«Молодик» всегда вызывал у нее прилив жизнерадостности, бодрости. Луна настраивала мечтательно, почти сентиментально. Декламировала: солнце неспящих, светило печальное... или что-нибудь другое, лунным светом напоенное. Но стихи не очень любила и редко какое стихотворение могла дочитать до конца. Не было ни молодика, ни луны, любовалась звездным небом. Говорила себе: «Боже, сколько в свете миров, не счесть их! И в каждом, может быть, живут такие же, как и мы, люди, а может быть, и совсем другие, на нас не похожие. Сколько тайн, сколько непонятого вокруг нас! Даже жутко становится, как надумаешься. Лучше, право, ни о чем всерьез не задумываться, а жить, жить просто так, как птицы живут, как трава растет, цветы цветут.»

Рано ложилась спать, моментально засыпала, засыпая думала: «А все-таки хорошо на свете жить!» Спала безмятежно, без сновидений. Просыпалась

или с радостной мыслью: «Ну, еще один денек мой!» Или огорчаясь и мрачняя от воспоминанья: «Сегодня приедет, дьявол! Опять разбудит во мне ведьму. Ну, себя в конец изведу, но и его измучаю!» И чем больше при этом чувствовала злобы, чем острее ощущалась она, тем больше бывала довольна собой. Вдруг совершенно успокаивалась, совершенно освобождалась от пугавшего жуткого ощущения приближения к обрыву над бездной и даже подсмеивалась над собой:

— Вот чепуху выдумала, не было печали, так сама себя пугаю!

Вспоминала старика Акима из «Власти тьмы»¹²⁷, поучавшего девчурку: «Ты не бойся, так и не будет страшно!». «Ну вот, — смеялась как ребенок — я не стану больше бояться, мне и не будет страшно!»

— Эйч, поди сюда! — окликала собаку.

Рыжий подходил.

— Ну, а тебе, дурень, бывает страшно? Наверно, нет? Для страха все-таки нужно хоть немного человеческого мозга, родящего человеческие мысли, хорошо бы не иметь мозга, не иметь мыслей — и заливалась таким веселым смехом, будто на ее горизонте никогда не было ни одного облачка.

XII

Во второй половине октября — в воздухе уже прорывались, кружились белые мотыльки-снежин-

ки и лес в одну ночь — ударил порядочный мороз — потерял свой лиственный убор, протягивал теперь куда-то свои обнаженные, голые руки, имел жалкий и странный вид, зато так приятно было идти по золоту осыпавшихся листьев, шуршащих под ногами, — во второй половине октября начала прихварывать. Головокружение, слабость. Не пойти ли к доктору? И ответила себе: «Вот еще не было печали! Ведь здорова так, что меня и «довбней» не убьешь! Как-нибудь пройдет.» Но не проходило. И вдруг в одно прекрасное утро прозрела, поняла: беременна. Вот не было печали! Откуда мне сие? В самом деле, откуда? От Пети или, может быть, от Степы? Вот и еще одна тайна, которой никогда, никогда не разгадать! Но все более склонялась к убеждению — от Пети, и оттого чудовищно выросла, разбухла лютая ненависть. Его как раз, на счастье, не было дома. Уехал вчера вечером на охоту. Вот хоть бы сегодня еще не приехал!

День был неплохой и для успокоения от, рожденной совсем неожиданным открытием, тревоги бросилась в лес. Улыбаясь, думала: «Ну, может быть, повезет — Степу встречу, еще разок побалуясь, хлебну вина сладкого, ну, а не повезет, утомлюсь, спать буду лучше.»

На встречу не очень надеялась, но чувствовала, что к неудаче отнесется совсем спокойно. Во всяком случае, не галлюцинировала: ни сопилки, ни приближающихся шагов не слышала, да часто и совсем

забывала, с какой надеждой вышла. Сознание, чувства, ощущения были переполнены утренним открытием.

«Надо же такое! Еще и эту чашу преподносит ей жизнь. И придется испить? Странны, неисповедимы, загадочны пути судьбы человеческой. И как неожиданны бывают ее обороты! То, чего вовсе не ждала, о чем никогда и не задумывалась, откуда и взялось, все вверх дном грозит перевернуть, все спутать. Есть отчего потеряться! А, впрочем, может быть, оно и к лучшему? — Страстно возмущилась этой мыслью — Не хочу, не хочу, не хочу! Может быть, от всякого другого приняла бы, покорилась, согласилась, а от Пети, от проклятого, — в первый раз уронила по его адресу грубое слово — нет, от Пети не хочу и не хочу, и не хочу!»

И не зная, как же от этого избавиться, уйти, спастись, — села на сырую землю и горько расплакалась. Казалось, слезам не будет конца, как нет конца ее тупому, холодному отчаянию. Но слезы и на этот раз принесли безутешной облегчение, умиротворили усталую душу, пролили в нее несколько капель, если не надежды, откуда было взяться надежде? То спасительного безразличия апатии. «Ну, как-нибудь, как-нибудь!» Сказала себе, встала и шурша золотом листьев, тихонько пошла домой. О Степе совсем забыла, даже не вспоминала больше ни разу.

Бывает, и очень длинная дорога покажется совсем короткой и пройдешь ее незаметно, бывает

и наоборот, короткая кажется утомительно длинной, и все нет ей конца. Женя на этот раз просто не заметила, длинна или коротка была ее дорога из лесу домой. К дому своему приближалась с учащенно бьющимся сердцем от тревожной мысли, — вернулся или нет? Так не хотелось, чтоб вернулся сегодня! Еще бы один вечер провела спокойно и спала бы сладким, ничем невозмутимым сном. В этом повезло — не вернулся. Даже повеселела. Как гусь, выходя на берег, стряхивает с крыльев воду, стряхнула с утра язвившие мысли, гнетущие чувства, томительные ощущения. Сердцем и слухом ловила призывный шум приближающегося прибоя побеждающих волн воли к жизни. Он придет, он нахлынет, сокрушит все, что препятствием стоит на пути, он придет, он близок — девятый вал! О чем же беспокоится? Чего бояться?

Улыбнулась: «Вот не стану бояться и не будет мне страшно! — и, точно бросая вызов судьбе, решила — Я свое возьму, не испугаюсь ничего! «Человек создан для счастья, как птица для полета.» — вспомнила, любил повторять Костя — О, Костя таки кое-что понимал в жизни! Не даром же она полюбила его! — Пело сердце, вырастали и расправлялись крылья, всем существом своим готова была к полету. — Беременность, все земное вообще, есть о чем думать, есть чем смущаться, если человек создан для счастья!? Перед солнцем его разойдутся все тучи, дрогнет — и сгинет всякая тьма. Гори, не погасай солнце

человеческого счастья! Разве не стыдно не уметь, не отважиться взять то, для чего рожден человек в свет? Ну, я сумею, я отважусь, я возьму. Моего у меня никто не отнимет, зубами и костями буду защищать то, что принадлежит мне. Нет, не выпущу его из рук!» Призывала на помощь всю свою жизнерадостность, всю силу сопротивления силам враждебным, посягающим нарушить ее физическое и моральное благополучие, и говорила себе: «Мы еще повоюем! Еще ведь не старуха я, только вот-вот стукнет тридцать три. Три для меня всегда было счастливым числом, а тут сразу две тройки — 33!» С большим аппетитом пообедала, забылась в чтении очередного увлекательного романа, потом чаевала, а в 9 часов вечера, чувствуя себя усталой, пошла к себе и стала приготавливаться ко сну.

Опять вышивала на канве мечтаний утешительные, солнцем согретые мысли. Но только подумала: «Не унывай, Женя! Может быть, твое лучшее еще впереди!», как сразу свалилась из-за облачной выси мечтами рожденных волнующих призраков на скудную землю будничной прозы, столько грязных пятен бросившей на ее чистые, светлые одежды, на ее лучшие цветы, на ее некогда ничем невозмутимые радости. Услышала шум, голоса. Приехал, вернулся. Вот тебе и 33! Сразу вспыхнувшая разрушительная лютая злоба прилила к лицу волны горячей крови. Оторвавшись от сердца, клубок острой ненависти поднялся к горлу, давил, стеснял дыха-

ние. Как мышь в мышеловке заметалась по комнате. Что делать? Куда бежать? Готова была бежать куда глаза глядят без оглядки, выпрыгнуть в окно, только бы уйти, спрятаться, освободиться от проклятого! Но что сделаешь, куда убежишь? От судеб защиты нет. Быстро сорвала с себя одежды, разделась, юркнула в кровать и потушила свет. «Авось, пока он там управится со своими делами, поужинает, засну, — разбудить он не посмеет или притворюсь спящей.» В своем утреннем открытии решила ни за что не признаваться. Уже потому, что знала, как обрадовался бы он этому признанию. Ведь сейчас же вообразил бы, что теперь уж она окончательно и бесповоротно у него в руках. «Коротки руки, голубчик!»

Петя со своими делами управлялся, ужинал довольно долго, но Женя тревожно, как рыба, выброшенная на берег, извивалась на кровати, тщетно ища удобного положения, и, конечно, не заснула. Наконец, услышала его шаги, затихла неподвижная и сказала себе: «Ну, притворюсь!» Еще наивно верила в возможность для себя этого притворства. Войдя, тихо и нежно спросил:

— Спишь, Женюта?

Не отвечала.

Подошел к кровати и, не зажигая огня, — в большие окна лился вкрадчивый свет полной луны, — стал медленно раздеваться. Несколько раз Женя с трудом удерживалась от того, чтобы не закричать:

«Да не копайся же ты, тихоход несчастный, поторопись хоть немного. Темпы, даешь темпы!» Сама себе удивлялась, откуда взяла сил воздержаться от понуканий поторопиться, внутри ведь все клокотало. Но когда ощутила его возле себя в постели, все плотины прорвало, притворство полетело кувыркком, жадно потянулась к нему и сказала:

— Ну, как ночевал без жены?

— Как? Кое как переночевал.

— Кое как? Ишь ты, поганец! А подумал, что с женой? Подумал как-то ей спать без привычного любимого мужа под боком, без его поцелуев и ласк, говори, подумал?

— Но ты же сейчас получишь все, получишь и вчерашнюю порцию, и сегодняшнюю — был очень польщен и нежно ласкал.

— Ну, ну, посмотрим! Но лучше не хвались, идущи на рать... И помни, соловья баснями не кормят. Покажи-ка себя на деле! — и вся, пылая, требовательно прижималась.

Вначале старалась обуздать себя, не хотела сразу истратить сил, ибо создала большой план: надо же, наконец, когда-нибудь добиться, чтобы залил ее пламень, утолил ее жажду. Но всякое прикосновение к нему, всякое его движение не гасили огня, жажды не утоляли, а безмерно их увеличивали. Петя остался ею очень доволен, поцеловал и мечтательно сказал:

— Как люблю мою Женюту!

— А я ли тебя не люблю, глупый?! Но любви, милый, словами не показывают. Показывают ее делами. Ну, показывай.

Должен был показывать.

Теперь она уже не знала никакого удержу, пылала испепеляя, а огонь поднимался все выше и выше. Позволила покурить, с трудом удерживалась не торопить с курением, но едва кончил курить и хотел еще выиграть время, для чего начал рассказывать о каком-то, уверял, занятном случае на охоте, сразу оборвала:

— Брось ты свою охоту, пожалуйста, очень она мне интересна!

— Уверю, случай занятный, посмеешься!

— Смеси кого другого, мне не до смеху, не мешай моей охоте... на крупного пушного зверя, на моего Петиньку.

— Бешенная ты какая-то! — сказал не грубо, а даже с оттенком восхищения.

— С тобой сбесишься! Но довольно разговоров, — ни слова, о друг мой, мы будем с тобой молчаливы! Ну, даешь занавес! Действие продолжается. Доказывай любовь, милый!

Должен был доказывать.

— Ну, премного благодарен, Женюта!

— А я ли не благодарна, Петинька? Но еще рано благодарить, голубчик, придется тебе еще любовь доказывать, раз похвалился любовью.

— Да что ты, Женюта, я уж и не докажу, пожалуй!

— Вот тебе и раз, хорош мужчина, хороша любовь, которой доказать не можешь!

— Но всему же есть границы! — пробовал защититься.

— Никаких границ, Петя, в любви не надо, долой все границы!

— А если их ставит природа?

— Вот тебе и раз — природа! Значит, природа должна допустить второго петуха, если один не способен удовлетворить курицу?

Злился, но молчал.

— Напрасно же ты, голубчик, претендовал на роль одного единственного петуха в моем курятнике! Я, как видишь, не такая курочка, которая, если петух посидел на ней, отходит довольная, клюет зернышки и терпеливо ждет, пока петушок опять соблаговолит обратить на нее внимание.

Злился, но молчал.

— Значит с ролью единственного петуха в моем курятнике — сказала вызывающе — не справишься?

Вспылил, рассердился.

— Женя, будет язык трепать!

— А ты на меня не кричи, ты совсем и не петух, а мокрая курица.

Попробовал опять случай на охоте рассказывать. Оборвала сразу, на этот раз с раздражением:

— Да дай ты мне покой с твоей охотой!

— Уверяю, интересно! — сказал тоже с раздражением.

— Ну, поищешь кого-нибудь, кому это интересно, а мне нисколько. Сказала я тебе, ты человеческий язык понимаешь? Сказала — соловья баснями не кормят. Слышал? Понял?

— Бешенная! — сказал на этот раз уже без всякого восхищения, но волнение и раздражение восстановило его силы. Потянулся к ней, привлек к себе.

— Ну, ну, — шептала страстно — молодец, молодец, покажи себя петушком стоящим, способным доказать любовь.

И на этот раз доказал.

— Ну, довольно? — спросил ободренный тем, что услышал, и она дышит тяжело, прерывисто.

— Тебе довольно? А мне, голубчик, нет. Золотой гребешок, собирайся с силами, курочка подождет немного.

Но «петушок» на этот раз с силами собирался долго, в конце концов Жене пришлось расходовать свои тоже упавшие силы (увы, упадок их не гасил огня и не ослаблял животной жадности) на разные ухищрения — помочь ему восстановить свою мужскую способность. Больше часу ушло на это, часы в столовой уже давно пробили и двенадцать, и пол первого, час, но все же и на этот раз заставила его доказывать свою любовь.

Затем поняла, что больше никакие ухищрения ничего не помогут. Петя уже не пробовал занятного случая на охоте рассказывать, даже не покурил, моментально заснул. А Женя не могла и думать

о сне от возбуждения и горьких мыслей о том, что нет никаких средств, никаких способов потушить чувственный огонь, насытить чувственную неутолимую жадность им же возбуждаемую и уже отравляющую ощущением тошноты от острого отвращения, брезгливости к самой себе. Как же очиститься от этой липкой грязи, в которой завязла, которая засасывает, куда, как бежать? Но разве от себя убежишь? Теряла уверенность в себе, теряла бодрость, мужество. Вспоминала, слышала где-то или прочла? Кто-то, кажется, полководец знаменитый сказал: потерять мужество — значит все потерять, сохранить мужество, значит, ничего не потерять! Человек создан для счастья! Но разве счастье возможно для того, кто самому себе становится гадок? Разве поднимут к солнцу крылья, отяжелевшие от облепившей их грязи? Чувствовала и сознавала, что темная чувственность властно толкает к цинизму, создающему ощущение, что тонет в грязи, захлебывается ею. Но ведь это он, он разбудил в ней животное! Что же делать? Опять от сердца поднялся и к горлу подкатился клубок лютой ненависти. Готова была сорвать со стены четко черневший там во вкрадчивом свете лунного пятна финский нож и по рукоятку всадить ему в самое сердце! Руки сами тянулись к стене, к ножу. Надо же найти какой-нибудь выход из тупика! Надо спастись!

— Пусть ответит мне, наконец, за Костю!

Но это сразу дало иное направление ее мыслям.

— Нет, я иначе сделаю и всей правды добьюсь! Не могу больше не знать правды, оставаться в потемках сомнений, мучительных подозрений.

Поднялась с кровати, подошла к комоду, разыскала там потайной ящик и извлекла оттуда роковой флакон. Затем тихонько вышла в столовую. Там достала из буфета маленький графинчик с водкой, выплеснула из него прямо в какой-то цветок больше рюмки и влила в графинчик все содержимое флакона. Разболтала. Затем поставила графинчик обратно в буфет, а рядом с ним поставила и пустой флакон.

— Пусть стоит. Если заметит, если поймет, ну, — его счастье, его судьба. А не заметит, не поймет, ну, пусть откроет тайну Костиной смерти и даст за нее ответ.

Сомнения и подозрения рассеялись, всем существом чувствовала, знает правду. Вернулась в постель, но до утра тревожно металась по кровати, а заснуть никак не могла. Слышала, как вставал Петя, натянул брюки, надел носки, ботинки, робко спросил:

— Слышишь, Женюта?

Молчала. Притворялась спящей, знала, не станет будить, побоится, не потребовала бы опять доказывать любовь.

Не переменив ночной рубахи, не надев пиджака, вышел в столовую.

Продолжала тревожно метаться по кровати, тщетно стараясь найти удобное положение, хоть

немного успокоиться. Слышала, как Петя возит-ся в столовой с электрическим чайником, стучит посудой. Наконец неожиданно, во весь рост вытянувшись на спине почти что поперек кровати, провалилась в небытие, как камень упала в темную бездну. И приснился ей мальчик, никак разобрать не могла — Боря, Степа или Гришута, а, может быть, и не Боря, и не Степа, и не Гришута, а какой-нибудь четвертый, ей доселе неизвестный, незнакомый, пожалуй, больше всего походил на Гришуту, уже потому, что было ему никак не больше 9-и лет, а, может быть, и меньше. И все же то Борины ухватки, то Степину наивную неуклюжесть узнавала в нем. Раздела мальчика и взяла его к себе в кровать. Ничего что маленький, можно и с маленьким немного пошалить, побаловаться. И от этого будет радость. Значит, стыдиться нечего, святошу никогда из себя не корчила и сейчас не собирается вовсе, не станет корчить. И со сладким упоением принялась учить мальчика глупостям. Наука мальчику, видимо, нравилась. С удовольствием проделывал все, чему его учила. И вдруг, чудо, на глазах выросстал, выросстал, обращался в юношу и уже заключал ее в свои железные объятия, но только, вся трепеща и содрогаясь, она готовилась ему самозабвенно отдаться, как увядал, уменьшался и вот опять к ней ласкался малыш, несмышлениш, который сладострастно хохотал от того, что его щекотала и беззаботно игрался ее левой грудью. Но вдруг схватил

сосок и зажал в кулачок. Больно, но опьяняюще приятно. Но мальчик входил в раж и сжимал кулачок все крепче. Боль становилась нестерпимой, но как от нее отказаться, если с прекращением ее прекратится и острая сладострастная радость? Застонала от боли и вдруг услышала чей-то знакомый, но сразу не поняла чей, голос:

— Да проснись же ты, наконец!

Сны мимолетные, сны беззаботные снятся лишь раз! Зачем же, зачем просыпаться? Не надо!

Но теперь уже не было никакой радости, только боль. Проснулась от того, что Петя в ночной сорочке без жилета и пиджака, сидевший возле нее на кровати, безжалостно теребил ее за сосок, выбившейся из-под одеяла левой груди.

— Петя, больно, что ты делаешь, сумасшедший!?

— Да тебя никак не разбудишь!

— А будить зачем? Всю ночь ведь не спала.

— Мне очень скверно, Женя!

— А что с тобой?

— Огнем печет возле сердца, глаза застилает туман, дышать нечем.

«Ага, — подумала, — тайна, кажется, откроется!» И вспомнила старое, престарое, от отца когда-то слышала: той же мерою, которой Вы меряете, и Вам будет отмерено.

Спросила:

— А ты водку пил?

— Ну, пил, две рюмки.

— А в буфете рядом с графинчиком флакон видел?

— Какой флакон?

— Да твой же флакон.

Начинал догадываться и боялся догадаться.

— Какой мой флакон?

— Да тот самый, из которого ты тогда, помнишь, Костю угощал.

Все понял и смертельно побледнел.

— Проклятая... гадина!

Холодный ужас содеянного потряс все Женино существо, ознобом пробежал по спине, но сейчас же растаял, распустился в припадке сладострастного порыва — еще раз, один только раз отдаться ему, пусть тьма, вечная тьма, смерть и ад с его муками, только бы еще один раз, только один раз отдаться ему, напиться из чаши его ответной любви.

Потянулась к нему трепещущая и вздрагивающая.

Петя просунул свою левую руку ей под спину, кистью, поднятой с другой стороны, руки схватил и зажал сосок ее левой груди. Как во сне было больно, но сладострастно сладостно и согласна была терпеть боль, лишь бы не оборвалась радость. Его голова склонялась ей на грудь, а она все усилия употребляла, чтобы помочь ему сделать еще одно усилие — приподняться, лечь на нее. Раз, еще один только раз!

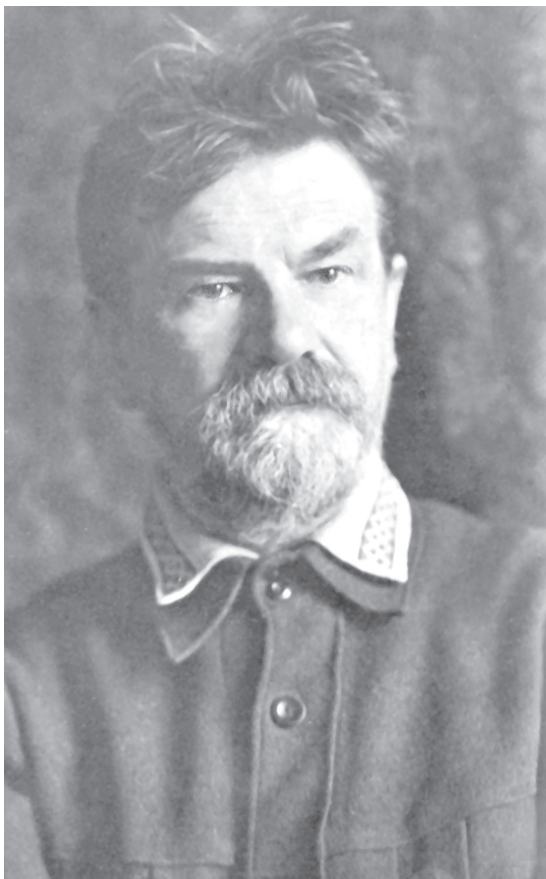
Вдруг Петя рванулся вперед, куда-то протянул правую руку — немного вверх.

Прежде чем сообразила, что он делает, увидела, что в руке его блеснул финский нож, прежде чем успела вскрикнуть, собрав последние силы, он всадил ей этот нож по самую рукоятку под левую грудь и вырвав назад, бросил на пол. Не издала ни одного звука. Судорога подбросила все его тело. Голова спустилась ниже и очутилась под самой раной, из которой фонтаном все была горячая кровь, залившая все его лицо и все продолжавшая течь, еще и еще. Но он уже ничего не сознавал, не чувствовал, не ощущал.

Михайло Могилянський у молодості

*Зберігається у Інституті рукопису
Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського*

Михайло Могілянський (1942)

*Зберігається у Центральному державному архіві-музеї
літератури та мистецтва України*

Всюду страсти роковые.

(Роман) I.

Косря, Кинжалов (Сергеевич Москаленко, инженер, директор завода, на совокъяри индустрии диверсифицированно и легионировано для всех отраслях, да, вероятно, и для самого себя. Правда, он уже года три, как знает, что сердце у него не в полном порядке, с изгнанием даже как-то, обилие в Москве, замкнул завизит знаменитому кардиологу Меркелю Доротею, чем за билет на „Анну Каренину“ Профессор небрежно пошутил, пошутил, пошутил с середины и сразу, диагноз, видимо, не вызывает затруднений, - и сказал:

- Да-с, шалея есть, но не-те я вам скажу, ~~не~~ с таким сердцем можно досрочно дожить, нужно только соблюдать осторожность - и начать забывать про жизнь: - алкоголь, былье, курить не курить, курить бросить, а если уж карантин, вот не ждите курить не больше пяти папирос в день, ездить в Kisлoвoдск...

Косря подумал, что ему пора пропить спирит, обладурить интерес, влиять же к профессорским советам и сиротам:

- Сколько раз?

- В Kisлoвoдск каждый день три года подряд, а затем... каждый год, - подумал профессор. Лекарств никаких не просят, а в действительности пробавля: - в аптеке не найдешь, образ жизни вещь кармановый. На первых порах Косря, бля, срадался от предписаний профессора не курить, курит даже, курит, но 2-3 папиросы в день, только, когда на работе что-нибудь не ладится и выпивало, или садился играть в карты и справля, и после от него летали огромные поргитары, забывая

**Перша сторінка рукопису новели
«Всюду страсти роковые»**

Зберігається у Центральному державному архіві-музеї
літератури та мистецтва України

БІОГРАФІЧНА ДОВІДКА ПРО МИХАЙЛА МОГИЛЯНСЬКОГО⁴

1873 — народився 4 грудня 1873 року у Чернігові у родині Михайла Яковича Могилянського, товариша голови Чернігівського окружного суду, та Марії Миколаївни Могилянської, місцевої громадської діячки.

1883–1892 — навчався у Чернігівській чоловічій гімназії. Переховував вдома нелегальну українську бібліотеку гімназистів та семінаристів.

1892–1899 — був студентом юридичного факультету Санкт-Петербурзького імператорського університету. Брав участь у студентських марксистських гуртках. Не завершив університетське навчання через арешт 20 березня 1899 року за участь у студентських протестах. Після 3,5 місяців ув'язнення,

⁴ **Псевдоніми та криптоніми:** Мих. Андрійко, М. Руссобтовський, Ан. Лебединський, Валер'ян Чубинський, Петро Чубський, Т. Максимович, Б. Гриценко, Мих. Мих., М. М., М. А. та інші.

зокрема у сумнозвісному слідчому ізоляторі «Хрести», вийшов на свободу.

1895 — дебютував як письменник російськомовною збіркою «Три стихотворения в прозе», тоді ж вийшли його перші україномовні статті в галицькому часописі «Народ», а роком пізніше — «Жите і слово».

1898 — одружився із вчителькою Олександрою Олексіївною Ситенською (1873–1932). У них народилося четверо дітей: Лідія (1899–1937), Дмитро (1901–1938), Олена (1905–1998), Ірина (1910–1987).

1899 — висланий на 3 роки до Чернігова під гласний нагляд поліції як «неблагонадійний».

1903 — здав випускний іспит в Імператорському новоросійському університеті в Одесі, після чого отримав диплом юриста. Як цивільний позивач виступав у суді по справі щодо Кишинівського погрому 1903 року, а також брав участь у ряді судових процесів, присвячених аграрним бунтам, що прокотилися Україною на початку ХХ століття.

1904–1913 — обирався гласним Городнянського повітового земського зібрання.

1904, літо — переїхав до Києва, де співпрацював з газетами «Киевские отклики» та «Киевское слово».

1906–1917 — увійшов до Конституційно-демократичної партії (кадети), а з 1907 року — обраний членом її Центрального комітету. У травні 1917 року вийшов із партії через незгоду щодо українського питання.

1906 — переїхав до Санкт-Петербурга, за час проживання в якому став спеціалістом із українських справ, активно дописуючи до таких видань: петербурзького тижневика «Украинский вестник», газет «Дума», «Рідна справа — Вісті з Думи», «Речь», «День», київських газет «Рада», «Нова рада», місячника «Українська хата», львівського часопису «Літературно-науковий вістник», московських часописів «Украинская жизнь» та «Промінь» тощо.

1906–1909 — був редактором у видавництві Михайла Васильовича Пірожкова у Санкт-Петербурзі.

1913 — обраний земськими зборами на посаду мирового судді в Городні.

1914 — у червні засуджений разом із іншими петроградськими адвокатами за участь у справі Бейліса до шести місяців ув'язнення. У зв'язку з цим звільнений із посади мирового судді.

1917 — після Лютневої революції повернувся до Городні на посаду мирового судді. У серпні того ж року призначений на посаду товариша голови Чернігівського окружного суду.

1918 — очолив чернігівське видавництво «Сіверянська думка».

1919 — став головою літературного комітету Чернігівського губернського відділу народної освіти.

1921–1923 — жив у Петрограді, де зокрема працював у «Государственном издательстве РСФСР».

1923–1933 — переїхав до Києва, де головував у Постійній комісії для складання Біографічного словника діячів України при Всеукраїнській академії наук. Брав активну участь у науковому та мистецькому житті Києва, зокрема у Літературній дискусії 1925–1928 років, тісно спілкувався із київськими неокласиками.

1926 — опублікував у харківському журналі «Червоний шлях» оповідання «Вбивство», яке стало скандальним завдяки тому, що випадково потрапило у тогочасний політичний контекст радянської України, а також зіграло злий жарт із його автором, адже після появи цього тексту влада негласно заборонила приймати до друку спочатку літературні твори, а потім наукові праці Могилянського.

1929 — написав роман «Честь», що вперше був опублікований 1990 року у київському журналі «Вітчизна».

1934–1941 — після звільнення з Всеукраїнської академії наук у 1933 році втратив як безробітний право на прописку в Києві та змушений був переїхати на проживання у Дніпропетровськ до родини своєї молодшої доньки Ірини.

1937 — за сфальсифікованою НКВД справою розстріляно доньку Могилянського — поетку Лідію Могилянську.

1938 — за сфальсифікованою НКВД справою розстріляно сина Могилянського — письменника

Дмитра Могилянського (літературний псевдонім — Дмитро Тась).

1939 — завершив у Дніпропетровську роман «Всюду страсти роковые».

1941 — завершив у Дніпропетровську роман «Ильза».

1941, серпень — після початку Німецько-радянської війни евакуювався разом із дочками Оленою та Іриною до Сибіру.

1942 — 22 березня помер від анемії у селищі Велика Мурта, Красноярський край, Російська федерація. Точне місце поховання невідоме.

ПРИМІТКИ

¹ Слова з російської народної небилиці.

² **...vraiblement...** — фр. «справді».

³ Сцена допиту головного героя є бурлескним зображенням радянської репресивної машини з властивими їй порушеннями прав людини — ВС.

⁴ **«На заре туманной юности»** — назва оповідання Володимира Соловйова (1853–1900), виданого в 1892 році.

⁵ **...порошка, изобретенного Бертольдом Шварцом...** — йдеться про винахід пороха у Європі, що приписується францисканському монахові Бертольдові Шварцу, який нібито жив у XIV столітті.

⁶ **...как понимал я сожаление Калигулы...** — фразу «*Utinam populus Romanus unam cervicem haberet!*» («Якби римський народ мав одну шию!») римський історик Светоній (70–122) у праці «Про життя цезарів» вклав до уст Калігули (12–41). Імператор, якого сучасники вважали за жорстокого правителя, сказав ці слова в цирку, де глядачі рукоплескали не йому, а іншому учаснику перегонів.

⁷ **...es lebe das Leben...** — нім. «хай живе життя».

⁸ **...«любовь к жизни, любовь к своей собственной жизни укрепляют всеми средствами».** — у книзі «Так казав Заратустра» Фрідріх Ніцше (1844–1900) зокрема писав: «Ваша любов до життя хай буде любов'ю до вашої найвищої надії — а цією найвищою надією хай буде найвища думка життя! Але вашу найвищу думку нехай звелю вам я — і вона прозвучить: людина — це те, що слід подолати!» Фрідріх Ніцше. Так казав Заратустра. Жадання влади. Київ: «Основи», 1993. С. 47–48.

⁹ **...прочтя беседу Сталина с Уэлсом...** — Бесіда Йосипа Сталіна (1878–1953) з Гербертом Уеллсом (1866–1946) відбулася в Москві 23 липня 1934 року. Під час неї письменник-радянськочинник у всьому погоджувався і захоплювався Сталініним. Для радянського суспільства цю розмову подали як свідчення інтелектуальної і моральної переваги Сталіна та Радянського Союзу над буржуазним заходом. Див.: Беседа т. Сталина с английским писателем Г. Д. Уэллсом (23 июля 1934 год) // Большевик. 1934. № 17. С. 8–18.

¹⁰ **...πάντα ρεῖ...** — гр. «все тече». Концепція філософа Геракліта (VI — V ст. до н.е.), згідно якої все у світі є змінне, ніщо не повторюється.

¹¹ **...как хороша будет жизнь «лет через 200 — через 300»...** — слова Олександра Гнатовича Вершиніна — персонажа драми «Три сестри» (1900) Антона Чехова (1860–1904). Повна цитата виглядає так: «Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая

жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней». Свадьба. Юбилей. Три сестры. Пьесы Антона Чехова. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1902. С. 52.

¹² **...après moi, le deluge...** — фр. «після мене хоч потоп». Фраза, приписувана французькій маркізі де Помпадур (1721 — 1764), фаворитці короля Людовика XV (1710–1774).

¹³ **...любовь — только происки и хитрость «гения рода»...** — йдеться про міркування філософа Артура Шопенгауера (1788–1860) у «Метафізиці статевого кохання» (1818), який пояснював закоханість так: «Мы должны поэтому допустить, что здесь не только телесные организации, но и *воля* мужчины и *интеллект* женщины находятся между собою в каком-то специальном соответствии, в результате чего только они именно, этот мужчина и эта женщина, и могут породить вполне определенную особь, существование которой задумал гений рода по соображениям, коренящимся во внутренней сущности вещей и потому для нас недоступным. Или, говоря точнее: воля к жизни хочет здесь объективироваться в совершенно определенном индивидуе, который может произойти только от этого отца и от этой матери.» Метафизика половой любви. [в] А. Шопенгауэр. Полное собрание сочинений. Том 2. Мир как воля и представление. Перевод Ю. И. Айхенвальда. Москва: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнер и К, 1901. С. 570.

¹⁴ **...taedium vitae...** — латин. «відраза до життя».

¹⁵ **...Мечников в своих «этюдах оптимиста»...** — йдеться про книгу: Ілля Мечников. Етюди оптимизма. Москва: Научное слово, 1907.

¹⁶ **...«Высшее, до чего поднялось человечество, — это умение любить женщину»...** — неточна цитата з оповідання Максима Горького (1868–1936) «О первой любви» (1923), яка в оригіналі звучить так: «самое умное, чего достиг человек, это — умение любить женщину, поклоняться ее красоте, — от любви к женщине родилось все прекрасное на земле.» Максим Горький. О первой любви // Красная новь. 1923. № 6 (16). С. 10.

¹⁷ **Не теряйте лучше сил, сразу опускайтесь на дно!** — дещо змінена цитата з вірша Івана Франка (1856–1916) «Сучасна приказка», що увійшов до збірки «Semper tiro» (1906). У вірші оповідається про потопаючого чоловіка, за яким спостерігає його кум зі словами: «Не тратьте, куме, сили, / Спускайтесь на дно».

¹⁸ **...щоголять в Гарольдовом плаще...** — «москвичем в Гарольдовом плаще» називав Олександр Пушкін (1799–1837) свого персонажа Євгенія Онегіна — головного героя однойменного твору.

¹⁹ **...до цели жизни — до могилы...** — цитата з вірша Семена Надсона (1862–1887) «Терпи... пусть взор горит слезой...» (1878).

²⁰ **...рассказ Лескова «Чертогон».** — йдеться про оповідання «Чертогон» (1879) Миколи Лескова (1831–1895). Твій оповідає про великий запій та пізні-

ше покаяння перед Богом головного героя, який у такий спосіб повертає собі відчуття нормальності життя.

²¹ **...Вы бурбон настоящий...** — йдеться про давній французький королівський рід Бурбонів.

²² **О, дети, дети, как опасны ваши лета!** — початок байки «Півень, кіт і мишеня» (1802) поета Івана Дмитрієва (1760–1837), де наївне мишеня вважало kota своїм приятелем.

²³ **...in spe...** — латин. «в надії».

²⁴ **Любовь, говорят, не картошка, ее не выбросишь за окошко.** — російська народна приказка.

²⁵ **Корабли мне снятся!** — алюзія на роман Олександра Гріна (1880–1932) «Алые паруса» (1923), в якому головній героїні Ассоль сниться корабель із червоними парусами та принцом, який має припливти за нею.

²⁶ **...как спутанную нить...** — алюзія на вірш Валерія Брюсова (1873–1924) «Болезнь» (1920), в якому є такі слова: «Что ж! Порвать давно готов я / Жизни спутанную нить, / Кончив повесть, послесловья, / Всем понятного, не длить.».

²⁷ **...Ceterum censeo...** — початок латинської сентенції «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam» — «Крім того, я вважаю, що Карфаген має бути зруйнований». Плутарх (46 — 119) у книзі «Життя Катона Старшого» писав, що римський полководець, якому залежало на перемозі Риму над Карфагеном, закінчував цією фразою кожную свою промову.

²⁸ **...alter ego...** — лат. «друге я».

²⁹ **...crescendo...** — італ. «зростаючи».

³⁰ **...«Комедію любови» Ібсена...** — йдеться про однойменну драму Генріха Ібсена (1828–1906), видану в 1862 році.

³¹ **...mutatis mutandis...** — латин. «після здійснення необхідних змін».

³² **...меренги...** — рід випічки, інша назва безе.

³³ **...сердце не камень.** — алюзія на однойменну комедію Олександра Островського (1823–1886), видану в 1880 році.

³⁴ **Rira bien, qui rira le dernier...** — фр. «Найкраще сміється той, хто сміється останнім».

³⁵ **...отце моя казка нова, почнем ее з кінця знову...** — дещо змінена цитата з української народної пісні «Був собі журавель». Оригінальна цитата виглядає так: «Був собі журавель / Та журавочка, / Накосили сінця / Повні ясельця... / Наша пісня гарна й нова, / Починаймо її знову!».

³⁶ **...а песня зреет...** — алюзія на вірш Афанасія Фета (1820–1892) «Я пришел к тебе с приветом...» (1843). Оригінальна цитата виглядає так: «Я пришёл к тебе с приветом [...] Рассказать, что отовсюду / На меня весельем веет, / Что не знаю сам, что́ буду / Петь — но только песня зреет.»

³⁷ **...ум мой крылья опустил: я борец, а не нахал.** — неточна цитата з вірша Якова Полонського (1819–1898) «Литературный враг» (1866), яка в оригіналі виглядає так: «Я вчера еще перо мое точил, / Я вчера еще кипел

и возражал; / — А сегодня ум мой крылья опустил, /
Потому что я боец, а не нахал.»

³⁸ **...мальтретировать.** — знеажливо до когось ставитись.

³⁹ **...в Выборг, на Иматру.** — Выборг — місто в російській частині Карелії, що в 1917–1940 та 1941–1944 роках належало Фінляндії. Иматра — місто у Фінляндії, область Південна Карелія.

⁴⁰ **Все мгновенно, все пройдет./ Что пройдет, то будет мило.** — цитата з вірша Олександра Пушкіна «Если жизнь тебя обманет...» (1825).

⁴¹ **...силе нас гнетущей не раз приходится покоряться и терпеть.** — змінена цитата із вірша Василя Жуковського (1783–1852) «Торжество победителей» (1828), яка є перекладом балади Фрідріха Шиллера (1759–1805) «Das Siegesfest» («Свято перемоги») (1803). Оригінальна цитата з Жуковського виглядає так: «Смертный, силе, нас гнетущей, / Покоряйся и терпи; / Спящий в гробе, мирно спи; / Жизнью пользуйся, живущий».

⁴² **...Что надо нам, того не знаем мы, / Что знаем мы, того, увы, для нас не надо...** — цитата з філософської трагедії «Фауст» (1808 і 1832) Йоганна Вольфганга Гете (1749–1832).

⁴³ **...Гельсингфорсом...** — шведська назва столиці Фінляндії — міста Гельсінкі.

⁴⁴ **...вроде избушки Сольвейг (помнишь Рериха?)...** — йдеться про картину Миколи Рериха (1874–1947) «Будинок Сольвейг в горах» (1912).

⁴⁵ **...о жизни покончен вопрос.** — цитата з вірша поета Івана Нікітіна (1824–1861) «Вырыта заступом яма глубокая» (1860).

⁴⁶ Відсутнє закінчення речення. — ВС.

⁴⁷ **...Attalea princeps...** — різновид пальми, типовий для лісів Амазонки; водночас таку назву має казка Всеволода Гаршина (1855–1888) про пальму, яка сумувала за лісами своєї батьківщини, поки виріши і розбивши скло теплиці, до якої почав залітати холодний вітер і дощ північного краю, вона не зрозуміла, що приречена.

⁴⁸ **...построят «новый, лучший»...** — неточна цитата з міжнародного комуністичного і соціалістичного гімну «Інтернаціонал» (1888). Оригінальна цитата виглядає так: «Весь мир насилья мы разрушим / До основанья, а затем / Мы наш, мы новый мир построим — / Кто был ничем, тот станет всем».

⁴⁹ **...заря всемирного восхода солнца...** — алюзія на заключні слова з п'єси «Потонулий дзвон» (1896) Гурхарта Гауптмана (1862–1946).

⁵⁰ **...соединение пролетариев всех стран...** — одне з найвідоміших комуністичних гасел, висловлене вперше Карлом Марксом (1818–1883) та Фрідріхом Енгельсом (1820–1895) у «Маніфесті комуністичної партії» (1848).

⁵¹ **...heimkehr...** — нім. «повернення додому».

⁵² **...из двух книг делать третью...** — у листі до Володимира Грабаря (1865–1956) із Великої Мурти від 26 лютого 1942 року Могілянський писав: «Ниц-

ше язвил, что профессор — это человек, из двух книг делающий третью». Отдел рукописей РГБ. Фонд 376. Единица хранения 20. Лист 69.

⁵³ **...Або...** — нині Турку, місто і порт у Фінляндії.

⁵⁴ **...Суомі...** — назва Фінляндії фінською мовою.

⁵⁵ **...«струю свежей лазури» под собой и сверху «луч солнца золотой»...** — цитати з вірша Михайла Лермонтова (1814–1841) «Парус» (1832).

⁵⁶ **...роман растянуть до размеров Диккенсовских...** — йдеться про Чарльза Діккенса (1812–1870), який за життя був одним із найпопулярніших та найпродуктивніших англійських письменників.

⁵⁷ **...«Несчастливым» Гюго...** — йдеться про роман «Знедолені» (Les Misérables) (1862) Віктора Гюго (1802–1885).

⁵⁸ **...Уолтуитменство...** — Уолт Уїтмен (1819–1892) — один із найвпливовіших американських поетів, творець верлібру, яким написана найвідоміша його поетична збірка «Листя трави» (1855).

⁵⁹ **...мистера Вильсона...** — Вудро Вільсон (1856–1924) — президент США у 1913–1921 роках, відомий як автор Чотирнадцяти пунктів Вільсона — концепції, що визначила підвалини міжнародного устрою після закінчення Першої світової війни.

⁶⁰ **...«В огне» нашего друга Барбюса...** — «В огне. Дневник одного взода» (1916) — це роман письменника Анрі Барбюса (1873–1935), що оповідає про щоденне життя під час Першої світової війни.

⁶¹ **...Rocher du neiz...** — мабуть, йдеться про гору Роше-де-Не (Rochers de Naye) біля міста Монтре у Швейцарії.

⁶² **Merci, m-r Corbeau!** — фр. «Дякую, м-р Корбо».

⁶³ **...Бонар-Лоу...** — Ендрю Бонар Лоу (1858–1923) — прем'єр-міністр Великої Британії у 1922–1923 роках, член партії консерваторів. Під час Лютневої революції 1917 року перебував на посаді канцлера скарбниці Великої Британії.

⁶⁴ **...заключительные строки Гончаровского «Обрыва»...** — йдеться про опис Іваном Гончаровим (1812–1891) настроїв і думок головного героя його роману «Обрив» (1869) — Бориса Павловича Райського, який, живучи божемним життям та подорожуючи Європою, мріє про повернення додому: «сильнее их влекла его к себе — еще другая, исполинская фигура, другая великая «бабушка» — Россия.»

⁶⁵ **Гапаранда.** — місто на півночі Швеції, в провінції Норрботтен, на кордоні із Фінляндією.

⁶⁶ **...от хладных финских скал до пламенной Колхиды...** — цитата з вірша «Клеветникам России» (1831) Олександра Пушкіна.

⁶⁷ **...Марсово поле...** — площа в Санкт-Петербурзі.

⁶⁸ **...«все триста»...** — алюзія на героїчну оборону у 480 році до н. е. греками Фермопільського проходу від наступу персів на чолі з царем Ксерксом. Тут йдеться про похорони 23 березня 1917 року 184 жертв вуличних зіткнень із поліцією, що відбулися під час Лютневої революції.

⁶⁹ **...волнуясь и спеша...** — цитата з вірша поета Миколи Некрасова (1821–1877) «Памяти Белинского» (між 1851 і 1853 роками).

⁷⁰ **...с белых яблонь дым...** — цитата з вірша поета Сергія Єсеніна (1895–1925) «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921). Ціла строфа виглядає так: «Не жалею, не зову, не плачу, / Все пройдет, как с белых яблонь дым. / Увядания золотом охваченный, / Я не буду больше молодым.»

⁷¹ **...если бы то, что мы любим, умереть не хотели...** — цитата з вірша письменника Персі Біші Шеллі (1792–1822) у перекладі на російську поета Костянтина Бальмонта (1867–1942). Ціла строфа виглядає так: «Разрастается смертная тьма, / И если бы то, что мы любим, умереть не хотело, / Любовь умерла бы сама.»

⁷² **...«спящую вакханку» Гета.** — йдеться про однойменну скульптуру з експозиції петербурзького Ермітажу, створену в 1828 році шведським скульптором Еріком Густавом Гете (1779–1838).

⁷³ **...под умным взглядом философа...** — йдеться про вміщену в експозиції Ермітажу статую Вольтера (1694–1778), що сидить у кріслі, створену 1781 року французьким скульптором Жаном-Антуаном Гудоном (1741–1828) на замовлення імператриці Катерини II (1729–1796). Імператор Микола I наказав перенести статую з Ермітажу до складу Гофінтендантської контори, а згодом до підвалу Таврійського палацу в Санкт-Петербурзі. У 1855 році, за правління імпера-

тора Олександра II, скульптуру Вольтера повернули до Зимового палацу.

⁷⁴ **Опомнился у Медного Всадника...** — пам'ятник імператору Петру I в Санкт-Петербурзі, створений у 1768–1778 роках скульптором Етьєном Морісом Фальконе (1716–1791).

⁷⁵ **...inter arma silent musae...** — латин. «коли говорять гармати — музи мовчать».

⁷⁶ **...НЭП...** — Нова економічна політика — економічна політика в Радянському Союзі, що 1921 року прийшла на зміну політиці «воєнного комунізму» та була спробою реабілітувати зруйновану економіку країни.

⁷⁷ Далі йшов закреслений текст: «Прогремели над миром пятилетки, строительство социализма, создание бесклассового общества, поставлены были на порядок дня большевиками, не знающими крепостей неприступных.»

⁷⁸ **...ядовитые бутады...** — бутада — саркастична фраза, сказана в роздратуванні.

⁷⁹ **Жить с каждым днем становится все веселей...** — прихована цитата відомих слів Йосипа Сталіна, сказаних ним під час Першої всесоюзної наради робітників і робітниць-стахановців 17 листопада 1935 року.

⁸⁰ **...скучно жить на свете, господа...** — слова з повісті Миколи Гоголя (1809–1852) «Как поспорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1831), якими закінчується твір.

⁸¹ **...«Чувства добрые я лирой пробуждал», «в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал»...** — цитати з вірша Олександра Пушкіна «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836).

⁸² **...la critique est aisée, mais l'art est difficile...** — фр. «критика — це легко, а мистецтво — важко». Цитата з комедії «Славетний» (1732) драматурга Філіпа Неріко (1680–1754), що є французьким перекладом слів давньогрецького історика Полібія (200–120 до н.е.), вміщених в його 40-томній «Історії».

⁸³ **...поставят на Ваше место Максима...** — йдеться про Максима Горького (1868–1936).

⁸⁴ **...Репин, когда задумал «Не ждали»...** — картина Іллі Рєпіна (1844–1930) «Не ждали» була створена в 1884–1888 роках.

⁸⁵ **Merçi beaucoup...** — фр. «дуже дякую».

⁸⁶ **...Галерею нового западного искусства...** — йдеться про Музей нового західного мистецтва, що існував у Москві в 1923–1948 роках. Головними експонатами музею були картини з колекції купців Сергія Щукіна (1854–1936) та Івана Морозова (1871–1921).

⁸⁷ **Поверить алгеброй гармонию...** — неточна цитата слів Сальєрі з трагедії Олександра Пушкіна «Моцарт і Сальєрі» (1830). Оригінальна цитата виглядає так: «Ремесло Поставил я подножием искусству; / Я сделался ремесленник: перстам / Придал послушную, сухую беглость / И верность уху. Звуки умерт-

вив, / Музыку я разъял, как труп. Поверил / Я алгеброй гармонию».

⁸⁸ **...Щукин и Морозов...** — йдеться про колекції картин, у першу чергу французьких художників-імпресіоністів, зібрані російськими мільйонерами і колекціонерами Сергієм Щукінім та Іваном Морозовим. Після Жовтневого перевороту 1917 року обидві колекції націоналізували більшовики, а по закінченню Другої світової війни вони були поділені між Ермітажем та Державним музеєм образотворчих мистецтв імені Олександра Пушкіна.

⁸⁹ **...Курский вокзал...** — один із вокзалів Москви.

⁹⁰ **...отправились в Сокольники.** — район у східній частині Москви.

⁹¹ **...представляется, что я не Ильза, а Гильда...** — йдеться про головну героїню п'єси шведського драматурга Генріка Ібсена (1828–1906) «Будівничий Сольнес» (1892).

⁹² **...как у строителя Сольнеса закружится голова...** — будівничий Гальвард Сольнес, натхненний закоханою у нього юною Гільдою, хоче збудувати величну будівлю, аби помірятися силою з Богом, але при її урочистому відкритті не втримується на вершині і розбивається на смерть. Це глибоко символічне закінчення п'єси «Будівничий Сольнес» можна розуміти як прагнення творчої людини перевищити себе, досягнувши неможливого, та свідомість пов'язаних із цим небезпек.

⁹³ **...слова Чехова о том, как ему хотелось бы быть молодым офицером, обедать в ресторане и слушать музыку...** — Иван Бунін (1870–1953) у спогадах про Антона Чехова занотував діалог, що відбувся між двома письменниками навесні 1899 року в Ялті. У відповідь на запитання Буніна, чи любить він море, Чехов сказав: «Не знаю, — ответил он, глядя куда-то вдаль и, очевидно, думая о чем-то своем. — По-моему, хорошо быть офицером, молодым студентом... Сидеть где-нибудь в людном месте, слушать веселую музыку... И, по своей манере, помолчал и без видимой связи прибавил: — Очень трудно описывать море. Знаете, какое описание моря читал я недавно в одной ученической тетрадке? «Море было большое». И только. По-моему, чудесно.» Далі Бунін пояснював ці слова так: ««Море было большое»... Ему, с его постоянной жаждой наивысшей простоты, с его отвращением ко всему вычурному, напряженному, казалось это «чудесным». А в его словах об офицере и музыке сказалась другая его особенность: сдержанность. Неожиданный переход от моря к офицеру, несомненно, вызван был его затаенной грустью о молодости, о здоровье. Море пустынно... А он любил жизнь, радость, и за последние годы эта жажда радости, хотя бы самой простой, самой обыденной, особенно часто сказывалась в его разговоре. Но именно только сказывалась». (Цит. за: Иван Бунин. «О Чехове». Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955.) Цікаво, що цей незавершений рукопис вперше було опубліко-

вано після смерті Буніна 1955 року в Нью-Йорку його дружиною Вірою Буніною (у дівоцтві Муромцевою) (1881–1961), тоді як «Гільду» Могилянський завершив у 1941 році.

⁹⁴ **...Песнь Песней.** — Пісня над піснями — книга Старого Заповіту, яка складається з любовних гімнів, що оспівують почуття Соломона та Суламіфи. Уважається за алегорію любові Яхве до обраного народу Ізраїлю.

⁹⁵ **...велика страна наша родная, много в ней полей, озер и рек...** — неточна цитата з широко відомої в СРСР «Песни о родине» (1936) поета Василя Лебедева-Кумача (1898–1949). Повна цитата виглядає так: «Широка страна моя родная, / Много в ней лесов, полей и рек! / Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек.»

⁹⁶ **...затем на Октябрьский.** — нині Ленінградський вокзал у Москві.

⁹⁷ **...эксцитировал...** — те саме, що хвилював.

⁹⁸ **...стат-душ...** — або електростатичний душ — назва однієї з фізіотерапевтичних процедур.

⁹⁹ **...Зощенковские персонажи...** — Михайло Зоценко (1895–1958) — популярний в Радянському Союзі письменник, відомий як автор сатиричних творів про радянську дійсність.

¹⁰⁰ **...И пить будем, и гулять будем, / А смерть придет, — помирать будем...** — слова з однойменної російської народної пісні.

¹⁰¹ **...І дурень, і мудрий нічого не знає.** — цитата із вірша Тараса Шевченка (1814–1861) «Гайдамаки» (1841).

¹⁰² **...участника 1-го марта 1881 года Кибальчи-ча...** — йдеться про Миколу Кибальчича (1853–1881) — російського революціонера, страченого 3 квітня 1881 року за співучасть у замаху на вбивство імператора Олександра II, що відбувся 1 березня того ж року. Перебуваючи в ув'язненні та очікуючи на страту Кибальчич розробив проект космічного літального апарату, який — попри засадничі вади в конструкції — був оригінальною розробкою вченого-аматора.

¹⁰³ **...«Засвітали козаченьки в похід з полуночі»...** — українська народна пісня.

¹⁰⁴ **...Ренанов...** — Ернест Ренан (1823–1892) — французький письменник і філософ, відомий своїми теоріями націоналізму.

¹⁰⁵ **...Штраусов...** — Давид Фрідріх Штраус (1808–1874) — німецький філософ, історик, відомий зокрема завдяки працям про історичну особу Ісуса Христа.

¹⁰⁶ **...если бы Бога и не было, его надо было бы выдумать...** — цитата з «Послання автора нової книги про трьох самозванців» (1769) Вольтера (1694–1778).

¹⁰⁷ **Хохотала на «Женитьбе» и «Ревизоре», трепетала и плакала на «Грозе», любила «Евгения Онегина» и «Пиковую Даму»...** — «Женитьба» (1842) та «Ревизор» (1836) — п'єси Миколи Гоголя (1821–1852), «Гроза» (1859) — п'єса Олександра Островського (1823–1886),

«Евгений Онегин» (1833) та «Пиковая Дама» (1834) — роман у віршах та повість Олександра Пушкіна.

¹⁰⁸ **Глядя «Спящую красавицу» или «Щелкунчика»...** — «Спящая красавица» (1889) та «Щелкунчик» (1892) — балети Петра Чайковського (1840–1893).

¹⁰⁹ **...тяготели к «Домострою»...** — Домострой — пам'ятка російської літератури XVI століття, що складається з настанов щодо різних аспектів суспільного життя окремої людини та родини.

¹¹⁰ **...Александра Федоровича Керенского...** — Олександр Федорович Керенський (1881–1970) — російський політик, голова Тимчасового уряду в 1917 році.

¹¹¹ **...не была Пентефрией...** — Пентрефрія — персонаж Старого Заповіту, дружина Потіфара, власника Іосифа, що був в єгипетському полоні. Після невдалої спроби спокусити Іосифа, Пентефрія звинуватила його в спробі згвалтування, за що юнака ув'язнено.

¹¹² У рукописі був теж наступний варіант цього епізоду: «От Бори до Вербова за десять лет с гаком, Женя, правду сказать, один раз таки согрешила «от скуки», как уверяла себя, но так неудачно, что не любила этого случая вспоминать, а в уважение того о нем и не расскажем. Отметим лишь, что случай этот надолго отбил у нее охоту искать легких развлечений и научил некоторой осторожности.»

¹¹³ **...excusez du peu...** — фр. «ні більше, ні менше».

¹¹⁴ **...незлим тихим словом...** — цитата з вірша «Заповіт» (1845) Тараса Шевченка.

¹¹⁵ **...красивый ван Дейковский юноша...** — йдеться про картину фламандського художника Антоніса ван Дейка (1599–1641) «Портрет юнака» (1633–1634), що зберігається в Ермітажі.

¹¹⁶ **...Рембрандтовской Данаи...** — йдеться про картину нідерландського художника Рембрандта ван Рейна (1606/1607–1669) «Даная» (1636–1643), що зберігається в Ермітажі.

¹¹⁷ **...да Винчевской «Мадонны Бенуа»...** — йдеться про картину флорентійського художника Леонардо да Вінчі (1452–1519) «Мадонна Бенуа» (1478–1480), що зберігається в Ермітажі.

¹¹⁸ **...Мурильовские картины...** — йдеться про іспанського художника Бартоломе Естебана Мурильо (1617–1682).

¹¹⁹ **Счастлив народ, история которого скучна.** — вислів належить письменникові Шарлеві Луї Монтеск'є (1689–1755).

¹²⁰ **...история ничем не отличается от списка преступлений, безрассудств и бедствий человеческого рода...** — цитата з книги англійського історика Едуарда Гіббона (1737–1794) «Захід і падіння Римської імперії» (1776).

¹²¹ **...граф Делянов...** — йдеться про Івана Давидовича Делянова (1818–1897) — російського державного діяча часів імператора Олександра III, який перебував на посаді міністра народної освіти в 1882 — 1897 роках.

¹²² **Колокольчики-бубенчики звенят, / Простодушную рассказывают биль...** — «Колокольчики-бубенчики звенят...» (1902) вірш Степана Петрова-Скітальця (1869–1941).

¹²³ **...Жги меня, режь меня...** — неточна цитата з пісні Земфіри — головної героїні поеми «Цыганы» (1827) Олександра Пушкіна. Оригінальна цитата виглядає так: «Старый муж, грозный муж, / Режь меня, жги меня: / Я тверда; не боюсь / Ни ножа, ни огня. / Ненавижу тебя, / Презираю тебя; / Я другого люблю, / Умираю любя».

¹²⁴ **...всюду страсти роковые и от судеб защиты нет...** — заключні слова з поеми «Цыганы».

¹²⁵ **...в месте злачном, месте покойном...** — слова з 90 псалма із Псалтиря.

¹²⁶ **...Идеже праведные упокоются...** — див. попередній коментар.

¹²⁷ **...Акима из «Власти тьмы»...** — однойменна драма Льва Толстого (1886), видана вперше 1902 року.

ЗМІСТ

<i>Вікторія Сергієнко. Письменник пристрасті</i>	<i>3</i>
Ильза.....	40
Всюду страсти роковые	156
Біографічна довідка про Михайла Могилянського	273
Примітки	278

Літературно-художнє видання

**Михайло Могилянський.
Неопубліковані новели**

Упорядкування
Вікторія Сергієнко

(українською та російською мовами)

Відповідальна за випуск
В. Г. Сергієнко

Редактор
В. Г. Сергієнко

Дизайн обкладинки
Ю. О. Кунщикова

Комп'ютерна верстка
О. А. Мірошніченко

Підписано до друку 15.12.2023
Формат 70×100 $\frac{1}{32}$. Папір офсетний.
Умов. друк. арк. 12,09. Гарнітура Ассіа Ріано
Наклад 300 прим. Зам. № ПЛ-10/23

ТОВ «ВИДАВНИЦТВО ПРАВА ЛЮДИНИ»
61002, Харків, вул. Дарвіна, 7, кв. 35
Свідоцтво Державного комітету телебачення і радіомовлення України
серія ДК № 4783 від 23.10.2014 р.
ел. пошта: distribution.hr.publisher@gmail.com